

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

На правах рукописи

Арутюнов Антон Георгиевич

**Цифровая трансформация российского регионального
избирательного процесса: политико-технологический аспект**

Специальность: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Мамычев Алексей Юрьевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	24
§ 1.1 Цифровая трансформация политического процесса: основные трактовки и концептуализация понятия.....	24
§ 1.2 Тренды и тенденции цифровизации регионального избирательного процесса.....	41
§ 1.3 Доктринальные и нормативно-правовые основы развития цифрового избирательного процесса в современной России.....	66
Выводы первой главы.....	85
Глава 2. АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ).....	88
§ 2.1 Сравнительно-политический и типологический анализ цифровых технологий в современном избирательном процессе.....	88
§ 2.2 Этапы цифровой трансформации современного российского регионального избирательного процесса.....	116
§ 2.3 Применение технологии дистанционного электронного голосования и ее влияние на избирательный процесс в российских регионах.....	130
§ 2.4 Перспективы развития и совершенствования процесса цифровой трансформации регионального избирательного процесса в современной России.....	169
Выводы второй главы.....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	195
БИБЛИОГРАФИЯ.....	202
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена разнонаправленностью и в то же время значимостью для динамики общественно-политического развития процессов трансформации регионального избирательного процесса, которые обусловлены внедрением цифровых технологий и алгоритмических решений в политическую коммуникацию. В частности, актуальность диссертационному исследованию придаёт процесс использования дистанционного электронного голосования во всё большем количестве регионов Российской Федерации и во всё большем количестве типов избирательных кампаний.

Дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) становится ключевым фактором трансформации избирательного процесса. Вокруг ДЭГ возникает целый комплекс политических технологий, который направлен на легитимацию, популяризацию и привлечение избирателей к его использованию. Весь этот комплекс технологий нуждается в политологическом осмыслении, оценке и прогнозировании. Необходимо содержательное рассмотрение ДЭГ как основополагающего фактора институциональных изменений в рамках цифровой трансформации политического процесса и особенно в контексте трансформации электорального процесса. Кроме того, ряд традиционных общественно-политических подходов к исследованию выборов также нуждаются в переосмыслении и актуализации из-за возникновения новых процессов и институтов, вызванных цифровизацией политического пространства.

Данная проблематика актуализируется и в контексте государственной политики в сфере сохранения тренда на цифровизацию публично-властных услуг,

предоставляемых населению. В первую очередь это относится к деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК РФ), Правительству Российской Федерации, Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры), а также к органам власти субъектов Российской Федерации, в частности к региональным избирательным комиссиям. Причём именно в двадцатых годах XXI века появляются социально-технологические возможности не просто для введения элементов и отдельных инструментов цифровизации в государственном управлении и политической сфере, но и для осуществления переноса части политической коммуникации и властно-управленческих отношений в цифровое пространство. Возникают специфические, ранее не существовавшие тенденции и тренды общественно-политического развития, а также органы государственной власти, компетенция которых связана с цифровизацией электоральных и политических институтов, к примеру Территориальная избирательная комиссия ДЭГ при ЦИК РФ или Территориальная избирательная комиссия ДЭГ при Мосгоризбиркоме.

Именно поэтому необходимо комплексное исследование сущности, специфики и ключевых трендов цифровой трансформации региональных общественно-политических отношений и электоральных процессов, что позволит охарактеризовать и смоделировать направления развития региональной политики, а также выработать предложения по совершенствованию избирательного процесса и политических технологий в российских регионах.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В политической науке существует достаточно солидная традиция исследования избирательного процесса. Проблематика избирательных технологий также является достаточно обширно представленной в рамках политологии, однако в свете развития процессов цифровизации и цифровой трансформации появляется ряд новых исследований, посвящённых именно этой теме, но пока в ограниченном количестве. Исходя из этого, в современной научной литературе по

данной теме существует массив работ, который можно разделить на ряд групп.

В первой группе следует выделить работы отечественных и зарубежных исследователей, в содержании которых представлено фундаментальное рассмотрение сущности, содержания и специфики избирательного процесса. Они выступили основой для формирования теоретико-методологической стратегии настоящего исследования. Здесь прежде всего следует выделить ставшие классическими труды таких авторов как: Н. Макиавелли¹, М. Дюверже², К.-Дж. Эрроу³, А.Т. Фергюсона, В. д'Онкта, А. Зигфрида, Ф. Гарди⁴ и др. Следует обозначить также работы и отечественных авторов: Н.В. Гришина⁵, Д.А. Ежова⁶, С.Е. Заславского⁷, О.Б. Подвинцева⁸ и др., в которых представлено рассмотрение теории и практики избирательной кампании. Электоральные работы в традиционном ключе продолжают, к примеру, в исследованиях парламентских выборов в современной России, рассмотренных такими авторами как О.И. Ляховенко⁹, Ю.О. Гайворонский¹⁰, С.А. Шпагин¹¹ и др. Некоторые

---

¹ Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: АСТ, 2022. – 256 с. – (Власть: искусство править миром).

² Дюверже, М. Многопартийность / М. Дюверже // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 143-168.

³ Савватеев, А. Проблема коллективного выбора, теорема Эрроу и ее короткое доказательство / А. Савватеев, А. Филатов, Д. Шварц // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2018. – № 4(88). – С. 5-22.

⁴ Подвинцев, О.Б. Псефология как наука о выборах / О.Б. Подвинцев // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 142-146.

⁵ Гришин, Н.В. Политические элиты и инновации в государственной электоральной политике / Н.В. Гришин // Вопросы элитологии. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 75-88.

⁶ Ежов, Д.А. Политическое представительство в современной России в условиях цифровизации: актуальные тенденции и особенности трансформации / Д.А. Ежов // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 47-50.

⁷ Electoral processes in the modern world / A.G. Chernyshov, S.E. Zaslavsky, D.A. Yezhov [et al.]. – М.: КноРус, 2020. – 392 р.

⁸ Подвинцев, О.Б. Псефология как наука о выборах / О.Б. Подвинцев // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 142-146.

⁹ Ляховенко, О.И. Экологическая повестка в программах политических партий на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2021 году / О.И. Ляховенко, М.А. Бакина, Н.О. Панченко // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 3(52). – С. 16-26.

¹⁰ Гайворонский, Ю.О. “Раздельное голосование” на федеральных парламентских выборах в России (на примере Государственной Думы VII созыва) / Ю.О. Гайворонский // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 3. – С. 114-131.

исследователи специализируются сугубо на региональных избирательных кампаниях, к примеру В.Б. Слатинов¹², известнейший специалист в области региональных избирательных кампаний Центрального федерального округа РФ, или, продолжая эту традицию, рассматривают региональные избирательные кампании в городе Москве, в частности А.В. Богапова¹³.

Ко второй группе исследователей относятся специалисты, в работах которых представлен комплексный анализ цифровой трансформации политических отношений и влияния цифровых технологий и алгоритмических решений на избирательный процесс, его национальную и региональную динамику. Здесь можно обозначить работы И.А. Бронникова¹⁴, Я.Р. Игнатовского¹⁵, С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко¹⁶, А.П. Кочеткова, А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева¹⁷ и А.Ю. Шутова¹⁸ (член ЦИК РФ) и др.

К третьей группе относятся исследователи, рассматривающие цифровую трансформацию политического и избирательного процессов в контексте политического пиара и анализа электорального сегмента в социальных сетях и

¹¹ Шпагин, С.А. Избирательная кампания 2022 года и тенденции региональных парламентских выборов в России / С.А. Шпагин // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2023. – № 16. – С. 160-167.

¹² Слатинов, В.Б. "Технократизация" губернаторского корпуса в российских регионах: механизмы и промежуточные эффекты / В.Б. Слатинов // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 99-102.

¹³ Богапова, А.В. Механизмы и практики популизма в электоральных кампаниях в Москве: политологический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Богапова А.В., 2024. – 201 с.

¹⁴ Бронников, И.А. Цифровой двойник в политическом процессе современной России / И.А. Бронников, Г.В. Закальский // PolitBook. – 2021. – № 3. – С. 167-181.

¹⁵ Васильев, М.С. Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски / М.С. Васильев, Я.Р. Игнатовский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 15-26.

¹⁶ Володенков, С.В. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. – С. 40-45.

¹⁷ Кочетков, А.П. "Цифровой транзит" публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 109-134.

¹⁸ Шутов, А.Ю. Российская избирательная система: традиции и новации / А.Ю. Шутов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14, № 2(59). – С. 233-238.

мессенджерах. Отметим, что проблематику исследования стратегий поведения молодёжи в социальных сетях в рамках электорального процесса на региональном уровне исследуют такие авторы как А.В. Селезнёва¹⁹ Е.Б. Шестопад, Н.П. Сащенко и др., а также здесь следует выделить представителей региональных политических школ: Н.Н. Козлову, С.В. Рассадина, Л.Н. Скаковскую, Е.Н. Васильеву, Ю.А. Монахову²⁰ и др.

К четвёртой группе исследователей можно отнести учёных, исследующих электронное голосование и дистанционное электронное голосование, например Р.А. Алексеева²¹, А.А. Баулиной²², И.Б. Борисова (члена ЦИК РФ) и А.В. Игнатова²³, А.Т. Газалова²⁴, Т.А. Грищенко²⁵, И.Е. Минтусова и Д.С. Гуляева²⁶, В.И. Федорова²⁷, Д.М. Худолей²⁸. Также можно указать зарубежного

¹⁹ Селезнева, А.В. Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст / А.В. Селезнева, З.Т. Хугаев // Социум и власть. – 2024. – № 4(102). – С. 80-91.

²⁰ Политический потенциал молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ сетевых ресурсов / Н.Н. Козлова, С.В. Рассадина, О.Г. Овчарова [и др.]. – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – 172 с.

²¹ Алексеев, Р.А. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом / Р.А. Алексеев, Д.Д. Кривешко // Журнал политических исследований. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 3-20.

²² Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. "Мониторинг ДЭГ": № 2023662051: заявл. 06.06.2023: опублик. 16.06.2023 / А.А. Баулина.

²³ Борисов, И.Б. Кто хранитель электоральных стандартов? Сравнительный анализ региональных методик оценки национальных выборов / И.Б. Борисов, А.В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 4. – С. 6-15.

²⁴ Газалов, А.Т. Применение института дистанционного электронного голосования в Российской Федерации / А.Т. Газалов, А.К. Хадиков // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2023. – № 66. – С. 41-48.

²⁵ Грищенко, Т.А. Отдельные вопросы реализации избирательных прав граждан при использовании системы дистанционного электронного голосования / Т.А. Грищенко, Н.Ю. Немова, А.А. Смольяков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 92-96.

²⁶ Минтусов, И.Е. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? / И.Е. Минтусов, Д.С. Гуляев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 1 (23). – С. 122-139.

²⁷ Федоров, В.И. ДЭГ как фактор влияния на результаты губернаторских выборов в 2022-2024 гг / В.И. Федоров // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 43-46.

²⁸ Худолей, Д. М. Электронное голосование - необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации / Д.М. Худолей // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 163-170.

исследователя Я. Харранца, представляющего компанию ScytI Election Technologies (Барселона, Испания)²⁹.

Интересным будет являться то, что уже существуют попытки выстраивать модели ДЭГ, к примеру модель Ю.В. Капрановой³⁰, хотя на данном этапе большинство этих попыток выглядит как слишком усреднённые концепции, не отражающие специфики отдельных регионов.

К пятой группе исследователей относятся те из них, которые рассматривают правовые аспекты цифровизации электорального процесса. К примеру, это Н.А. Баранов³¹, Р.А. Курочкин³², В.О. Мишуков³³, Е.А. Набатникова³⁴ и др.

К шестой группе исследователей можно отнести специалистов, которые исследовали вопросы использования искусственного интеллекта в электоральном процессе. Здесь следует назвать таких авторов как: А.Ф. Гарифуллина, О.Н. Игнатьева³⁵, Д.И. Каминченко³⁶, Я.А. Третьяков³⁷, С.Н. Федорченко³⁸,

²⁹ Finogina, T. On remote electronic voting with both coercion resistance and cast-as-intended verifiability / T. Finogina, Ja. Herranz // Journal of Information Security and Applications. – 2023. – Vol. 76. – P. 103554.

³⁰ Капранова, Ю.В. О механизме электронного голосования в России / Ю.В. Капранова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 1. – С. 159-168.

³¹ Баранов Н.А. От недоверия - к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2022. - Т. 24. - №3. - С. 433-446.

³² Курочкин, Р.А. Правовые аспекты проведения дистанционного электронного голосования в зеркале решений судов Российской Федерации / Р.А. Курочкин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 169-176.

³³ Мишуков, В.О. Развитие национального законодательства об основах электронного голосования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). – С. 213-215.

³⁴ Набатникова, Е.А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации / Е.А. Набатникова // Умная цифровая экономика. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 26-30.

³⁵ Гарифуллина, А.Ф. Практика применения искусственного интеллекта в государственном управлении: возможности и риски (Республика Башкортостан) / А.Ф. Гарифуллина, О.Н. Игнатьева // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 4(178). – С. 111-116.

³⁶ Каминченко, Д.И. Искусственный интеллект и политическое восприятие / Д.И. Каминченко // Вестник Пермского университета. Политология. – 2026. – Т. 20, № 1. – С. 50-63.

³⁷ Третьяков, Я.А. ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе / Я.А. Третьяков // Миссия конфессий. – 2025. – Т. 14, № 4(85). – С. 77-93.

Е.С. Харионова³⁹ и др. Как своеобразные скептики в отношении хаотичного внедрения механизмов искусственного интеллекта и в тоже время как сторонники развития технологий и культуры его использования в социальной сфере выступают Е.В. Бродовская, И.А. Батанина, Р.В. Парма, В.А. Лукушин⁴⁰.

Вместе с этим сама по себе цифровая трансформация российского регионального избирательного процесса до конца не раскрыта в большом количестве работ, и данная тема требует дальнейшего исследования.

Нормативно-правовая база исследования. Основополагающими актами, определяющими нормативно-правовую базу исследования, стали Конституция Российской Федерации (в первую очередь статьи 3; 32; 81; 96; 97), ФКЗ №5 «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 г.; ФЗ №67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 г. (особенно статья 641, где определяется ДЭГ), ФЗ №19 «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 г., ФЗ №20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 г., ФЗ №95 «О политических партиях» от 11.07.2001 г., ФЗ №414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. В работе используется большой круг подзаконных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, ЦИР РФ, приказы министерств, ведомств, решения региональных избирательных комиссий.

Эмпирической базой исследования выступают информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о специфике трансформации современного регионального политического

---

³⁸ Федорченко, С.Н. Виртуальные политики как проявление алгоритмизации власти // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №1

³⁹ Харитонова, Е.С. Особенности и барьеры оценки ИИ-зрелости (на примере реализации в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации) / Е.С. Харитонова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 113. – С. 31-44.

⁴⁰ Социальные издержки развития технологий искусственного интеллекта / Е.В. Бродовская, И.А. Батанина, Р.В. Парма, В.А. Лукушин // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – № 4. – С. 522-527.

процесса и избирательных технологий. В работе также используются разнообразные экспертные и аналитические материалы, отражающие специфику и характер цифровой трансформации общественно-политических отношений, влияния цифровых технологий на политический процесс и конкретные политические институты. Ряд аналитических материалов и социологических данных исследований, а также аналитических материалов были использованы из таких значимых источников как данные, предоставляемые ФОМ, ВЦИОМ, ИНИОН РАН, ЦИРКОН, РОЦИТ и кафедрой социологии и психологии политики, а также кафедрой истории и теории российской государственности факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Дополнительно, были использованы данные системы «ГАС Выборы» ЦИК РФ, портала Вестника ЦИК РФ (база событий о РИКах субъектов РФ).

Кроме того, конкретно-социологической основой выступила серия качественных социологических исследований, проведённых автором диссертационной работы. Исследование было реализовано в следующих федеральных округах Российской Федерации: Центральный (9 субъектов), Северо-Западный (4 субъекта), Приволжский (4 субъекта), Южный (1 субъект) и Уральский (2 субъекта), что охватывает более половины всех федеральных округов страны. Также в исследование были включены субъекты, которые по состоянию на 2026 год не входят в систему федеральных округов, а именно Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика.

Цель исследования - охарактеризовать сущность, специфику и основные тренды цифровой трансформации региональной политики на основе комплексного рассмотрения направлений развития и совершенствования избирательного процесса и технологий в российских регионах.

В соответствие с целью исследования в работе ставятся и решаются следующие конкретные задачи:

- представить концептуально-политическое рассмотрение цифровой

трансформации политических отношений и российского регионального избирательного процесса;

- выделить и содержательно охарактеризовать основные тренды и тенденции цифровизации регионального избирательного процесса и технологий;
- рассмотреть доктринальные и нормативно-правовые основы развития цифрового избирательного процесса в современной России;
- провести сравнительно-политический и типологический анализ использования цифровых технологий в современном региональном избирательном процессе;
- выявить и содержательно рассмотреть этапы цифровой трансформации современного российского регионального избирательного процесса;
- систематизировать практику применения технологии ДЭГ и установить характер её влияния на избирательный процесс в российских регионах;
- обосновать перспективы развития и обосновать направления совершенствования процесса цифровой трансформации регионального избирательного процесса в современной России.

Объект исследования – региональный избирательный процесс и политические технологии в современной России.

Предмет исследования – цифровая трансформация российского регионального избирательного процесса и политических технологий.

Хронологические рамки исследования охватывает период, начиная с 1992 года вплоть до 2025 года, включая последовательные этапы цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена следующим:

- 1) представлена концептуально-политическая характеристика цифровой трансформации политического процесса и произведена операционализация понятий "цифровизация" и "цифровая трансформация" в российском региональном избирательном процессе, обосновано, что процесс цифровизации

выступает инструментальным явлением, а цифровая трансформация фиксирует качественные изменения регионального политического пространства;

2) в диссертации выделены и содержательно охарактеризованы основные тренды цифровизации и тенденции цифровой трансформации регионального избирательного процесса и технологий. На основании сравнительно-политического анализа выделены основные типы (аналитические, проактивные цифровые, инструментальные, избирательные цифровые комплексы, технологии подсчёта голосов и др.) использования цифровых технологий в современном региональном избирательном процессе, а также определены особенности эксплуатации данных технологий на региональном уровне;

3) реализована комплексная характеристика доктринально-правовых (стратегических) документов и действующих нормативных правовых актов, определяющих приоритеты и регламентирующих порядок внедрения и использования цифровых технологий в региональном избирательном процессе, а также политтехнологическом сопровождении электоральных кампаний в регионе;

4) представлен авторский вариант этапов цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса (начальный, цифровизации и цифровой трансформации), а также содержательно рассмотрена их специфика и обозначена динамика трансформации регионального избирательного процесса;

5) на примере 38 субъектов РФ содержательно охарактеризована динамика внедрения ДЭГ и прослежено влияние последней на изменения в региональном избирательном процессе, а также обобщены данные экспертного интервьюирования, проведенного соискателем в 22 субъектах РФ, выявлены основные проблемы и обозначены перспективы развития ДЭГ, а также политических технологий в электоральной сфере;

6) смоделированы и содержательно обоснованы доминирующие сценарии (мобильный, жёсткий, сбалансированный) дальнейшей цифровой трансформации регионального избирательного процесса в Российской Федерации, обозначена специфика развития цифровых платформ, электронных сервисов и различных

алгоритмических решений в российских регионах.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании ряда авторских определений, выработке критериев эффективности и глубины цифровой трансформации субъектов Российской Федерации в электоральной сфере, а также в том, что были предложены авторские концепции этапизации данного процесса. Всё это может быть использовано широким кругом профессионалов в различных сферах специализации политической науки.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса в контексте появления новых цифровых технологий.

Практическая значимость исследования. Ряд положений настоящего диссертационного исследования имеют практическую значимость для деятельности участников и специалистов, работающих в рамках региональных избирательных кампаний, в частности они формируют понимание перечня и комплекса цифровых технологий в рамках электорального процесса у сотрудников избирательных комиссий, а также у кандидатов, их штабов и команд. Часть предложений, выработанных в данной работе по совершенствованию законодательства и подзаконных актов, могут иметь существенное значение для депутатов и должностных лиц в различных регионах Российской Федерации. Наконец, отдельные положения и выводы значимы для политконсультантов, политтехнологов, социальных архитекторов и других специалистов в рамках их профессиональной деятельности. Особо положения второй главы диссертации будут актуальны для их практической деятельности в субъектах Российской Федерации.

Результаты исследования, положения, выносимые на защиту, и выводы, содержащиеся в работе, могут быть использованы для совершенствования законодательства Российской Федерации и для разработки документов стратегического планирования (например для дальнейшего совершенствования и создания новых редакций Стратегии пространственного развития РФ, Стратегии

научно-технологического развития РФ, Основ государственной политики регионального развития РФ и Национальной программы “Цифровая экономика”), а также для профессиональной подготовки и переподготовки специалистов в области политологии и государственного управления и для разработки учебных пособий и специальных курсов по направлению подготовки «Политология».

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования.

Диссертационное исследование проведено на основе методологических достижений и теоретико-практических положений общей теории политики, отечественного государственоведения и правоведения, а также отдельных разработок политической социологии и конфликтологии, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам. В работе использовались также положения теории цифровизации, информационного общества и технологического развития социальных систем.

В качестве теоретической основы исследования выступили различные концепции, теории и подходы. Одной из них является неоинституционализм, который предлагают новую схему взаимоотношений институтов и отдельных политических субъектов, начиная с микроуровня и во многом ищет первопричины процессов в нём. Кроме общих положений неоинституционализма, выработанных ещё Г. Саймоном, Р. Коузом и др., диссертация опирается на исследовательский опыт применения его особого понимания, характерный для отечественной школы, к примеру концептуально обозначенный в работах А.М. Мельвиля и Н.В. Коротковой, предполагающий исследование политики в том числе на уровне микросоциальных механизмов, а также настроенный на выявление закономерностей политической реальности разного уровня (в данном случае на уровне политических акторов регионов одного государства). Были использованы общие положения теорий власти, такие как натуралистическое восприятие власти Н. Макиавелли, поведенческий подход Г. Лассуэлла, теория власти как легитимного господства у М. Вебера, а также концепция

коммуникативной рациональности власти Ю. Хабермаса. Отдельно была использована концепция российской государственности, в частности разработанная В.И. Коваленко, В.А. Михеевым, А.Ю Мордовцевым, С.В. Перевезенцевым и др., широко применявшаяся при анализе специфики уникальных внутрироссийских процессов. В работе использовались положения политической регионалистики, особенно теория региональной стратификации В.А. Дахина, а также структурного восприятия “подсистема-система-надсистема” региональной политики, предложенного В.С. Авдониным и Н.А. Барановым. Также диссертационная работа опиралась на междисциплинарный подход, который позволил учесть влияние разнообразных факторов и доминант (культурных, технологических, цифровых, экономических, географических и др.) на динамику национального и регионального общественно-политического процесса.

В качестве методологической основы использован методологический арсенал различных научных дисциплин, а также всеобщие и общенаучные принципы, приемы методы и инструменты познания. В качестве мировоззренческих (философских) подходов использовались – системный, исторический и цивилизационный, позволившие рассмотреть динамику политических институтов и технологий как национально-культурных феноменов, отразить специфику властных практик в контексте федерального и регионального политического процесса. Для выявления ключевых факторов и доминант развития политического процесса в современной России, идентификации и содержательном описании форм и способов публично-властной коммуникации, а также формулировании общих выводов и положений диссертации использовались такие общенаучных методы – индукции, дедукции, анализа, синтеза, аналогии и др. Использован типологический анализ для классификации цифровых технологий в политике и выделения типов их применения в региональном политическом процессе.

В рамках частнонаучной (политологической) методологической основы,

привлекались такие подходы и методы как: сравнительно-политический для сопоставления (сравнения) тенденций и трендов развития регионального избирательного процесса в России и других зарубежных странах; институциональный и неинституциональный, позволившие комплексно рассмотреть как трансформацию традиционных политических институтов, так и развитие новых цифровых институций и практик, под воздействием внедрения технологических новаций и алгоритмических решений в политику; этнополитический, обеспечивающий настоящее исследование инструментами для учета этнонациональной специфики в развитии регионального политического процесса.

В диссертации также использовались дискурсивный подход для систематизации, классификации и содержательного описания идейно-смысловых проблематик, различных контентов, текстовых массивов и других коммутативных продуктов, связанных с развитием как цифровых технологий в политике, так и с трансформацией регионального избирательного процесса. Кроме того, в отдельном параграфе использовался сценарный метод, что позволило обозначить наиболее вероятные сценарии развития будущего регионального избирательного процесса, а также глубже понять и охарактеризовать его сущность на современном этапе.

Для выявления особенностей и институциональных характеристик цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса было реализовано качественное социологическое исследование, включающее проведение серии глубинных экспертных интервью и фокус-групп (период реализации: март 2023 г. - август 2025 г.). Применение качественных социологических методов объясняется необходимостью получения информации одновременно комплексного и объективного характера, которая создаётся благодаря экспертным оценкам. Такой подход обеспечивает возможность проведения сравнительного анализа между эмпирическими данными и экспертными суждениями, поскольку интервью имело экспертную

направленность, результаты исследования построены на основе профессиональной информации, отражающей реальный политический контекст. Географическая репрезентативность проведённого исследования достаточно широкая, конкретно-социологические исследования были проведены в 22 субъектах Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1) Цифровая трансформация в региональном политическом процессе представляет собой, с одной стороны, переход от аналоговых инструментов и технологий политической коммуникации к цифровым; а с другой – качественные изменения в функционировании базовых общественно-политических институтов, а также появление гибридных (смешанных) и новых цифровых институций и новых политических технологий. Все это изменяет баланс сил, структуру и направленность развития политических отношений в регионах, равно как и процесс планирования и технологии реализации региональных избирательных кампаний. К ключевым тенденциям цифровой трансформации российского регионального процесса можно отнести: а) нарастание анонимизации политических акторов, что, с одной стороны, обеспечивает тайность голосования в электронном формате голосования; а с другой – влечёт за собой размывание субъектности в принятии политических решений, а также снижение уровня общественного доверия к ним; б) на региональном уровне экспертные прогнозы благодаря развитию псефологических технологий и предиктивных систем искусственного интеллекта позволяют разрабатывать детализированные стратегии избирательных кампаний, а также генерировать сценарии их развития, однако, их достоверность остаётся крайне низкой в силу объективных (технические сбои, машинные предубеждения) и субъективных (сокрытие клановых, элитарных, этнополитических и других конфликтов в регионе) причин.

2) К основным типам цифровых технологий, активно внедряемых в региональный избирательный процесс, относятся: аналитический (алгоритмизированный парсинг, машинный сбор и анализ больших данных);

проактивный цифровой (автономные боты в социальных сетях, предиктивная аналитика и виртуальные помощники); инструментальный (онлайн-банкинг, электронная идентификация, криптовалюта); избирательные цифровые комплексы (ДЭГ, электронное голосование). Ключевой цифровой технологией, трансформирующей региональный политический процесс, является ДЭГ, который реализуется исключительно государством, однако политические партии постепенно начинают внедрять и использовать технологию ДЭГ во внутрипартийных избирательных процедурах. Технологии, связанные с криптовалютами, в настоящее время не оказывают существенного влияния на региональный избирательный процесс. Криптовалюты остаются маргинальным механизмом, который получает малое распространение даже при проведении кампаний по сбору средств (фандрайзинговых) в период, предшествующий реализации официальных региональных избирательных кампаний. Другие новейшие аналитические, предиктивные и инструментальные цифровые технологии устойчиво распространяются в политическом процессе регионов России.

3) В рамках совершенствования регионального избирательного процесса необходимо расширение института электронной подписи (разной степени защищённости) как при сборе подписей граждан в поддержку определённого кандидата, так и при прохождении “муниципального фильтра” для участия в региональных избирательных кампаниях, а также при реализации деятельности кандидата и его финансового уполномоченного. За счёт того, что единственным актором, который способен создавать высоко защищённую электронную подпись, является государство, произойдёт общее поднятие уровня безопасности в этой сфере. Кроме того, необходимо снижение правовых требований и аналоговых (бюрократических) процедур при использовании онлайн-банкинга в региональном избирательном сегменте. ДЭГ и связанные с ним механизмы должны быть детализированы законами субъекта РФ, а не подзаконными актами и иными правовыми документами (в частности, издаваемыми региональными

избирательными комиссиями), что повысит прозрачность электронного формата голосования и обеспечит легитимацию цифровых технологий, используемых в региональном избирательном процессе.

4) ДЭГ качественно изменяет электоральное поле всех регионов, где оно реализуется, меняя поведение электората, стратегии избирательных кампаний, политические технологии и т.д. Избирательная кампания теперь ориентирована не на привлечение своих сторонников на участок, а на повышение цифровой активности избирателя. В то же время технологии ДЭГ не привели к существенному росту электоральной активности на региональном уровне (прирост лишь в пределах 3-5 процентов). Половозрастные особенности голосующих на региональных выборах в целом соотносятся с аналогичными данными до его использования. Использование ДЭГ избирателем в основном зависит от политической ориентации и партийной лояльности, когда та или иная политическая сила призывает либо использовать ДЭГ, либо его игнорировать, что обуславливает разницу в итогах регионального голосования.

5) В среднесрочной перспективе технология ДЭГ может быть реализована во всех регионах Российской Федерации. Развитие альтернативных онлайн-платформ для голосования является маловероятным. Единственным исключением выступает развитие московской цифровой платформы для голосования, что обусловлено как сложившейся практикой, так и значительной долей населения, уже подключённой к голосованию именно с помощью особой региональной платформы. Ключевой проблемой развития технологии ДЭГ является невозможность одновременного обеспечения тайны голосования и последующей проверки количества отданных голосов (например, в рамках работы системы правосудия и подготовки судебных экспертиз), что снижает доверие к итогам выборов. Решением проблемы может выступить увеличение как алгоритмизированного, так и экспертного наблюдения за ДЭГ.

6) В настоящее время существуют три основных сценария внедрения технологии ДЭГ, в каждом из которых проектируются разные модели баланса

режимов безопасности и комфортности: 1) мобильный сценарий – новые технологии будут вводиться быстрыми темпами при высоких рисках кибербезопасности и защищённости персональных данных граждан; 2) сбалансированный сценарий, предполагающий период адаптации и технологического совершенствования (экспериментальный режим внедрения ДЭГ); 3) жёсткий или долгий сценарий, где ключевым требованием станут вопросы цифровой безопасности и суверенности технологии ДЭГ, доминирование последних над пользовательским комфортом, мобильностью и доступностью; сочетающий смешанный режим голосования – аналоговый и цифровой. Наиболее предпочтительным в аспекте национальных целей развития и стабильности регионального политического процесса является второй (сбалансированный) сценарий, поскольку он адаптирует процесс внедрения цифровых технологий с учетом требований суверенности и кибербезопасности, защиты персональных данных, обеспечения мобильности и свободного волеизъявления граждан.

Апробация диссертационного исследования.

Диссертационное исследование было апробировано на международных и всероссийских (в том числе с международным участием) научных конференциях и форумах. В число которых входят: Международная конференция “Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества” (15 декабря 2023 г., Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь), Международная конференция “Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Глобальный мир в эпоху политической турбулентности, экономических санкций и информационных войн” (14 декабря 2022 г., Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь), Всероссийская конференция с международным участием “X Всероссийского конгресса политологов РАПН” (5-7 декабря 2024 г., МГИМО (университет) МИД РФ, г. Москва, Российская Федерация), II Всероссийская научно-практическая конференция “Российская

политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации” (12 сентября 2024 г., Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация). Также исследование было апробировано в рамках Международного круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета “Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции” (28 марта 2024 г., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь). По результатам всех конференций и круглого стола были опубликованы тезисы, проиндексированные в РИНЦ.

Также апробация была произведена в рамках публикации статей в журналах, входящих в Перечень ВАК, международные базы научного цитирования RSCI и Scopus:

1. Арутюнов А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 738-751.

2. Арутюнов А.Г. Трансформация российского регионального избирательного процесса: особенности и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 9(102). – С. 3733-3740.

3. Арутюнов А.Г. (в соавторстве). Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам / А.Ю. Мамычев, А.Г. Арутюнов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 125-135.

4. Арутюнов А.Г. Цифровая трансформация российского регионального электорального процесса: аспекты внедрения и эксплуатации онлайн- и цифровых технологий // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2025. – № 2.

5. Арутюнов А.Г. (в соавторстве). Будущее регионального политического процесса в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным

тенденциям / А.Ю. Мамычев, А.Г. Арутюнов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т. 19, № 4. – С. 122-132.

6. Арутюнов А.Г. Эксперты в области этнополитологии и эксперты в области региональных выборов: общее, различное, перспективы взаимодействия / А. Г. Арутюнов // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 65-68.

7. Арутюнов А.Г. (в соавторстве). Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе / А.Г. Арутюнов, А.К. Скотовиков // PolitBook. – 2022. – № 2. – С. 89-100.

8. Арутюнов А.Г. Особенности региональных выборов в современной России (по материалам пяти субъектов Российской Федерации) // Власть. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 99-103.

Дополнительно, политико-концептуальные и теоретико-методологические положения исследования были апробированы в рамках в рамках проекта №FZUG-2024–0006 "Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентам и фальсификациям" при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

Ряд теоретико-методологических аспектов диссертационного исследования были апробированы в рамках учебного пособия: Управление избирательной кампанией: политико-правовой анализ / С. В. Алексеев, А. Г. Арутюнов, М.А. Бочанов [и др.]. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2024. – 166 с., где автором была написана одна глава.

Результаты и положения исследования были внедрены в рамках деятельности Избирательной комиссии Московской области и ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан».

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.2 Политические

институты, процессы, технологии:

4. Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации.

8. Политические институты: формирование, развитие и современные трансформации.

ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

§ 1.1 Цифровая трансформация политического процесса: основные трактовки и концептуализация понятия

Цифровая трансформация политического процесса на современном этапе (третье десятилетие XXI века) активно исследуется в научной среде, причём значительная часть исследований посвящена не комплексному рассмотрению данного явления, а отдельным его аспектам, при этом некоторые из них носят прикладной характер⁴¹.

Для политического процесса трансформация не является чем-то новым, она может возникать и происходить по различным причинам и предпосылкам. Причём преимущественно проследить это явление можно на всём протяжении исторического существования политических явлений как таковых. Трансформация может затрагивать как политические институты, политические отношения, отдельных акторов в текущем политическом процессе, так и всю сферу политического. Важные категории политического, такие как политическая власть или различные атрибуты политической власти, также могут быть подвержены трансформационным изменениям.

---

⁴¹ Мендес, М.Д.Ж. Разработка методики определения критериев трансформации / М.Д.Ж. Мендес // Modern Economy Success. – 2020. – № 6. – С. 11-15.

Необходимо отметить, что политическая цифровая трансформация тесно сопряжена с аналогичными процессами в других сферах общественного развития. Так, внедрение цифровых технологий в сфере экономики является многообразным и оказывает значительное влияние на политическую сферу. Прежде всего это выражается в создании технологий, пригодных для интеграции в сферу политического. Кроме того, экономические цифровые технологии формируют общественный контекст, способствующий использованию новых цифровых методов в политике. Это обусловлено привыканием общества к повсеместному распространению цифровых технологий и необходимостью синхронизации процессов модернизации во всех значимых социальных сферах. Экономические процессы, включая цифровые, играют важную роль в формировании политической конъюнктуры и могут влиять на принятие политических решений. При этом необходимо отметить, что данные процессы остаются вне рамок феномена политической цифровой трансформации, поскольку они не имеют прямой связи с политическими институтами, сферой политического в целом. Некоторые экономические подходы основываются на радикальных оценках ⁴² роли экономического сегмента в социальных процессах, включая политические. Более того, существует мнение, что только в сочетании процессов экономической и социальной цифровизации может появиться феномен цифровой трансформации. Ряд исследователей в области экономики подчёркивают технологическую составляющую как обязательный элемент цифровой трансформации, где платформа и технологическая основа занимают центральное место ⁴³.

Для анализа и исследования цифровой трансформации в сфере

---

⁴² Голлай, А.В. Цифровая трансформация социально-экономических систем как конечный результат процесса цифровизации / А.В. Голлай, И.Н. Голлай, О.В. Логиновский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 65-81.

⁴³ Affording digital transformation: The role of industrial Internet platform in traditional manufacturing enterprises digital transformation / Yi. Liu, Yi. Zhang, X. Xie, Sh. Mei // Heliyon. – 2024. – Vol. 10, No. 7. – P. e28772.

человеческой деятельности была сформирована отдельная научная дисциплина — «Цифровые методы в гуманитарных исследованиях»⁴⁴. Несмотря на обширность этой дисциплины, которая основывается на антропологии, акцентируется на внедрении цифровых механизмов в различные сферы жизни человека, дисциплина «Цифровые методы в гуманитарных исследованиях» демонстрирует ограниченную практическую ориентированность. Это проявляется даже при анализе конкретных культурных артефактов цифровой трансформации.

Социальная сфера также оказывает значительное влияние на политическую трансформацию. Ярким примером данного воздействия является феномен социальных сетей и мессенджеров, которые изначально не были ориентированы на политическую сферу. Однако со временем произошло активное проникновение политических партий, политических технологий в абсолютное большинство новых медиа, средств распространения информации. Следует отметить, что даже те социальные сети, которые вводили политику ограничения политического контента, блокировали агитационные материалы, со временем, как правило, разрешали распространение политического контента. Это происходило под воздействием двух основных факторов. Первый фактор заключается в давлении со стороны политических акторов, выражающемся, в частности, в угрозе официальных санкций, создании негативного образа компании, ограничении в сфере государственных контрактов. Второй фактор имеет коммерческий характер, так как политическая агитация, информирование и реклама приносят значительную прибыль компаниям, контролирующим социальные сети и мессенджеры.

Термин «трансформация» применяется во многих областях научного знания. Понятие трансформации широко используется в физике, в частности в термодинамике, а также находит активное применение в философии. В химии трансформация имеет чётко выраженное определение и часто используется для

---

⁴⁴ Мамина, Р.И. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? / Р.И. Мамина, Е.Е. Елькина // Дискурс. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 22-38.

описания реакций или изменений вещества. В биологии трансформация имеет специализированное значение, которое может быть рассмотрено в сфере морфологии (всего организма или его отдельной части) или в сфере теории эволюции, где есть связанное понятие изменчивости, подразумевающей изменение конкретного биологического вида во временной перспективе через закрепление с помощью наследования генетических мутаций.

Философский подход иногда может быть экстраполирован и на политологию. В частности, это прослеживается в концептуальных статьях Г.С. Авциновой ⁴⁵, посвящённых внедрению механизмов цифровой трансформации в систему государства на примере Российской Федерации. В этом подходе рабочее определение дополняется новыми характерными атрибутами, такими как принадлежность этого процесса к формированию и существованию информационного общества, а также привязывается к информационной культуре постмодерна. Как показывает практика применения этого подхода, данный подход, несмотря на его узкую специализацию, может применяться в работе со сложными категориями политической науки, например, в анализе института современного государства. Оценка подхода свидетельствует о его эффективности как в теоретических, так и практических исследованиях. Вместе с тем необходимо учитывать, что его применение сопряжено с методологическими трудностями из-за высокой концептуальной загруженности.

В русской религиозной философии понятие цифровой трансформации глубоко осмысливается, в частности, Н.А. Бердяевым; ярким примером служит его труд «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)» ⁴⁶. Н.А. Бердяев выделяет опасности и риски, возникающие в рамках процесса замещения человека машинными аппаратами. Примечательно, что Н.А. Бердяев в своей работе фактически предсказал появление искусственного интеллекта, что в

---

⁴⁵ Авцинова, Г.И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития / Г.И. Авцинова // PolitBook. – 2019. – № 4. – С. 6-20.

⁴⁶ Berdyaev, N. Man and Machine (the Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology) / N. Berdyaev // Technology and Language. – 2023. – Vol. 4, No. 2(11). – P. 7-26.

его эпоху, когда электронные вычислительные машины только зарождались, выглядело смелым предположением. Некоторые западные исследователи полагают, что философское эссе имеет «антисоветский» характер⁴⁷, тем не менее это утверждение скорее отражает субъективную интерпретацию, нежели объективный смысл текста. Ряд российских авторов справедливо подчёркивают, что душа и одухотворённость не могут быть присущи машине, вместе с тем процесс внедрения конвейерного производства, машин является неизбежным. При этом стоит выделить основание для особого методологического подхода в видении того, что в «сущности техники вовсе не есть что-то техническое»⁴⁸, за ней скрыт существенный масштаб изменения мира, производства, души, психики человека, что можно назвать цифровой трансформацией, хотя автор напрямую не использует этот термин. Общий технологический скептицизм оказывается характерен для русской философской мысли, начиная с 1930-х годов. При этом необходимо отметить два существенных момента: во-первых, для советской философии был более характерен технооптимизм; во-вторых, работы Н.А. Бердяева оказали значительное влияние на западную философию, по крайней мере до конца 1980-х годов. Для методологии политической науки методологический посыл Н.А. Бердяева, особенно в ценностном аспекте, имеет ключевое значение, так как определяет аксиологические рамки для анализа процесса цифровой трансформации.

Оригинальный философский подход к пониманию цифровой трансформации⁴⁹ предлагает И.А. Иванюшкин, основанный на синтезе идей Н.А. Бердяева и М. Хайдеггера. Автор акцентирует внимание на влиянии Н.А. Бердяева на М. Хайдеггера в этом контексте. В соответствии с этим

---

⁴⁷ Trimble, W. Reading Nikolai Berdyaev's 'Man and Machine' / W. Trimble // *Technology and Language*. – 2023. – Vol. 4, No. 2(11). – P. 27-38.

⁴⁸ Ворончихин, А.С. ...сущность техники вовсе не есть что-то техническое... / А.С. Ворончихин // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 294-299.

⁴⁹ Иванюшкин, И.А. Искусственный интеллект: перспективы социокультурных трансформаций / И.А. Иванюшкин // *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. – 2019. – № 4(32). – С. 10-20.

подходом подчёркивается тезис о невозможности становления духовного начала в машине, и, в частности, этот вывод экстраполируется на искусственный интеллект⁵⁰. По мнению сторонников этого подхода, именно в этом идейном направлении следует искать философский фундамент и систему подходов к развитию наук об искусственном интеллекте, а также дисциплин, изучающих взаимодействия между человеком, обществом и искусственным интеллектом. В отличие от оригинальной концепции Н.А. Бердяева, ключевой момент заключается в построении философской концепции вокруг термина «цифровая трансформация», что придаёт этому подходу уникальность и делает его широко применимым в современных научных, философских исследованиях.

В политологии существует также несколько подходов к пониманию трансформации. В соответствии с системным подходом трансформация рассматривается как изменение в рамках одного элемента или как совокупное изменение всех элементов политической системы. При этом следует отметить, что замкнутость политической системы приводит к тому, что изменение даже одного элемента вызывает незначительное изменение других элементов. Трансформация всех элементов возможна при существенной трансформации системного свойства, столь существенные изменения при критических значениях могут привести к распаду системы. Эта позиция характерна для иностранных учёных, таких как Д. Истон, и для российских исследователей, включая О.Ф. Шаброва⁵¹, которые занимаются разработкой методологии системного

---

⁵⁰ Фатихов, Р.Ф. Искусственный интеллект как фактор виртуализации политической реальности / Р.Ф. Фатихов // Современные исследования искусственного интеллекта: основные направления и результаты: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к первому выпуску магистрантов сетевой магистерской программы "Философия искусственного интеллекта" и посвященной 60-летию Ученого секретаря Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (НСМИИ и КИ РАН) доктора философских наук Андрея Юрьевича Алексева, Уфа, 22–23 мая 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 91-98.

⁵¹ Шабров, О.Ф. Системный подход в политической науке / О.Ф. Шабров // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп.. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 213-232.

подхода в политологии.

В рамках политической психологии трансформация рассматривается через призму конкретных явлений, таких как изменение восприятия имиджа определённого политического лидера или трансформация психологических установок общества. Важным аспектом здесь является именно объект политической психологии и вопросы освещения отдельных феноменов политической жизни в разрезе психологической оптики. Особым случаем является вопрос трансформации политического сознания, которое выступает специфическим объектом исследования и характеризуется высоким уровнем подвижности, в том числе в вопросах качественных характеристик. Исследователи в сфере политической культуры концентрируются на понимании трансформации как продолжительного процесса, в отличие от других областей политической науки. Стоит отметить, что феномены политической культуры изменяются под внешним воздействием, и трансформация часто выступает ответом на привнесение извне новых ценностей, практик или укоренившихся идей.

При рассмотрении терминологии важно выделить существенное различие между дефинициями трансформации и изменения. Изменение прежде всего носит ситуационный и преимущественно несистемный характер, а также сосредоточено на отдельном объекте при условии, что данный объект может быть очень разнообразным, в том числе представлять множество каких-либо предметов. В то же время трансформация часто может быть определена через качественные изменения, приводящие к тому, что объект или система приобретают принципиально новые свойства, которые делают их непохожими на исходное состояние. Изменение, в свою очередь, затрагивает одно или несколько свойств, и после завершения процесса объект сохраняет сходство с первоначальным состоянием. При этом необходимо отметить, что трансформация и изменение являются процессами, обладающими определённой продолжительностью во времени. В обоих случаях можно выделить определённые фазы, такие как начало

процесса изменения свойств и его завершение. Отличительной чертой феномена трансформации может являться то, что её протекание можно определить до окончания процесса, что позволяет говорить о трансформации того или иного социально-политического объекта до того, как будут видны его новые характерные свойства. Изменение, напротив, часто определяется по его завершении.

Цифровая трансформация как явление исследуется различными дисциплинами и научными направлениями. Существует множество определений этого феномена, и в ответ на это предпринимаются попытки создать универсальное определение, удовлетворяющее требованиям множества дисциплин, особенно социальных наук⁵². Задолго до выявления социально-политического влияния социально-гуманитарными специалистами феномен изучался изобретателями и основоположниками цифровизации в технической, точной сферах. Цифровизация, а также смежные феномены, такие как роботизация и алгоритмизация, рассматривались, с одной стороны, техническими специальностями (физика, робототехника, электромеханика), а с другой стороны, авторами теории кибернетики. Уже на ранних этапах кибернетика пыталась влиять на формирование понимания и определение цифровой трансформации⁵³. При этом стоит отметить, что элементы в сфере программирования объектов реального мира методом создания математических моделей, предшествующих цифровой трансформации, в значительной мере относятся к области формальной логики. Феномен цифровой трансформации исследовался и определялся в первую очередь в экономике, так как механизмы цифровизации первоначально внедрялись в сфере экономики и производства, что имеет исторические предпосылки. Механизмы цифровизации интегрировались в область

---

⁵² Шелепаева, А.Х. Цифровая трансформация: основные подходы к определению понятия / А.Х. Шелепаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 20-28.

⁵³ Фролов, К.В. Понятие и сущность цифровизации и цифровой трансформации на основе фундаментальных и прикладных аспектов системно-кибернетической теории / К.В. Фролов, А.В. Бабкин, А.К. Фролов // π-Economy. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 7-26.

государственной и гражданской службы и управления, фиксировались в сфере работы практически всех государственных органов. Особое место отведено технологиям сбора, хранения и работы с информацией, которые также часто относятся к бизнес-разведке либо к работе органов государственной власти. Многие информационные цифровые системы изначально создавались именно для этих целей. OSINT, как технология работы с открытыми источниками, первоначально возникла в среде служб безопасности государств, включая разведку, связанную с получением и методами хранения информации в других государствах. Аналогичные процессы наблюдаются в бизнесе, особенно в вопросах работы с конкурирующими компаниями или выхода на новые рынки. Следует отметить, что описанные технологии изначально формировались как аналоговые, при этом стали одними из первых, где было введено цифровое моделирование, начала происходить цифровая трансформация процессов.

Ввиду одновременного проникновения цифровизации в различные сегменты социальной сферы социология и политология практически параллельно формировали представления о цифровой трансформации. При этом нельзя утверждать, что эти процессы происходили независимо друг от друга.

Если отдельно рассматривать дисциплину международных отношений, то здесь можно вспомнить различные концепции, связанные с внедрением киберпространства в политику⁵⁴. Особое внимание заслуживает концепция цифрового суверенитета, рассматриваемого как «цифровой щит» или система цифровых контролирующих и политических институтов, обеспечивающих его функционирование. Цифровая трансформация политических институтов в этом контексте предполагает процесс конструирования этих институтов или их создания и введения в политическую реальность конкретной страны. Аналогичный подход применим и к развитию инструментов цифровой дипломатии одной страны в отношении другого государства.

---

⁵⁴ Абделькарим, Я.А. Демаркация киберпространства: политико-правовые последствия применения концепции национальных интересов суверенных государств / Я.А. Абделькарим // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 262-285.

Необходимо отметить, что в некоторых школах политологии цифровая трансформация рассматривается исключительно как вид модернизации, обновление того или иного политического института или актора. Такая позиция может быть оценена как ограниченная. В качестве аргументации в рамках критики этого подхода можно назвать следующие причины. Во-первых, модернизация не всегда предполагает цифровизацию, исторически существует множество примеров, когда модернизация политической сферы, бюрократической среды государства происходила без привлечения цифровых технологий. Во-вторых, цифровизация в политической сфере не обязательно влечёт за собой модернизацию, так как она может добавлять новый элемент в работу бюрократического аппарата без инновационных или технологических изменений. В-третьих, цифровизация политического процесса и его элементов представляет собой не просто модернизацию, а переход многих элементов политической системы к принципиально новым качественным характеристикам, часто выходящим за рамки текущей конъюнктуры. В то же время на современном этапе практически любой набор мер политической модернизации предполагает внедрение цифровых элементов или их изменение, что при этом не предусматривает понятийного сдвига.

На современном этапе модернизация, кроме элементов внедрения цифровых механизмов, акцентируется на клиентоориентированности и решении индивидуальных проблем представителей электората. Цифровизация может содержать реакционный компонент, так как является во многом инструментом, которому можно придать любое содержание, в том числе способное замедлить развитие общества. Модернизация не предполагает возврата к архаичным формам коммуникации или иным устаревшим практикам, даже при условии более нового цифрового способа демонстрации контента. Наиболее явные примеры внедрения цифровизации наблюдаются в государственном управлении и деятельности политических партий, где использование цифровых механизмов не всегда ведёт к росту, прогрессу или модернизации. С точки зрения политтехнологии

цифровизация должна соответствовать не только технологическим целям, но и стратегическим и тактическим задачам политического актора, если он использует её инструменты для достижения прогресса или модернизации.

Интерес представляет тот факт, что некоторые исследователи стремятся внедрить термин «цифровая трансформация» в изучение политических процессов, но при этом не прорабатывают концепцию цифровой политической трансформации, а фактически вводят чужеродное понятие в инструментарий политологии, оставляют его в рамках теории кибернетики и математического моделирования социально-политических процессов⁵⁵. При оценке данного подхода можно отметить, что здесь разрабатывается не попытка междисциплинарного исследования, а попытка смешения различных методологий без учёта специфики исследуемого объекта. Этот подход иногда находит своё отражение даже при исследовании отдельных государств⁵⁶, но чаще всего вне контекста политики, а в рамках предоставления социальных услуг населению. Таким образом, данный подход можно классифицировать как своеобразный государствоведческий или соотносящийся с теорией государства в праве.

Специалисты в области государственного управления также отдельно рассматривают термин «цифровая трансформация». В рамках данной дисциплины отмечается разнообразие⁵⁷ интерпретаций этого явления органами государственной власти, которые часто выделяют лишь одно или несколько характерных свойств. В частности, явление может восприниматься как развитие информационных технологий или иметь принципиально иное значение, основанное на субъективных оценках, которые, тем не менее, находят отражение

---

⁵⁵ Şahnagil, S. Evaluation of digital transformation process through the Presidential Government System: Digital transformation office / S. Şahnagil, H. Salahaddin Gezici, M. Kocaoğlu // Journal of Information and Optimization Sciences. – 2022. – Vol. 43, No. 7. – P. 1693-1707.

⁵⁶ Турсунбаев, Ж.Ж. Кыргыз Республикасындағы ғылыми және білім беру үлгілеріне цифрлық трансформацияның әсері / Ж.Ж. Турсунбаев, А.А. Кутманбекова // Education. Quality Assurance. – 2023. – No. 2(31). – P. 58-65.

⁵⁷ Wahyudin, M. Digital Transformation Readiness Model in Government / M. Wahyudin, R.K. Devi, D.I. Sensuse // Ranah Research: Journal of Multidisciplinary Research and Development. – 2024. – Vol. 6, No. 4. – P. 689-709.

в нормативных актах различных государств. Эти интерпретации варьируются от восприятия цифровой трансформации как проблемы для сотрудников и организаций до ключа к успеху правительства.

В ряде дисциплин наблюдается профессиональный скептицизм со стороны передовых исследователей в отношении цифровой трансформации. В качестве яркого примера можно привести юридическую науку, в которой существует призыв к очень аккуратному отношению к анализу общественных институтов как цифровых⁵⁸. В частности, предлагается разработка специальных дорожных карт по исследованию цифровой трансформации любого социального института, при этом предусматривается рекомендация избегать равно как «увлечения цифровой формой и упускания сущности самого института», так и игнорирования переноса части социально-политических практик в цифровую среду. Юриспруденция в основном взаимодействует с правовой, в некоторых случаях с правоприменительной, картиной мира, что обосновывает осторожный подход к определению цифровой трансформации в данной области. Поскольку конечным продуктом анализа правоведов являются нормативные акты и предложения по их усовершенствованию, методологическая осторожность обеспечивает качество работы юридических специалистов и их научного исследования.

Политическая цифровая трансформация может быть определена в различных дефинициях. Исследователи Я.Р. Игнатовский и М.С. Васильев делают попытку уйти от бинарного определения этого явления, базирующегося только на представлениях о политических системах и цифровых процессах. Эти исследователи предлагают вводить дефиницию исключительно при учёте процессов социального самочувствия населения и экономической динамики общества⁵⁹. Оценка подобной широкой трактовки качественных характеристик

---

⁵⁸ Destefano, M. Don't Let the Digital Tail Wag the Transformation Dog: A Digital Transformation Roadmap for Corporate Counsel / M. Destefano, B.P. Tellmann, D. Wu // Social Science Research Network. – 2022.

⁵⁹ Васильев, М.С. Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски / М.С. Васильев, Я.Р. Игнатовский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 15-26.

политической цифровой трансформации в рамках её определения показывает, что такой метод размывает чёткость понятийного аппарата. Это делает определение чрезмерно обширным и труднодоступным для исследовательского анализа из-за многообразия характеристик, присущих также другим дисциплинам и несоответствующих методологическому аппарату политической науки.

Существует подход, согласно которому политическая цифровая трансформация может рассматриваться через электронное управление в рамках государственного управления ⁶⁰ ; фактически это является своеобразным технократическим подходом, опирающимся на цифровизацию. Более того, цифровая трансформация воспринимается как условие выстраивания шкал по оценке государственного управления, что подчёркивает технократичность данной концепции. В определении сути ключевых понятий является проникновение цифровизации в такие сферы, как финансы и лидерство. При этом одними из определяющих и формирующих факторов являются инфраструктура и технологии, предоставление услуг, управление большими данными и обеспечение безопасности, оценка человеческих ресурсов и информационные системы цифровой повестки дня. Это является нетипичным для политологии и отражает междисциплинарный подход данного понимания цифровой политической трансформации.

Необходимо различать понятия цифровизации общественно-политических отношений и цифровой трансформации конкретного политического института. Хотя эти процессы не противопоставляются, они не являются полностью идентичными. Отдельные элементы цифровизации политических процессов существовали задолго до наступления электронной и цифровой эпохи конца XX века. В частности, создавались механизмы автоматизированного подсчёта голосов, что подробно анализировалось рядом авторов⁶¹. Следует отметить, что

⁶⁰ . ԷԼԵԿՏՐՈՆԱՅԻՆ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՀԱՍՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ՄՈՂԵԼԸ ԹՎԱՅԻՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՄԱՆ ՕՐԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ // ԳԻՏԱԿԱՆ ԱՐՑԱԽ. – 2024. – No. 3(22). – P. 71-87.

⁶¹ Kucharov, A. Raqamli transformatsiya konsepsiyalari va ularning ahamiyati / A. Kucharov, A.

их интерпретация представляется объективной. Цифровая трансформация предполагает, что объект трансформации приобретает новые либо частично новые свойства, которые ранее ему не были присущи. Это непременно должно отражаться не только в цифровом измерении, но и в измерении политического влияния. С учётом того, что данные процессы активизировались с конца 1990-х годов, подлинная цифровая трансформация, в отличие от цифровизации общественно-политических отношений, наиболее полно раскрывается именно в этот период.

Технически, кроме цифровой трансформации, может существовать более традиционный подход к внедрению технологий, заключавшийся в компьютеризации⁶². Именно этот подход в основном существовал в 1990-е годы и в начале 2000-х годов, когда процесс ещё не переводился в пространство цифровой «дополняющей» реальности, а осуществлялся за счёт «гаджетизации». Первоначальным шагом к цифровизации стало подключение интернета в конце 1990-х годов в государственных учреждениях и образовательных организациях. Однако до начала 2000-х годов интернет как канал коммуникации в политической сфере оставался исключительным и оказывал незначительное влияние. Лишь с 2008 года начался активный процесс цифровизации и цифровой трансформации. В указанном году, например, в России социальные сети были впервые использованы в президентской избирательной кампании кандидатом от «умеренной» оппозиции. Во время избирательной кампании 2012 года в Российской Федерации социальные сети уже активно использовались всеми кандидатами — как от «партии власти», так и от различных оппозиционных партий. Таким образом, рубеж 2000-х годов стал значимым фактором перехода от компьютеризации к цифровизации, а также способствовал цифровой трансформации ключевых политических институтов, всей политической системы.

Bobojonov, A. Abdurakhmonov // *Iqtisodiy Taraqqiyot va Tahlil*. – 2024. – Vol. 2, No. 1. – P. 44-56.

⁶² Чурикова, А.Ю. От компьютеризации к цифровой трансформации: соотношение понятий / А.Ю. Чурикова // *NB: Административное право и практика администрирования*. – 2023. – № 4. – С. 24-36.

Создание корректного определения для понятий трансформации, цифровой трансформации и цифровой политической трансформации требует избегания потенциальных уязвимостей. К таким уязвимостям можно отнести смешение процессов цифровой трансформации и самой цифровизации или смешение понятий цифровой трансформации и компьютеризации, а также аналогичное смешение с понятиями переноса процессов (в том числе политических) в интернет, внедрения электронных элементов учёта или осуществления вне контекста конкретных политических действий граждан или представителей государственных органов. Важно учитывать, что при совокупном рассмотрении всех вышеперечисленных факторов они могут быть приближены к цифровой трансформации, однако по отдельности и при неполной сочетаемости этих и дополнительных факторов эффект корректности определения цифровой политической трансформации достигаться не будет. Частой ошибкой может считаться приравнивание цифровой политической трансформации к модернизации или восприятие этого явления исключительно как части идеологии прогрессизма. В то же время главной ошибкой при формировании определения цифровой трансформации, причём вне контекста политологии, а на более широком междисциплинарном уровне, является сосредоточение лишь на одном аспекте процесса, в частности создании цифровых моделей, копий реальности или исключительно на алгоритмизации или аспектах, связанных с программированием. Также существенные ошибки при определении трансформации будут заключаться в отождествлении её с процессами перехода (без учёта специфики), прогресса, изменения, качественного скачка или развития.

Дискуссионным является вопрос существования и выраженности негативной стороны трансформации. Трансформация может иметь негативные последствия для объекта или системы, которые её испытывают; вместе с тем это не базовое, а вероятное свойство. Важно отметить, что истинные негативные последствия отличаются от общественного недовольства или критики того или иного процесса, поскольку при их наличии не всегда наступают серьёзные

негативные последствия для общества или государства. В этом контексте трансформация не является синонимом развития, так как не предполагает неизбежного улучшения состояния общества и государства. Понятие трансформации оказывается методологически выигрышным в социальных науках, особенно в политологии, поскольку термины развитие и прогресс могут нести идеологическую нагрузку, подразумевать односторонний вектор развития с положительными оценками. Таким образом, использование термина «трансформация» представляется наиболее подходящим и частично оптимальным в рамках исследования современного общества, особенно специфических политических институтов.

На основании анализа и синтеза представленного материала, а также в соответствии с целью и задачами исследования, а также условием объективного отражения и исследования политической реальности в качестве рабочего определения трансформации будет рассматриваться процесс набора и последовательности изменений, сопряжённый с качественными изменениями того или иного объекта, чаще всего носящий поэтапный характер, прослеживаемый во времени.

Политическую трансформацию можно определить как процесс осуществления совокупности и последовательности изменений политического института или всей сферы политического, сопряжённый с динамичными преобразованиями свойств любых элементов политической системы и их комбинаций, или всей политической системы в рамках конкретного исторически определяемого периода и общества.

Цифровая политическая трансформация будет определена как направленная на преобразование и развитие совокупность и последовательность изменений в политической сфере, включая изменения отдельных акторов политического процесса, сопряжённые с цифровыми технологиями при их внедрении, эксплуатации или сочетании цифровых и аналоговых форм политических технологий. Данное понятие цифровой политической

трансформации можно считать авторским определением, выработанным в рамках данного исследования.

Обоснованность предложенных определений подтверждается такими факторами, как потенциальное удобство их использования в политологических исследованиях, а также их лаконичность и логичность. Следует отметить, что данные дефиниции опираются на категории политической науки, что обеспечивает их применимость в этой области. В качественном социологическом исследовании и других исследованиях, представленных далее в настоящей работе, используется именно такой набор определений. Также данное исследование выдержано в логике иерархичности восприятия феномена “политического” как такого исследовательским политологическим сообществом, где политический процесс - наибольшее политическое понятие, избирательный процесс является его составной частью и, дополнительно, включает в себя региональный избирательный процесс, что отражает сложность политологического анализа, исследуемого здесь политического феномена. Цифровые институции на современном этапе представляют собой существенные площадки и инструменты для политических акторов, а цифровые команды, которые либо создают, либо контролируют их в ряде случаев сами становятся политическими акторами. Исходя из этого, цифровые институции становятся частью сферы политического.

Таким образом, в данном параграфе раскрыты основные рабочие определения, представлено авторское понятие цифровой трансформации политического избирательного процесса.

§ 1.2 Тренды и тенденции цифровизации регионального избирательного процесса

Цифровая трансформация регионального избирательного процесса представляет значительный интерес с точки зрения современной политической науки. При этом следует отметить, что эта сфера традиционно имела важное значение на протяжении многих периодов развития политологии, политической философии и привлекала внимание политических мыслителей разных эпох⁶³. Если рассматривать историю исследования цифровой трансформации регионального избирательного процесса как комплексное явление, то можно выделить различные этапы его развития. Первый этап включает исследования, не связанные с политологией, и политическую философию в период до XIX века включительно. Второй этап охватывает период до конца 1980-х годов. Третий этап включает 1990-е годы и первую половину 2000-х годов. Четвёртый этап охватывает период с середины 2000-х годов до 2016 года. Пятый этап представляет собой период, который начался приблизительно в 2016–2017 годах и продолжается до настоящего времени. В контексте Российской Федерации периодизация будет представлена с начала 2000-х годов до сегодняшнего дня.

Существует мнение, что цифровизация избирательного процесса представляет собой новое явление, что исследование данного процесса считается относительно молодым направлением. Однако это не является абсолютно верным, поскольку цифровизация охватывает не только компьютеризацию,

---

⁶³ Жариков, И.А. Подходы к определению понятия цифровой трансформации / И.А. Жариков // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2023. – № 1(35). – С. 35-40

электронификацию, а также интернет-технологии. Важно учитывать также процессы аналогового моделирования, создания новых технологий учёта и подсчёта голосов, способов голосования с применением нового математического аппарата⁶⁴ и совершенствование технологических механизмов голосования с применением кодировки⁶⁵. Примеры таких явлений можно найти в Древней Греции у классических мыслителей той эпохи. В качестве примеров истории мысли, направленной на совершенствование избирательных технологий при помощи использования новых систем подсчёта и кодирования, можно вспомнить споры о правильности применения метода избрания с помощью различных голосований или с помощью метода избрания через жребий. В Древней Греции метод жребия с ограничениями по срокам избрания и возможностью сохранения кандидатуры в пуле жеребьёвки считался более предпочтительным по нескольким причинам. Во-первых, жребий считается объективным, неподкупным способом, что делает политические технологии против него неэффективными, если технология используется прозрачно и честно. Во-вторых, жребий обеспечивает равный доступ к процедуре избрания, так как все участники пула жеребьёвки имеют одинаковые шансы. В то время как голосование сопряжено с экономическими, психологическими, процедурными препятствиями, ограничивающими свободный доступ всех граждан к выборам. Кроме того, данная технология отражает дух определённых периодов эллинской традиции, когда занятие государственной должности воспринималось не как благо, а скорее как исполнение гражданского долга. Известное высказывание Сократа, переданное Платоном, о необходимости участия граждан в государственных собраниях, отражает не просто гражданский активизм, а античные представления об участии в государственных и общественных делах как об обязанности, которая является личным вкладом гражданина в соблюдение его прав и общественных

---

⁶⁴ Тимощук, А.С. Математизация, цифровизация - дальше без остановок / А.С. Тимощук // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 2(140). – С. 146-152.

⁶⁵ Мамедов, А.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски / А.К. Мамедов, Л.Ю. Писарева // Социология. – 2020. – № 3. – С. 4-17.

прав как единой системы права. Здесь же можно отметить «региональную» особенность: в Риме, после проникновения эллинской культуры в результате завоевания Греции, произошёл переход от процедуры жребия к системе голосования. Данная тенденция сохранялась в научных изысканиях, философских представлениях, а также в политической практике, за рядом исключений, например в религиозных трактатах, особенно православной ветви христианства. В частности, в трудах архиепископа Илариона (Троицкого) утверждалось, что финальная часть избрания патриарха должна осуществляться посредством жребия. Также в США существовала правовая традиция, согласно которой в случае равенства голосов на выборах глав городов применялась процедура жребия. Эта практика сначала поддерживалась местными политологами и юристами в XX веке, но к XX века начала критиковаться. В качестве альтернативы предлагался возврат к европейской традиции проведения вторых туров в рамках одной избирательной кампании или перевыборов. Впоследствии альтернативная концепция победила как в теории, так и в нормативной плоскости посредством издания специального федерального закона. Тем не менее в некоторых штатах США фиксировались случаи использования жребия вместо вторых туров из-за отсутствия бюджета для повторных избирательных кампаний. Вопрос выбора между жребием и голосованием имеет прямую связь с цифровизацией, так как это выбор между математическими моделями, основанными на теории игр и теории вероятностей.

В развитии данной темы следует обратиться к классическому труду Платона «Государство», где представлена классификация форм правления. В этом контексте особый интерес представляют следующие формы правления: аристократия, олигархия, истинная демократия и плохая демократия (анархия). Монархия, тирания и тимократия исключены из анализа, поскольку первые две формы не подразумевают принятия групповых решений, а последняя не акцентируется на вопросах избрания и коллективного принятия решений методами голосования. Отличительной чертой благоприятных форм правления

является наличие эффективных методов принятия решений и усовершенствованных методов голосования. В контексте правильной демократии это позитивные методы голосования и иные формы избрания и участия. В аристократии аналогичный набор методов применяется для более ограниченной группы лиц. Аналогичная идея прослеживается и у Аристотеля, где рассматриваются аристократия, олигархия, полиция и демократия (также именуемая охлократией), которые в значительной мере повторяют платоновскую модель, за исключением риторики и некоторых особенностей⁶⁶. Основным критерием правильности форм правления являются механизмы голосования, избрания и участия в общественно-политических решениях. Примечательными также являются пифагорейские представления о гармонизации природы, общества и управления через математические гармонии. При этом данные идеи имеют отдалённое отношение к теме, поскольку взгляды пифагорейцев на процедуру выборов и избирательные кампании существенно отличались от позиций философов континентальной Греции.

Следует отметить, что значительное количество правил Вселенских соборов в христианстве касалось вопросов выборов и механизмов защиты и чистоты результатов. С учётом того, что на соборах рассматривались практические вопросы избрания глав поместных церквей и локальных епархий (митрополии, архиепископии), данный пласт идей напрямую связан с вопросами региональных избирательных кампаний. Тем не менее серьёзных следов цифровизации, даже в расширенном её понимании в настоящем исследовании, практически невозможно обнаружить. Акцент в данном случае делается на процедурных механизмах, а не на вопросах подсчёта и моделирования процесса голосования. Примечательно, что в этом контексте рассматриваются механизмы иерархизации избирательных органов и строгое разграничение голосований и доступа к ним на разных уровнях. Интерес представляет также новый механизм,

---

⁶⁶ Покровская, Н.Н. Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций / Н.Н. Покровская, Т.В. Сметанина, С.И. Шелонаев // Социология и право. – 2021. – № 3(53). – С. 6-18.

разработанный отцами церкви, который включает голосование не только рядовых членов сообщества или выборщиков от них, но и представителей институтов, таких как представители монастырей (не обязательно их игумены), городских общин, колоний, этнических групп.

Классики протополитической науки, такие как Н. Макиавелли, не рассматривают данную проблему, хотя работы Н. Макиавелли значительно способствуют пониманию формирования политических партий (протопартий в период деятельности Н. Макиавелли) и проливают свет на механизмы проведения избирательных кампаний, соответствующих политическим институтам эпохи модерна. При этом основное внимание Н. Макиавелли сосредоточено на психологических аспектах властвования, а не на технических аспектах процедуры голосования. Это свидетельствует о недостаточной развитости института избирательных кампаний в тот период. В то же время следует отметить, что попытки введения новшеств в голосовании предпринимались уже в то время, в частности в Венеции. Венецианская система голосования с использованием белых и чёрных шаров в представительных органах практикуется и в современной итальянском парламенте, например при выборах премьер-министра. Этот метод, заимствованный из судебной системы древних греков, в своё время стал значительным прорывом. Он обеспечивает анонимность голосования и облегчает подсчёт результатов, что является одной из главных задач современной цифровизации избирательного процесса. Для соблюдения тайны голосования был разработан и внедрён специальный механизм для приёма шариков.

Ведущую роль в формировании представлений о современных избирательных кампаниях сыграли прежде всего США, Великобритания и Франция. Развитые страны Западной Европы исторически демонстрировали образцовые примеры проведения парламентских кампаний, тогда как США предоставили аналогичный пример президентских избирательных кампаний. Это не только фактическое лидерство в осуществлении таких кампаний по современным стандартам, но и внедрение новшеств в области пиара, рекламы и

избирательных технологий в целом. Особое внимание заслуживает уникальность избирательной системы США, отличающейся, например, наличием института выборщиков.

Значительный вклад в развитие теоретической базы внёс М. Дюверже. Хотя основное внимание в своих исследованиях он уделял партиям и партийным системам, он также подробно анализировал избирательные кампании в контексте своей классификации партий и партийных систем. Например, при рассмотрении массовых партий М. Дюверже подчёркивал важность агитационных мероприятий для них, поскольку такие партии формируются через привлечение новых сторонников из широких слоёв общества. Агитационные мероприятия способствуют этому процессу. В то же время кадровые партии, несмотря на свою элитарность, нуждаются в народной поддержке в демократической политической системе. Для двухпартийной системы характерны яркие парламентские кампании, обусловленные противостоянием двух основных политических партий. В многопартийных системах избирательные кампании являются интенсивными как на парламентских, так и на президентских выборах, а также на выборах более низкого уровня, таких как региональные и муниципальные. В однопартийных системах, с точки зрения западной политологии, конкурентные выборы, как правило, отсутствуют. Исключение составляет Турецкая Республика в историческом контексте, где отмечается сочетание принципов демократичности и однопартийности.

К явным трендам цифровизации избирательных механизмов в доцифровую эпоху относится механизация процесса подсчёта голосов, что наиболее выражено в технологиях прошлого. Примерами этого являются использование цветных камней и машин для их подсчёта. В данном контексте следует отметить не только разнообразие примеров внедрения подобных машин и механизмов на протяжении исторического процесса, но и обширную географию их применения. Примеры варьируются от древнегреческих способов до мезоамериканских методов записи избрания, таких как выкрики из толпы и использование узелков для фиксации

избрания на пост главы индейского объединения. Отметим, что при интеграции первых компьютеризированных технологий, а именно разработке электронно-вычислительных машин и применении их в деле учёта информации, создании примитивных массивов и баз данных, акцентирование происходило также на внедрении их как аппаратов и механизмов. Лишь в 1980-х годах появилось программное обеспечение и необходимый объём кода, который позволял адекватно обработать результаты выборов и провести аналитику продвинутого уровня. Разработка программ для анализа данных, пригодных для неручного анализа выборов, в основном осуществлялась службами безопасности, а в СССР привлекались учёные из сфер наукометрии и библиометрии, в частности специалисты Химкинского института библиотечного дела. Исторические примеры показывают, что внедрение вычислительных механизмов часто предшествует созданию технологических комплексов, способных продуктивно взаимодействовать с электоральной средой.

Другим значимым трендом является стремление избирательной системы к разработке нейтральных методов распределения мест в бюллетенях или созданию независимых способов жеребьёвки. Это тенденция прослеживается от использования подбрасывания монеты в Древнем мире до систем жребия, которые сохранились как рудиментарные или эффективные методы в современном мире, и до применения блокчейн-шифрования. Следует отметить, что до появления блокчейн-шифрования и блокчейн-алгоритмов программы «рандомайзеры» уступали бумажному жребию, поскольку их алгоритмы выбора чисел или цифр могли быть математически просчитаны, что создавало потенциальную уязвимость.

Важным аспектом цифровой трансформации является то, что внедрение и эксплуатация бумажных носителей может восприниматься как часть цифровой трансформации лишь ограниченный период. Первоначальное введение бумажных носителей в государственное управление и их использование в процессе избрания должностных лиц представляет собой кратковременную «технологическую

революцию». Однако после нескольких электоральных кампаний их использование становится рутинной практикой. Это явление часто характерно для неинституционализированных и не до конца сформировавшихся государств, где бумажные носители упорядочивают процесс выборов, но не оказывают серьёзного воздействия. При этом дальнейшие технологии, которая открывает письменность, являются действительно значимыми по влиянию. Так, переписи населения представляют собой первые реестры потенциальных избирателей, базы данных. С учётом сословного и имущественного акцента переписей, а также избирательных прав в обществах Древнего мира, в раннефеодальных государствах появилась база данных с множеством переменных, которые вступали во взаимодействие между собой при созывах представительных органов, их избрании, а также при выборе должностных лиц. Переписи и степенные книги играли значительную роль в комплектации курий для голосования и создании сословных парламентов, особенно в Западной Европе. Здесь подразумевается не только подушная перепись, но и имущественные изыскания государства. Особенно важны случаи учёта зависимого населения, в частности крепостных крестьян, то есть крестьян, не обладающих гражданскими и основными подданными правами, но своим количеством определяющих статус своего «хозяина» и широту его избирательных прав, как активных, так и пассивных. В этом контексте конкурирующими протобазами данных могут служить степенные и местнические книги, а также официальные родовые книги. Они выполняли аналогичные функции для высших сословий, работали с множеством переменных и определяли статусы большого числа людей в сословных, преимущественно монархических, государствах.

Для объективного выявления трендов и тенденций в контексте цифровизации исторических процессов необходимо определить круг элементов интеллектуальной истории и составить библиографию по данной проблеме. Для этого необходимо рассмотреть комплекс исследований на эту тему. Можно привести некоторую типологизацию самих исследований, где главным

основанием типологизации будет принадлежность исследований и самих исследователей к определённой стране. Например, в качестве основной страны, где работали исследователи по интересующему нас направлению, безусловно, является Россия. При этом стоит также отметить, что существует и другие страновые направления, в частности Германия и Болгария. Альтернативным основанием для классификации может служить принадлежность к различным исследовательским школам, например концепция политических систем, различные направления марксизма, политико-экономическая школа. Все эти школы представлены в России и имеют продуктивную историю начиная с конца XX века.

Исследовательские школы, занимающиеся изучением трансформации регионального избирательного процесса в России, развиваются преимущественно в рамках первого и второго поколения, тем не менее эти научные центры демонстрируют высокую продуктивность. История и структура этих центров будут подробно рассмотрены во второй главе данной работы.

В западной политической науке сформировалось направление, выделившееся в отдельную дисциплину, которая называется псефология. Псефология представляет собой научную дисциплину, изучающую избирательные процессы с применением математического аппарата. Основы данной дисциплины главным образом находятся в области комбинаторики, математической статистики, теории игр и теории вероятностей. Учёные стремятся объяснить электоральное поведение как электората в целом, так и отдельных избирателей и их групп. Кроме того, предпринимаются попытки прогнозирования поведения кандидатов. Следует отметить, что наиболее сильная сторона, преподносившаяся последователями псефологии⁶⁷ как ключевая, оказалась относительно цифровизации во многом непродуктивной. Математический аппарат оказался не до конца способен описать подвижные политические

---

⁶⁷ Подвинцев, О.Б. Псефология как наука о выборах / О.Б. Подвинцев // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 142-146.

процессы, отличающиеся большим количеством переменных или переменными, которые описываются ими же самими, что в рамках классической статистики выглядело почти невозможным и вызывало необходимость поиска решений вне математического аппарата. Создание псефологии относится к середине XX века, и на текущий момент она продолжает развиваться, происходит углубление в новые области избирательных кампаний, где возможно количественное измерение показателей. Например, экономическая сторона избирательных кампаний, включающая бюджеты кандидатов, их траты, направленность этих трат и источники финансирования, является объектом изучения. С развитием онлайн-банкинга, сервисов интернет-заказа товаров и услуг эти аспекты стали легче отслеживаться и анализироваться с позиции псефологии.

Особенно важной группой как учёных, так и практиков будут представители сообщества в области политического пиара, политической коммуникативистики и политического маркетинга. Эти три направления изначально первыми определили трансформацию избирательного процесса в цифровой плоскости⁶⁸. Первые работы, обозначающие контуры и направления этой трансформации, появились уже в конце 1990-х годов. К середине 2000-х годов это направление стало мейнстримом, и исследование политических и избирательных кампаний без анализа сегментов интернета стало редкостью. В контексте странового анализа следует выделить учёных из США и Франции. Эти страны представляют противоположные школы политической науки. В США доминируют три направления: политический анализ, компаративистские исследования и кейс-стади; это характерно для изучения избирательных кампаний. Во Франции основное внимание уделяется школе политической социологии. Основы исследований политических партий, избирательных кампаний и выборов были заложены М. Дюверже и развиты его последователями, что определило исследования цифровизации голосования и понимание

---

⁶⁸ Зарубина, Н.Н. Последствия распространения цифровых коммуникаций для развития человеческого капитала: познавательный потенциал социологических подходов / Н.Н. Зарубина // Коммуникология. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 29-42.

электорального процесса.

В Восточной Европе также функционируют исследовательские центры, изучающие трансформацию избирательных процессов под влиянием цифровой среды. В качестве примера можно привести польских политологов. Среди основных центров выделяются Университет имени Адама Мицкевича в Познани и Краковский университет. Эти центры работают в духе американской политической науки, исторически они возникли в период распада Варшавского блока, хотя существовали ранее в виде членов ассоциации политических и государствоведческих наук. Современные исследования в основном имеют практическую направленность, хотя предпринимаются попытки создания фундаментальных политико-кибернетических и политико-информационных теорий электоральных процессов. Основное внимание уделяется анализу избирательных кампаний в Польше и крупных западных странах; иногда встречаются критические статьи о постсоветских государствах. К представителям данной школы относятся Д. Лукаш из Университета имени Адама Мицкевича в Познани и Р. Чахор из Краковского университета. В Германии также существует школа практических исследований, особенно в Мюнхенском университете, где изучаются выборы на постсоветском пространстве, во многих случаях с критическим подходом. Ярким представителем этого коллектива является Ю. Бауман. В Болгарии, в Пловдивском университете, действует концептуальная школа исследования цифровых трансформаций на выборах, ставящее целью фундаментальное осмысление данного явления. Одним из представителей этой школы является В.Г. Преждарова⁶⁹.

В 2016 году и в последующие годы наблюдался значительный рост исследований, посвящённых цифровой трансформации регионального

---

⁶⁹ Преждарова, В.Г. Элементы информатизации на выборах в регионах Российской Федерации / // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 18 марта 2022 года / Под общей редакцией М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. – С. 183-185.

избирательного процесса. Это явление связано с победой Д. Трампа на президентских выборах в США, достигнутой благодаря привлечению экспертов компании «Кембридж.Аналитика»⁷⁰. Они первыми использовали адресные цифровые технологии в широком масштабе⁷¹, выходящие за пределы использования коммерческого доступа к социальным сетям⁷² и базам данных. Это событие во многом обусловило разворот исследователей на региональный уровень. Значительное количество американских, а также международных исследователей начали анализировать события в офлайн-, онлайн- и цифровой реальностях в каждом штате США и даже на отдельных заморских территориях. Интересным является то, что западные⁷³ (преимущественно не американские⁷⁴) исследователи в большем количестве случаев делали акцент на использование алгоритмического подхода «Кембридж.Аналитики» в социальных сетях, видя в этом угрозу внутреннему информационному полю своих стран, хотя сами методы «Кембридж.Аналитики» далеко не исчерпывались банальным парсингом и контекстной рекламой в автоматизированном формате⁷⁵, как это отражалось в некоторых европейских и канадских публикациях⁷⁶. Отечественные исследователи также пытались проанализировать влияние данного нового на тот

---

⁷⁰ Epstein, D. Conversations with fellow leaders: Privacy framing in congressional hearings after Cambridge Analytica / D. Epstein, R. Medzini // *Telecommunications Policy*. – 2022. – Vol. 46, No. 10. – P. 102427.

⁷¹ Halliday, R. ‘Cyber warfare’ in style: Cambridge Analytica and a mediatized ethics of fashion / R. Halliday // *International Journal of Fashion Studies*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 131-149.

⁷² Brown, A.J. “Should I Stay or Should I Leave?”: Exploring (Dis)continued Facebook Use After the Cambridge Analytica Scandal / A.J. Brown // *Social Media and Society*. – 2020. – Vol. 6, No. 1. (***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.)

⁷³ Calabrese, L. L’affaire Cambridge Analytica sur Twitter : résignation ou résistance face à la surveillance numérique ? / L. Calabrese, C.P. Lagos // *Terminal*. – 2022. – No. 132-133. (“Twitter” или “X” - нарушает законные требования РКН.)

⁷⁴ Regional Differences in Information Privacy Concerns After the Facebook-Cambridge Analytica Data Scandal / F. González-Pizarro, A. Figueroa, C. López, C. Aragon // *Computer Supported Cooperative Work*. – 2022. – Vol. 31, No. 1. – P. 33-77. (***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.)

⁷⁵ Akpınar, M.E. A review on the relationship of Big data and Cambridge Analytica / M.E. Akpınar // *Journal of Communication Science Researches*. – 2022. – Vol. 2, No. 1. – P. 56-63.

⁷⁶ Briant, E. Lessons from the Cambridge Analytica Crisis / E. Briant // *The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare*. – 2021. – Vol. 3, No. 3. – P. 125-127.

момент технологического витка в политехнологиях⁷⁷ и оказываемое им влияние на сферу социальных сетей и медиа⁷⁸.

В региональном аспекте избирательные кампании, в том числе в контексте цифровизации, традиционно исследуются в федерациях. При этом указанные исследования часто проводятся учёными, не являющимися представителями самих федераций. Примеры включают Австрию⁷⁹, Германию, Швейцарию, Бельгию, а также Боснию и Герцеговину, хотя последняя изучается вне контекста цифровизации. Исследователи из Германии, Австрии и США⁸⁰ анализируют внедрение дистанционного электронного голосования в конкурсах на должности в представительной или исполнительной власти, а также в голосованиях по экономическим вопросам (налогообложение, благоустройство, урбанистическая политика). Значительное внимание уделяется странам, таким как Латвия, Намибия и Россия, где проводились выборы руководителей государств, парламентов и региональных органов власти с использованием различных технологий дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Норвегия рассматривается в контексте публичных голосований по вопросам налогообложения через государственные интернет-сервисы. Исследователи с марксистским подходом изучают механизмы праймериз марксистских, левых партий, проводимых в интернете. В региональном контексте исследуются праймериз основных партий США, хотя непосредственно голосование не

---

⁷⁷ Гришина, Н.Ю. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании "Кембридж Аналитика") / Н.Ю. Гришина, Е.Л. Болдырева, Е.О. Дуйсембина // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 69-80.

⁷⁸ Потемкина, О. Проблема регулирования социальных сетей накануне выборов в Европейский парламент / О. Потемкина // Современная Европа. – 2019. – № 2(88). – С. 52-60.

⁷⁹ Пивоварова, А.Е. Анализ внедрения формы дистанционного голосования на примере Австрии / А.Е. Пивоварова // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования: Материалы Пятой международной научной конференции молодых ученых, Москва, 19 апреля 2023 года. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 24-29.

⁸⁰ E-Voting Meets Blockchain: A Survey / M.V. Vladucu, Z. Dong, J. Medina, R. Rojas-Cessa // IEEE Access. – 2023. – Vol. 11. – P. 23293-23308.

осуществляется в онлайн-среде. Тем не менее обе партии активно используют технологии социальных сетей, работают с большими базами данных поисковых систем и системами электронных почт. В этом контексте в литературе недостаточно рассмотрено общенациональное СМС-голосование референдумного типа, проведённое на Украине в 2006 году, изначально задуманное как праймериз «Партии регионов» на Украине, однако на данном этапе это направление можно оценить как бесперспективное. В обозримом будущем ожидается сохранение старых и возникновение новых школ и исследовательских центров по данной проблематике.

Избирательный процесс в российской политологии является предметом изучения российских исследователей, среди которых А.А. Горбачёва, С.Е. Заславский, Д.М. Худолей и В.Л. Шаповалов.

Необходимо ещё раз акцентировать внимание, что механизмы усовершенствования избирательных технологий подробно изучены российскими политологами, такими как М.В. Ильин, Е.Б. Малкин, О.В. Купцов, Е.Б. Сучков и М.А. Шиковец. Вопросы, касающиеся выборов представительных органов власти, анализируются в работах Ю.А. Головина, Д.В. Лисейцевой, Я.А. Пляйса, В.Я. Швейцера и А. В. Шумилова.

Проблематика избирательных кампаний в крупных городских агломерациях и административных центрах изучается такими исследователями, как А.Е. Любарев, С.М. Немгирова, О.В. Попова, В.Б. Слатинов, С.Б. Суворов и Э.В. Тюхтенёв. Среди зарубежных авторов, оказавших значительное влияние на российскую школу и исследовавших избирательные процессы, можно выделить О. Бернарда, М. Дюверже, Д. Мауллера, Д. Томпсона и К. Эрроу.

Исследования также охватывают узкие аспекты избирательных кампаний. В частности, выборы в городские парламенты столиц субъектов РФ анализируются Е.В. Матвеевой и А.С. Кошелем. Специфика этой темы в Центральном федеральном округе изучается политологом Н.Н. Козловой.

Исследование цифровой трансформации регионального избирательного

процесса требует указания на ряд существенных замечаний. Исторический анализ явления выявляет характерную особенность: абсолютное большинство исследователей, занимавшихся этой проблемой, продолжают свою деятельность по состоянию на 2023 год, за исключением выдающегося исследователя В.С. Комаровского и некоторых других. Этот факт свидетельствует о том, что вопрос начал рассматриваться относительно недавно по историческим меркам. Также следует отметить, что в научной и академической преемственности действуют исследовательские коллективы второго или третьего поколения, иногда даже первого. Это объясняется объективными причинами, поскольку сам феномен существует приблизительно не более двадцати лет.

Исследование данного явления представляет собой реакцию на появление интернета и стремительное развитие российского сегмента интернета в начале 2000-х годов. Политический сегмент российского интернета длительное время оставался недооценённым в качестве объекта исследования как российскими, так и зарубежными политологами. Однако к началу 2010-х годов сформировалась мощная школа изучения цифровизации политического процесса в современной России. Эта школа оказалась неравномерно распределена по регионам Российской Федерации. Подверженная воздействию времени и адаптации к новым условиям политических практик, данная школа сохранилась до настоящего времени. Стоит отметить, что в сфере исследований Академия наук и её структуры заметно уступают университетским и институтским структурам. Далее будут подробно рассмотрены школы и направления исследований цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса как на уровне отдельных исследовательских институтов и групп, так и на уровне отдельных исследователей.

Существует ряд концепций, условно основанных на интеграции экономического аппарата в политический дискурс. Политический маркетинг подробно изучает проблему избирательных кампаний. В становлении политического маркетинга в Российской Федерации ключевую роль играют

А.С. Фалина и Е.Г. Морозова. Политический маркетинг анализирует избирательные кампании как политический продукт для избирателя и одновременно как презентацию готового политического продукта, включая имидж кандидата и самого кандидата на выборах.

Отечественные исследователи работают в рамках нескольких парадигм, включая системный подход, основанный на концепциях, разработанных Д. Истоном. В соответствии с системным подходом избирательные кампании рассматриваются как сложный процесс взаимодействия и обмена между элементами системы. Это не только попытка влияния со стороны таких акторов, как партии, государство, политики, но и канал ответа общества другим элементам политической системы. Среди отечественных учёных следует отметить работы О.Ф. Шаброва, одного из основоположников школы политических систем в России, в том числе его исследования на электоральную тематику⁸¹.

В современных отечественных исследованиях региональных избирательных кампаний выделяются несколько школ, функционирующих в университетах. В частности, существует исследовательская школа в РАНХиГС при Президенте РФ. В ней особенно выделяются учёные кафедры политологии и политического управления Института общественных наук: М.А. Бурда, О.А. Нестерчук, А.К. Сковиков, Л.Н. Тимофеева и В.И. Тимошенко. Также следует отметить федерального эксперта по региональной политической проблематике Р.В. Евстифеева из Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ. В этой научной школе избирательные кампании в регионах рассматриваются под разными углами, включая Владимирскую область и Чувашскую Республику, с учётом ресурсных возможностей и интересов региональных элит.

Следует также отметить исследовательскую школу в НИУ ВШЭ РФ, ярким представителем которой является М.В. Ильин. Научные исследования политологов этого университета тесно связаны с проблематикой региональных

---

⁸¹ Шабров, О.Ф. Новое в электоральных процессах России и Европы / О.Ф. Шабров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 196-202.

избирательных кампаний. М.В. Ильин вводит ряд ключевых терминов, важных для понимания ротации кадров, рекрутирования региональных элит, местного избирательного процесса и других значимых факторов.

Дополнительно стоит отметить значительный вклад И.Ю. Окунева из МГИМО в пространственный анализ регионов Российской Федерации. Оригинальный подход И.Ю. Окунева базируется на сочетании нескольких методов, включая политическую географию. Эта совокупность позволяет эффективно исследовать сложные явления, такие как региональные избирательные кампании.

Научный интерес представляют исследования, проводимые в академических вузах Санкт-Петербурга. В СПбГУ О.В. Попова занимается проблематикой региональных и местных выборов, особенно в северо-западных регионах Российской Федерации. А.Ю. Сунгуров из санкт-петербургского филиала ВШЭ изучает региональные политические феномены. А.В. Воронцов из РГПУ имени Герцена посвятил ряд работ партийной борьбе и деятельности в городских парламентах⁸².

Кроме исследователей в столичных городах, следует отметить учёных региональных исследовательских школ, таких как профильный институт в Курском государственном университете. Особенно выделяются исследования В.Б. Слатинова⁸³, который является автором аналитических материалов, посвящённых избирательным кампаниям не только в Южном федеральном округе, но и на других территориях Российской Федерации.

Также стоит упомянуть исследователей, изучающих феномен выборов и избирательных кампаний в муниципальных парламентах столиц субъектов РФ.

---

⁸² Воронцов А.В. Городской парламент: из опыта работы фракции "Коммунисты Ленинграда" (1994–1998 гг.): Материалы для партийного актива, пропагандистов и агитаторов / А.В. Воронцов. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2005. – С. 22.

⁸³ Слатинов, В.Б. "Технократизация" губернаторского корпуса в российских регионах: механизмы и промежуточные эффекты / В. Б. Слатинов // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 99-102.

Среди них выделяются работы Е.В. Матвеевой⁸⁴ из Кемеровского государственного университета и её последователей⁸⁵. Также заслуживают внимания публикации Н.Н. Козловой из Тверского государственного университета⁸⁶, а также членов её исследовательской группы из Костромы и Ульяновска⁸⁷.

Важно отметить, что школа, возникшая в Московском областном университете (сейчас ГУП и отдельно КУРО), проявила значительную продуктивность, особенно в исследованиях цифровой трансформации политического процесса в регионах Российской Федерации и достигла пика активности в конце 2010-х годов. Значимую роль в этом сыграл журнал «Вестник МГОУ», позже переименованный в «Электронный Вестник МГОУ», ставший одной из ключевых платформ для публикации результатов таких исследований. Важный вклад внесли политологи А.В. Абрамов и С.Н. Федорченко; которые сохраняют аффилиацию с журналом и также продолжают исследования в рамках МГУ имени М.В. Ломоносова. Однако в результате кадровой политики и трансформации факультетов и кафедр МГОУ при передаче его из ведения Московской области к Министерству просвещения позиции этого экспертного центра значительно ослабли. Реорганизация политологического центра в МГОУ привела к утрате ведущего политологического центра в Московской области. На данный момент можно говорить лишь о деятельности АСОУ и научных работах В.В. Балытникова, который, хотя и исследует дистанционное электронное

---

⁸⁴ Матвеева Е.В. Социально-политический анализ структуры городских парламентов Сибирского федерального округа / Е.В. Матвеева // Парламентаризм: региональное измерение, Томск, 17–18 апреля 2019 года. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – С. 116–119.

⁸⁵ Матвеева Е.В. Депутатский корпус муниципальных парламентов Сибирского федерального округа: социально-политический анализ / Е.В. Матвеева, И.С. Украинцев, Д.А. Украинцева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 5. – С. 66–73.

⁸⁶ Арутюнов А.Г. Особенности избирательных кампаний муниципального уровня в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей / А.Г. Арутюнов, Н.Н. Козлова, В.С. Солнышков // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – Т. 7. – № 4(28). – С. 350–357.

⁸⁷ Арутюнов А.Г. Исследование муниципальных выборов в рамках дихотомий: столица субъекта - провинциальные районы и московские эксперты - местные эксперты / А.Г. Арутюнов, В.О. Сизов // PolitBook. – 2021. – № 4. – С. 125–139.

образование, в основном фокусируется на других странах, а не на опыте Российской Федерации. Московский областной филиал РАНХиГС при Президенте РФ и Коломенский государственный социальный университет, несмотря на наличие специалистов-политологов, не занимаются данной проблематикой.

Непросто складывается судьба политологической школы, изучающей цифровые трансформации российского регионального избирательного процесса, в Чувашской Республике. Основным исследователем в этом регионе, занимающимся данной проблематикой, является А.В. Шумилов; также можно отметить О.В. Шумилову. Наибольшая публикационная активность по этой тематике прослеживается в период конца 2000-х годов, а также первой половины 2010-х годов. Тем не менее, несмотря на наличие двух исследователей, это, скорее, не целая школа, а единичные представители.

В последние годы наблюдается миграция экспертов в сфере исследования цифровой трансформации региональных политических процессов в России. Например, видный специалист в этой области А.В. Абрамов, ранее работавший в МГОУ, присоединился соответственно к МГУ имени М.В. Ломоносова. Кроме того, О.Ф. Шабров, специализировавшийся на системном подходе в политологии, сменил Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ на факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Также В.Б. Слатинов, ранее также работавший в РАНХиГС при Президенте РФ, продолжает исследования в Курском государственном университете. Перемещения часто носят временный характер: Д.Г. Сельцер из ТГУ имени Г.Р. Державина временно работал в НИУ ВШЭ (московский кампус), а затем вернулся в ТГУ имени Г.Р. Державина. Аналогичный случай произошёл с А.В. Скиперских, который работал в НИУ ВШЭ в Перми, но вернулся в ЕГУ имени И.А. Бунина. Необходимо отметить, что специалисты в основном перемещаются в другой город для прохождения докторантуры. В то же время Р.В. Савенков, представляющий Воронеж, обучался в докторантуре в МГУ имени М.В. Ломоносова, но при этом продолжал свою

исследовательскую и экспертную деятельность в ВГУ.

В числе исследователей, работающих в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, выделяются О.С. Пустошинская из Тюменского государственного университета и С.Н. Дьячковский, возглавляющий Управление по работе со средствами массовой информации Администрации Главы Республики Саха (Якутия).

При анализе политологических школ, изучающих единый предмет, часто проводится разграничение между «столичными» и «региональными» экспертами. Однако в контексте цифровой трансформации регионального политического процесса это разделение теряет актуальность, за исключением того, что «региональные» эксперты обычно выступают как включённые наблюдатели и сосредоточены на проблемах своего региона или экономического района, реже федерального округа. В отличие от них, «столичные» эксперты ориентируются на федеральную проблематику и нередко интерпретируют московские кейсы цифровизации как общенациональные тренды. Несмотря на эти различия, такие тенденции в работе экспертов не являются абсолютными. Особое положение занимают эксперты из университетов и исследовательских структур Санкт-Петербурга, которые не вписываются полностью ни в категорию «столичных», ни «региональных» исследователей.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (ЦИК РФ), несмотря на то что является государственным органом, также осуществляет значительную экспертную и научную деятельность в интересующей нас области. Во-первых, это деятельность Российского центра обучения избирательным технологиям при ЦИК РФ и издаваемый им журнал «Гражданин. Выборы. Власть», который считается одним из ведущих в данной сфере. Главным редактором этого журнала и одним из ведущих экспертов в области является Д.А. Ежов⁸⁸. Во-вторых, Ассоциация «Независимый общественный мониторинг»

---

⁸⁸ Ежов, Д.А. Хайп-технологии как инструмент создания политического контента в новой медиареальности / Д.А. Ежов // Вестник Московского государственного областного

является одной из ключевых организаций, оценивающих трансформации в сфере электоральных процессов в регионах России. Экспертное сообщество Ассоциации в значительной степени связано с ЦИК РФ через различные консультативные и экспертные площадки. Среди экспертов Ассоциации выделяются А.В. Булгакова, В.Л. Шаповалов⁸⁹, Т.С. Аكوпова⁹⁰.

Особый интерес представляет изучение цифровой трансформации регионального политического процесса в современной России в МГУ имени М.В. Ломоносова. Наибольшее количество исследователей этого феномена сосредоточено на факультете политологии, где работают профессиональные политологи. Важную роль в изучении электоральных процессов играет декан факультета политологии А.Ю. Шутов, который также является членом ЦИК РФ. Среди внутрифакультетских подразделений выделяется кафедра российской политики, объединяющая нескольких исследователей данной тематики, включая А.Ю. Мамычева⁹¹, А.П. Кочеткова⁹² и В.Ю. Зорина. В области специализированных исследований выделяется И.А. Бронников⁹³, который подробно анализирует данный аспект через социальные сети и интернет-СМИ. А.В. Манойло⁹⁴ изучает данный аспект в контексте постправды, фейковых

университета. – 2022. – № 2.

⁸⁹ Тюков, Н.А. Формы участия российской молодежи в политических и электоральных процессах / Н.А. Тюков, В.Л. Шаповалов // Избирательное законодательство и практика. – 2022. – № 1. – С. 18-22.

⁹⁰ Аكوпова, Т.С. Применение индексов в политмаркетинговом исследовании предвыборных кампаний в социальных сетях. На примере президентской кампании в Российской Федерации 2018 г / Т.С. Аكوпова, А.В. Тихонова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 30. – С. 18-31.

⁹¹ Кочетков, А.П. "Цифровой транзит" публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 109-134.

⁹² Кочетков, А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества / А.П. Кочетков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 198-212.

⁹³ Бронников, И.А. Цифровой двойник в политическом процессе современной России / И.А. Бронников, Г.В. Закальский // PolitBook. – 2021. – № 3. – С. 167-181.

⁹⁴ Манойло, А.В. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России / А.В. Манойло, И.С. Шегаев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 129-142.

новостей и анализа социальных сетей. Кафедра государственной политики также активно занимается российскими исследованиями. Среди её представителей выделяются В.И. Якунин и О.Ф. Шабров⁹⁵. Значимый вклад в изучение феноменов российской политики в интернет-среде внёс С.В. Володенков, чья активная работа стала во многом фундаментом для дальнейших исследований, начиная с середины 2010-х годов. Исследования в этом направлении продолжаются, и ожидается их дальнейшее развитие.

Исследование цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса, как и предполагалось изначально, осуществляется в основном в России. Этот процесс привлекает значительно больше внимания, чем аналогичные процессы в других федеративных государствах, а также в унитарных странах. Среди зарубежных исследовательских коллективов выделяются политологи из Германии, США, Польши и Болгарии, а в некоторой степени — из Франции.

В Российской Федерации основные центры изучения сосредоточены на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Здесь исследователи данного процесса представлены на всех ключевых кафедрах: российской политики, государственного управления, сравнительной политологии. Среди региональных исследовательских центров выделяются Курский государственный университет, Тверской государственный университет, Кемеровский государственный университет и РАНХиГС при Президенте РФ (московский кампус). Кроме МГУ имени М.В. Ломоносова, в авангарде исследований находятся Московский педагогический государственный университет и Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

В перспективе количество исследователей и институтов, занимающихся проблемами цифровой трансформации регионального избирательного процесса в российских регионах, будет постепенно увеличиваться. Причём, как показывает

---

⁹⁵ Шабров, О.Ф. Взаимообусловленность социальных и политических изменений: рискогенный потенциал / О.Ф. Шабров // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 16-26.

практика функционирования этих исследовательских институтов, они не являются статичными и могут как появляться, так и исчезать.

В 1990-е годы цифровая трансформация политического процесса, особенно на региональном уровне, воспринималась как незначительный фактор, не оказывающий серьёзного влияния на политику. Однако с середины 2000-х годов её начали рассматривать как один из ключевых факторов. С середины 2010-х годов практически каждое электоральное исследование в области политологии и псефологии включает анализ интернет-источников. С 2020 года наблюдается значительное увеличение публикационной активности в данном направлении почти в геометрической прогрессии. В зарубежных исследованиях аналогичный рост активности совпал с 2020 годом, при этом существенный подъём отмечался с 2016 года, что обусловлено политической конъюнктурой. Следует отметить, что предложенные в данной работе этапизация и типологизация полностью оправдали себя, что подтверждается материалами, представленными выше.

Анализ цифровизации электоральных и избирательных процессов в контексте исторического событийного ряда и примеров различных эпох позволяет выделить объективные тенденции, сохраняющие актуальность на современном этапе.

Первая тенденция заключается в явном стремлении к всё более интенсивному описанию работы электоральных механизмов с использованием цифровых методов, что ведёт к усиленной нормативизации процесса. Это способствует повышению управляемости в сфере менеджмента и управления аппаратом и государственными служащими, организующими выборы и другие электоральные процессы. Субъектом управления может выступать как государство в целом, так и конкретное должностное лицо, осуществляющее государственное управление в электоральной сфере. Среди положительных аспектов данной тенденции можно выделить повышение прозрачности избирательного процесса и более ясные, эффективные механизмы взаимодействия.

Вторую тенденцию характеризует охват цифровизацией всё большего объёма процессов и явлений в электоральной сфере с каждым новым технологическим этапом. Каждый этап становится более всеобъемлющим и затрагивает всё больше сфер. Эту тенденцию укрепили четвёртая технологическая революция и волна цифровизации политико-социальных процессов второго десятилетия XXI века. Эту тенденцию наиболее оптимально описывает экспоненциальный рост, где на начальном этапе рост идёт небольшими темпами, а в конце развивается до кратных значений относительно первоначального этапа основной величины. И, как в случае с экспоненциальным графиком, происходит рост «относительно накопившихся процессов», когда продукты первичной «бумажной» цифровизации в итоге подвергаются цифровым преобразованиям и осуществляется вторичная цифровизация электоральной сферы.

Третья тенденция заключается в постоянном стремлении к разработке более анонимных технологий в рамках цифровизации. Эта тенденция соответствует логике избирательного процесса, так как в идеальной модели каждое государство или иной организатор выборов обязаны соблюдать принцип тайны голосования.

Четвёртая тенденция отражает постоянное появление новых угроз, связанных с цифровизацией политического процесса. Так, внедрение бумажной документации создаёт угрозу подделки протоколов или других документов. Аналогично введение онлайн-продуктов сопряжено с новыми рисками, такими как существенный комплекс злоупотреблений, в частности незаконные правоприменительные практики при использовании ДЭГ, включая офлайн-давление на голосующих в режиме онлайн. Угрозы могут быть как внутренними, так и внешними. Для цифровых продуктов голосования, подключённых к интернету, сохраняется риск хакерских атак и других киберуязвимостей. Однако большинство угроз на современном этапе не оказывают решающего влияния на объективное подведение итогов голосования и не угрожает легитимности и законности выборов. Тем не менее наличие новых угроз остаётся объективным

фактом, подтверждаемым историческим процессом и текущей ситуацией.

Пятая тенденция заключается в том, что в ответ на вызовы постоянно создаются механизмы защиты избирательных процессов, включая цифровые. Основным создателем механизмов секьюритизации, противодействия цифровым угрозам обычно выступает государство. В редких случаях инициатором может быть политическая партия или общественное движение, но легальная реализация и внедрение осуществляются только государством. Следует отметить, что по мере усложнения угроз совершенствуются и меры по охране, поддержанию легальности и легитимности выборов, а также противодействию иностранному вмешательству.

Шестая тенденция заключается в том, что цифровизация электорального процесса использует технологии, средства и инструменты из других сфер, особенно из экономики и государственного управления. Это можно проследить со времён средневековья, когда заимствовались механизмы и приборы для подсчёта голосов, до современности, где, например, механизм фиксации транзакций, используемый для проверки учёта голосов в системе ДЭГ, заимствован из криптовалютных технологий. Это одна из наиболее устойчивых тенденций, которая обеспечивает оперативную модернизацию и обновление инструментов электоральной сферы. Иногда изначально коммерческие инструменты становятся органичной частью избирательного процесса; ярким примером этого являются социальные сети и мессенджеры, которые значительно расширили пространство политической агитации и информирования о выборах.

Таким образом, в данном параграфе определены тренды и тенденции, возникающие в результате сравнительного анализа цифровизации и элементов цифровизации избирательных технологий в ходе протекания исторического процесса.

§ 1.3 Доктринальные и нормативно-правовые основы развития цифрового избирательного процесса в современной России

Нормативно-правовая база, определяющая ключевые направления развития избирательного процесса в современной России, начала формироваться в 1990-е годы. Развитие системы нормативно-правового регулирования носит нелинейный характер, при этом прослеживается устойчивая тенденция к усложнению избирательного процесса. На уровне региональных избирательных кампаний наблюдается явное стремление к унификации процедур во всех субъектах Российской Федерации; данная тенденция обусловлена как политикой федерального центра, так и необходимостью кодификации правовой базы в различных регионах страны.

Основные источники законодательства, регулирующие региональный электоральный процесс, включают Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, а также конституции (уставы) субъектов Российской Федерации. Кроме того, необходимо учитывать постановления Конституционного суда Российской Федерации, подзаконные акты, в частности постановления ЦИК РФ, избирательных комиссий субъектов РФ. Особое значение имеют региональные нормативные акты; в результате реализации мер, направленных на гармонизацию законодательной базы субъектов Российской Федерации, указанные акты в настоящее время приобретают если не типовой, то, по крайней мере, единообразный характер построения.

В качестве базовой правовой основы, определяющей рамки цифровой трансформации регионального избирательного процесса в Российской

Федерации, выступают положения Конституции Российской Федерации⁹⁶. В статье 3 Конституции Российской Федерации устанавливается порядок проведения выборов и референдума, а статья 32 Конституции Российской Федерации закрепляет активное и пассивное избирательное право граждан Российской Федерации. Отдельные аспекты электорального процесса находят отражение также в статьях 96 и 97 Конституции Российской Федерации, которые определяют особенности выборов депутатов Государственной Думы и Федерального Собрания в целом. Кроме того, статья 81 Конституции Российской Федерации содержит основные принципы выборов Президента Российской Федерации.

Отметим, что общие векторы цифровизации электоральной сферы были заложены и частично регламентированы некоторыми указами Президента Российской Федерации, среди наиболее значимых можно указать Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁹⁷, а также Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁹⁸, где кроме общего вектора на цифровизацию общественных процессов, указаны также аспекты цифровизации оказания государственных услуг и регламентированы общие векторы развития социально-политических процессов в цифровом пространстве,

Единственным федеральным конституционным законом, регулирующим предмет настоящего исследования, является Федеральный конституционный

---

⁹⁶ Конституция Российской Федерации Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (Дата обращения: 10.02.2025)

⁹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (Дата обращения: 19.06.2025)

⁹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (Дата обращения: 19.06.2025)

закон «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 № 5-ФКЗ⁹⁹. Указанный нормативный акт определяет основные параметры и пределы применения новых технологий при проведении референдума; его правовое регулирование охватывает не только вопросы ДЭГ, информирования о референдуме, но и порядок организации информационных кампаний со стороны участников, представляющих различные позиции по вопросам, выносимым на референдум. Следует отметить, что по состоянию на 2025 год данный закон не был реализован на практике, поскольку федеральные референдумы в Российской Федерации не проводились. Вместе с тем в Российской Федерации было организовано несколько местных (региональных) референдумов, при проведении которых использование новых цифровых технологий носило ограниченный характер.

Ряд федеральных законов формирует правовое пространство и определяет правовые ориентиры для внедрения различных инноваций, в том числе цифровых. Большинство указанных нормативных актов было принято в 1990-х годах, при этом их актуальные редакции относятся к 2010-м годам. Вместе с тем, в связи с существенными изменениями в правовой системе, обусловленными созданием единого комплекса публичной власти в рамках поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году, были приняты и новые федеральные законы.

Наиболее существенным федеральным законом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ¹⁰⁰. Указанный закон регулирует проведение выборов на всех уровнях, включая региональный, что придаёт ему особую значимость для целей

---

⁹⁹ Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/?ysclid=m7fb2raicj722081517 (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁰ Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/?ysclid=m7fc1kwiw5177994974 (Дата обращения: 10.02.2025)

настоящего исследования.

Определённые положения, регламентирующие конкретный тип избирательной кампании, закреплены в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ¹⁰¹. Хотя данный нормативный акт не распространяется на другие виды избирательных кампаний, он оказывает существенное влияние на формирование стандартов их проведения. Президентские кампании, как правило, рассматриваются в качестве «флагманских» с точки зрения внедрения новых цифровых и политических технологий (за исключением ДЭГ). Кроме того, указанный федеральный закон в значительной степени влияет на деятельность региональных политических сообществ.

Существенные элементы организации избирательных кампаний также закреплены в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20-ФЗ¹⁰². Данный федеральный закон определяет ключевые особенности развития бюрократических, политических и политтехнологических сообществ на региональном уровне. Аналогично процедуре организации выборов Президента Российской Федерации, а также соответствующему федеральному закону, порядок и нормативное регулирование выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации служат ориентиром для региональных политиков. При этом данный процесс охватывает ещё более широкий круг вовлечённых политических акторов, участников агитационной деятельности, сотрудников избирательных штабов.

Ключевое значение в регулировании избирательного процесса имеет

---

¹⁰¹ Федеральный закон "О выборах Президента Российской Федерации" от 10.01.2003 N 19-ФЗ
Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/?ysclid=m7gd363tag521985926 (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰² Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 22.02.2014 N 20-ФЗ
Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/?ysclid=m7ge1if8j568951796 (Дата обращения: 10.02.2025)

Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ¹⁰³; данный нормативно-правовой акт определяет порядок организации и функционирования политических партий на федеральном, региональном и местном уровнях. Федеральный закон устанавливает основные условия деятельности региональных политических партий, формирует правовые рамки функционирования политических партий, регулирует вопросы, связанные с проведением политической агитации и привлечением новых сторонников.

Близким к предмету исследования является Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ¹⁰⁴, который регулирует, в частности, вопросы избираемости и порядок проведения выборов региональных органов власти. В рамках системы публичной власти рассматриваются также ключевые муниципальные органы, оказывающие существенное влияние на политические процессы в субъектах Российской Федерации, особенно в контексте проведения выборов представительного органа административного центра региона.

Последней законодательной новеллой становится Федеральный закон от 23.05.2025 № 115-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"¹⁰⁵, который даёт определение электронному голосованию, понимая его как голосование на избирательном участке без бюллетеня и при помощи комплекса для голосования.

Значительный вклад в нормативное обеспечение процессов цифровизации политики в Российской Федерации вносят постановления Конституционного суда РФ, которые содержат комплексные рекомендации для деятельности

---

¹⁰³ Федеральный закон "О политических партиях" от 11.07.2001 N 95-ФЗ Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/?ysclid=m7gp61u2xb47319447 (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁴ Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 N 414-ФЗ Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/?ysclid=m7gq2279ic449034961 (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁵ Федеральный закон от 23.05.2025 № 115-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" Электронный ресурс: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202505230024> (Дата обращения: 26.05.2025)

государственных органов, политических партий (других политических акторов) в сфере цифровизации политических процессов.

В свою очередь явно формирующую роль играют постановления ЦИК РФ, которые в каждый электоральный период определяют технические условия реализации ДЭГ. К примеру, Постановления ЦИК РФ от 8 июня 2022 г.¹⁰⁶ или от 7 июня 2023 г.¹⁰⁷ определили технические условия и круг регионов реализации ДЭГ в эти годы в рамках ЕДГ. Заметим, что ДЭГ на московской платформе прошло целую эволюцию регламентирующих актов, начиная с Закона № 18 от 22.05.2019 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»¹⁰⁸, который был существенно дополнен и скорректирован Федеральным законом от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»¹⁰⁹, а детали работы ТИК ДЭГ Мосгоризбиркома были на данный момент наиболее комплексно отрегулированы как весомый набор рекомендаций) в Постановлении ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года".¹¹⁰

---

¹⁰⁶ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 7 июня 2023 г. № 117/928-8 «О внесении изменений в Порядок дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406934316/?ysclid=maqnabylr930548646> (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁷ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 8 июня 2022 г. № 86/715-8 "О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования" Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404752029/?ysclid=mapyaq8735692674174> (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁸ Закон № 18 от 22.05.2019 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» Электронный ресурс: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/41406220/> (Дата обращения: 10.02.2025)

¹⁰⁹ Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45539> (Дата обращения: 10.02.2025)

¹¹⁰ Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке

Конституция Российской Федерации формирует наиболее широкую правовую основу для применения ДЭГ. Несмотря на отсутствие в Конституции РФ прямых упоминаний о ДЭГ, в ней подчёркивается необходимость обеспечения всеобщего избирательного права для граждан Российской Федерации. На практике это означает необходимость создания условий, гарантирующих удобство голосования для всех категорий граждан, в частности в пространственном и временном отношении. Внедрение ДЭГ существенно способствует реализации данной задачи. Следует отметить, что при анализе текста Конституции РФ методом «нети-нети», предполагающим последовательное логическое исключение свойств, противоречащих природе рассматриваемого объекта, можно сделать вывод об отсутствии положений, которые бы вступали в противоречие с возможностью применения ДЭГ. Как в содержании самой Конституции РФ, так и в заложенном в ней правовом духе, отсутствуют ограничения, препятствующие использованию ДЭГ. Этот вывод является справедливым для всех уровней проведения выборов в Российской Федерации.

ДЭГ прямо закреплено в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» № 67-ФЗ. В статье 641 данного закона содержится определение ДЭГ, устанавливаются ключевые процессуальные положения, регулирующие функционирование ДЭГ, а также порядок применения данной технологии гражданами, избирательными комиссиями и государственными органами, нормативные рамки этого закона часто рассматриваются как определяющие ещё в ранний период внедрения ДЭГ¹¹¹.

Система ДЭГ предусмотрена не только для проведения выборов и

дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391585/742b07ddfb43721e5e15d0e7e18ebd6c7782647a/ (Дата обращения: 10.02.2025)

¹¹¹ Игнатов, А.В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования / А.В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 10-15.

референдумов, но и для осуществления процедур общих собраний собственников жилья в многоквартирных домах, а также в домах с несколькими собственниками. В указанных случаях голосование проводится с использованием портала «Госуслуги.ру». Ключевым процессуальным отличием применения ДЭГ в данной сфере выступает сниженный уровень защиты данных голосующих и отсутствие сопряжения базы данных собственников жилья с ГАС «Выборы», включая версию ГАС «Выборы 2.0». ДЭГ является образцовым примером цифровизации электоральных процедур, в том числе на региональных выборах в рамках действующего российского законодательства. Ни политическая агитация, ни онлайн-банкинг, ни электронная подпись не обладают такой высокой степенью нормативной детализации, как система ДЭГ. Внедрение данной технологии потребовало не только её определения, базовой регламентации в Федеральном законе № 67-ФЗ, но и внесения изменений в ряд других федеральных законов. По состоянию на 2025 год сохраняется одна существенная лакуна: отсутствие прямого упоминания ДЭГ в Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» от 28.06.2004 № 5-ФКЗ, что требует дополнительного законодательного урегулирования. Кроме того, система ДЭГ интегрирована в региональное законодательство всех субъектов Российской Федерации, где она была реализована, а также включена в нормативно-правовые акты субъектов РФ, в которых по состоянию на 2025 год внедрение ещё не осуществлено, например в Республике Татарстан и городе федерального значения Санкт-Петербурге.

Не стоит недооценивать уровень правового оформления цифровых практик в электоральном процессе. В качестве примера можно рассмотреть решения Мосгоризбиркома «О Порядке дистанционного электронного голосования и особенностях голосования в городе Москве при проведении электронного голосования на выборах в единый день голосования 8 сентября 2024 года» от 04.07.2024 № 98/3 и «Об электронном голосовании на выборах в городе Москве в

единый день голосования 8 сентября 2024 года»¹¹² от 04.07.2024 № 98/2. С одной стороны, указанные документы демонстрируют высокую степень юридической проработанности. С другой стороны, столь значимое изменение, как переход от бумажного бюллетеня к электронному голосованию в качестве основного способа волеизъявления, требует более основательного нормативного и правового закрепления. В данном случае существенная трансформация политической процедуры на региональном уровне осуществляется посредством подзаконного акта. Более рациональным представляется закрепление данного шага на уровне закона субъекта Российской Федерации, то есть посредством принятия соответствующего нормативного акта Московской городской Думой. Такой подход позволил бы повысить степень легитимности и законности нововведения в общественном восприятии. Следует отметить, что внедрение данной практики не спровоцировало значительного недовольства или массового неприятия среди избирателей Москвы. Однако это обстоятельство во многом определяется социально-политическим контекстом 2024 года. Консолидация общества вокруг государства в условиях проведения Специальной военной операции и усиления патриотических настроений способствовала высокому уровню принятия рассматриваемых изменений. В иных условиях общественная реакция могла бы существенно отличаться. Таким образом, нормативное оформление не только играет роль правового инструмента, но и становится фактором, формирующим политический контекст восприятия и отношения граждан, в том числе избирателей, к новым институтам и техническим решениям.

Отметим, что рамочные законы, чаще представляющие собой комплекс поправок в региональное законодательство, принимаются большинством субъектов Российской Федерации, где реализуется ДЭГ или предполагается его реализация. Закон Республики Татарстан от 13 октября 2022 г. N 71-ЗРТ "О внесении изменений в Избирательный кодекс Республики Татарстан и отдельные

---

¹¹² Выборы депутатов в Мосгордуму 2024. Электронный ресурс: <https://www.mosgorizbirkom.ru/vybory/vibori-v-mosgordumu/> (Дата обращения: 10.02.2025)

законодательные акты Республики Татарстан и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Республики Татарстан"¹¹³ или Закон Ульяновской области “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области и о признании утратившими силу законодательного акта и отдельных положений законодательных актов Ульяновской области” (В редакции Закона Ульяновской области от 21.04.2023 г. № 29-ЗО)¹¹⁴ ярко иллюстрирует оба случая. Где в Ульяновской области ДЭГ активно реализуется, а в Республике Татарстан закон пока является “спящим”. Оба варианта не представляют собой принципиально новый нормативной акт, а являются пакетом правок в уже имеющиеся.

По результатам анализа комплекса нормативно-правовой базы возникает необходимость в формулировании ряда рекомендаций для органов государственной власти, прежде всего в части совершенствования нормативной базы, регулирующей ДЭГ и иные цифровые электоральные процессы. Основная часть таких рекомендаций может быть адресована Федеральному Собранию Российской Федерации, в особенности Государственной Думе. Значимые предложения целесообразно направлять и в адрес региональных законодательных собраний, в частности Московской городской Думы. В городе федерального значения Москве система ДЭГ функционирует на основе отдельной платформы, не связанной с федеральной системой. Кроме того, Москва как субъект Российской Федерации отличается специфическими параметрами организации

---

¹¹³ Закон Республики Татарстан от 13 октября 2022 г. N 71-ЗРТ "О внесении изменений в Избирательный кодекс Республики Татарстан и отдельные законодательные акты Республики Татарстан и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Республики Татарстан Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/1582203/?ysclid=mapy1lxol1148576279> (Дата обращения: 10.02.2025)

¹¹⁴ Закон Ульяновской области “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области и о признании утратившими силу законодательного акта и отдельных положений законодательных актов Ульяновской области” (В редакции Закона Ульяновской области от 21.04.2023 г. № 29-ЗО) Электронный ресурс: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=158016685&backlink=1&&nd=158245175&ysclid=mapybteq9o159981346> (Дата обращения: 10.02.2025)

электоральных процессов, которые характерны только для Москвы или для других крупнейших городов страны. Следует отметить, что данные рекомендации актуальны не только для парламентов тех субъектов Российской Федерации, где ДЭГ ещё не внедрён или не применялся на практике, несмотря на наличие соответствующего законодательного регулирования на региональном уровне. Наряду с законодательными органами, рекомендации могут оказаться полезными для органов исполнительной власти, избирательных комиссий, поскольку именно данные структуры разрабатывают значительный массив подзаконных актов, формирующих правовую культуру и оказывающих влияние на правоприменительную практику в электоральной сфере как на федеральном, так и на региональном уровнях. В то же время нормативно-правовой комплекс, связанный с деятельностью муниципальных органов власти на уровне подзаконных актов, не выполняет существенных функций в сфере использования ДЭГ и иных цифровых политических технологий, даже при условии использования их в рамках электоральных кампаний муниципального уровня.

В качестве одной из ключевых рекомендаций следует выделить необходимость разработки и принятия отдельного законодательного акта, посвящённого ДЭГ, вопросам функционирования данной платформы, процессуальным аспектам её использования. В этом документе необходимо также предусмотреть специфику работы московской системы ДЭГ. Принятие подобного закона не только позволит урегулировать взаимодействие избирателей, избирательных комиссий, органов государственной власти, но и будет способствовать расширению легитимации рассматриваемого механизма. Введение специализированного законодательного акта придаст ДЭГ дополнительный вес как технологии, закреплённой в регулятивном поле актом государства, носящим безапелляционный характер. В настоящее время ДЭГ уже упоминается в ряде нормативных документов, в том числе в ключевых актах, регулирующих вопросы выборов и деятельности политических партий. Вместе с тем принятие отдельного закона обеспечит необходимую прозрачность в

вопросах организации и функционирования ДЭГ как для специалистов, так и для граждан, которые чаще всего не располагают временем, специальными знаниями и привычкой к самостоятельному поиску и анализу разрозненной информации по данному вопросу. Таким образом, необходимость существования отдельного закона обусловлена не только потребностью в формировании единого рамочного регулирования, но и важной просветительской функцией, которая в перспективе способна стать важным элементом комплекса мер по окончательной легитимации данной технологии.

Важным аспектом, который необходимо предусмотреть в проекте федерального закона, выступает регламентация принципов функционирования системы ДЭГ без избыточного включения технических деталей. Например, механизмы блокчейн-шифрования целесообразно обозначить на концептуальном уровне, без детального раскрытия их технических характеристик. В тексте закона следует закрепить только основные положения, определяющие функционирование системы ДЭГ, а также меры ответственности за недостижение установленных результатов, за активное или пассивное саботирование, а также за иные действия, препятствующие нормальной работе ДЭГ. Такой подход позволит избежать необходимости внесения частых изменений в законодательство в связи с постоянным развитием и совершенствованием технической инфраструктуры ДЭГ. В результате будет предотвращена избыточная нагрузка на законодательные органы и обеспечена стабильность нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

В новом законе либо посредством внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации или Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях необходимо установить ответственность за потенциальные нарушения и попытки искажения результатов ДЭГ. Особо строгие санкции следует предусмотреть в отношении лиц, осознанно создающих или использующих вредоносное программное обеспечение, включая компьютерные

вирусы, а также выгодоприобретателей, осуществляющих вмешательство в работу системы ДЭГ или стремящихся повлиять на ход голосования в рамках избирательных кампаний. Наличие подобных нормативных санкций имеет значение не только для профилактики соответствующих правонарушений, но и для укрепления легитимности процесса ДЭГ. Само существование таких мер ответственности может выступать значимым фактором в формировании положительного отношения к данной технологии среди подавляющего большинства социальных групп. Нарушения при использовании или обслуживании системы ДЭГ должны караться не менее строго, а в отдельных случаях и более строго, чем нарушения, связанные с традиционным голосованием на избирательных участках. Применение более суровых санкций должно зависеть от степени потенциального ущерба для итогов голосования, а также от масштаба нарушения избирательных прав граждан, которые вследствие подобных действий лишились возможности воспользоваться ДЭГ или иными формами голосования полностью либо на протяжении определённого периода. В данном контексте нарушением избирательных прав следует считать не только полное лишение возможности реализовать избирательное право, но и значительное ухудшение условий его осуществления. Например, если в результате действий злоумышленников портал ДЭГ функционировал с различными техническими ошибками, заметными для пользователей, то за такие действия должны устанавливаться наказания с учётом степени ущерба, нанесённого работе системы.

Необходимо разработать отдельный блок санкций за правонарушения, связанные с офлайн-аспектами использования ДЭГ. Потенциальные нарушения в данной сфере могут быть определены на основе таких действий, как оказание давления на избирателя при голосовании с применением ДЭГ. Подобное давление может проявляться в различных формах. Во-первых, давление может заключаться в принуждении к голосованию за определённую партию или кандидата (список кандидатов). Во-вторых, объектом воздействия становится выбор способа

голосования, когда избирателя вынуждают воспользоваться исключительно ДЭГ либо, напротив, только традиционным голосованием на избирательном участке. В-третьих, нарушение может выражаться в принуждении к голосованию с применением ДЭГ в определённое время, например когда руководство предприятия неформально требует от сотрудников проголосовать посредством ДЭГ до конкретного часа; подобные требования должны квалифицироваться как противоправные. В-четвёртых, противоправным следует считать предложение воспользоваться ДЭГ другому лицу только в присутствии третьего лица, способного наблюдать за процессом голосования на устройстве избирателя или фиксировать результат голосования. В подобных ситуациях давление может осуществляться не только через физическое присутствие, но и с использованием средств удалённой связи, скриншотов, геолокации и других технологий, позволяющих контролировать сам факт голосования или его результат. Таким образом, фактор психологического давления является одним из ключевых криминогенных элементов, что требует нормативного определения, процессуального описания, а также чёткого перечня санкций за соответствующие правонарушения. Следует отметить, что данная проблема особенно актуальна на региональном уровне, поскольку в рамках одномандатных округов значительно проще оказать давление на существенную долю избирателей, что способно привести к трудноустраняемым последствиям для политического процесса в регионе. Даже при пропорциональном распределении мандатов, с учётом применения в большинстве субъектов Российской Федерации метода Имперали при определении количества мест по итогам голосования, критическая масса избирателей остаётся относительно небольшой. Это обстоятельство обуславливает высокий риск возникновения значительных негативных последствий, предупреждение которых становится особенно важным.

Региональным парламентам следует инициировать разработку и принятие ряда значимых законопроектов, направленных на совершенствование правового регулирования ДЭГ. Несмотря на наличие существенных различий между

отдельными регионами или их группами, представляется целесообразным сформулировать универсальные рекомендации по стандартизации внедрения системы ДЭГ на федеральной платформе в каждом субъекте Российской Федерации, за исключением Москвы. В качестве приоритетной меры следует рассматривать синхронизацию регионального законодательства, регулирующего вопросы ДЭГ, с федеральными нормативными актами. В большинстве случаев на этапе внедрения ДЭГ либо при подготовке к его реализации положения регионального законодательства приводятся в соответствие с федеральными требованиями, что обеспечивается участием представителей ЦИК РФ в разработке региональных нормативных актов на начальных стадиях. Тем не менее сохраняются определённые сложности, связанные с адаптацией уже действующих региональных нормативно-правовых актов к требованиям системы ДЭГ. Значительный массив подобных актов содержит детализированное регулирование отдельных процессуальных и бюрократических особенностей проведения выборов на местах, что в ряде случаев приводит к возникновению правовых коллизий. Решение этих вопросов требует своевременного и комплексного подхода.

Важным аспектом является вопрос передачи ТИК ДЭГ функций по производству и подсчёту цифровых бюллетеней в рамках региональных избирательных кампаний. Подобная передача может стать источником не только правонарушений, но и возникновения правовых лакун или коллизий. До настоящего времени, в том числе в подзаконных актах региональных избирательных комиссий, предусматривалось, что создание и, в особенности, подсчёт бюллетеней (и голосов в них) осуществляется только в пределах субъекта Российской Федерации. Печать, то есть фактическое изготовление бюллетеней, допускалась за пределами региона (в рамках пула разрешённых типографий), однако их использование и подсчёт голосов осуществлялись исключительно в территориальных и участковых избирательных комиссиях, расположенных внутри соответствующего субъекта. Даже при наличии отдельных случаев

создания экстерриториальных участковых избирательных комиссий, их деятельность всегда оставалась под контролем исключительно региональных избирательных комиссий. Введение федеральной структуры, такой как ТИК ДЭГ, представляет собой значимую новацию в данной сфере. В связи с этим возникает необходимость проведения комплексной ревизии всех законов и подзаконных актов, регулирующих соответствующие отношения, включая нормативные акты, обладающие юридической силой, но не применяемые на практике.

Существенной рекомендацией является предложение о введении дополнительных законодательных или иных нормативных актов, регулирующих использование ДЭГ, а также в отдельных случаях электронного голосования на особых территориях. В отношении ДЭГ целесообразно предусмотреть нормы, определяющие порядок его применения как в местах массового скопления граждан, так и в условиях, отличающихся особыми географическими, ландшафтными или социальными характеристиками. Под местами массового скопления в данном случае подразумеваются не зоны досуга или улицы, а крупные предприятия, заводы, фабрики, учреждения бюджетной сферы. Вместе с тем отдельные объекты инфраструктуры массового досуга также могут нуждаться в дополнительном регулировании, поскольку массовое одновременное использование ДЭГ на мероприятиях, таких как ярмарки, лотереи и аналогичные события, способно вызывать сомнения в достоверности результатов голосования на отдельных участках. К особым географическим условиям относятся, например, территории, где проживают и работают оленеводы в тундре, лесничество в тайге или иных лесных массивах, а также сотрудники метеостанций, включая полярные и другие труднодоступные объекты. К особым ландшафтным зонам относятся горные районы, а также морские и речные острова. Такие территории, несмотря на то что не являются удалёнными географически, часто характеризуются изоляционным эффектом или нестабильностью коммуникаций, обусловленной особенностями рельефа. Особое внимание заслуживают территории, где фиксируются перебои с электроснабжением и доступом к интернету либо

полностью отсутствует один или оба из этих ресурсов. К пространствам, выделяющимся по социальному признаку, относятся такие объекты, как религиозные секты, закрытые учреждения, компактные жилые зоны сотрудников одного предприятия (включая их семьи), а также следственные изоляторы. В данном контексте понятие пространства рассматривается не только как географическая категория, связанная с территориальным планированием, но и как особая сущность, формируемая на основе политико-географических, социальных и инфраструктурных характеристик, что соответствует современным научным подходам в области политической географии. Несмотря на кажущуюся сложность применения такого понятия в повседневной законодательной практике, для специалистов, юристов, государственных служащих его использование и толкование не вызывает значительных затруднений.

Необходимо также нормативно закрепить перечень ситуаций, при которых использование ДЭГ является невозможным. Такие случаи могут возникать по двум основным причинам. Во-первых, использование ДЭГ может являться элементом совершения правонарушения, например при вовлечении граждан мошенниками, действующими в онлайн- или телефонной среде. Во-вторых, публичная демонстрация процесса голосования с применением ДЭГ и раскрытие информации о поддержке конкретного кандидата может квалифицироваться как политическая агитация или реклама, что недопустимо в период проведения единых дней голосования. Следует отметить, что подобная демонстрация волеизъявления возможна как в офлайн-, так и в онлайн-формате, может быть адресована различным аудиториям. В данном контексте представляется важным проводить различие между действиями, совершаемыми с умыслом оказать влияние на других избирателей, и случаями, не содержащими такого умысла; при наличии умысла к правонарушителю должны применяться более строгие санкции. Подобные ограничения целесообразно закрепить на федеральном уровне, поскольку соответствующие риски имеют общенациональный характер, не зависят от региональных особенностей. Особое внимание вызывает проблема

демонстрации экрана с отданным голосом (скриншот, фотография, видео, запись экрана) после завершения единого дня голосования, когда соответствующие действия уже не оказывают влияния на результат. В этом случае имеет место нарушение тайны голосования, однако ответственность за такие действия должна наступать только при условии распространения указанных материалов третьим лицам в период проведения голосования.

Большинство правонарушений, изложенных выше в рамках данной рекомендации, целесообразно относить к административным, а не к уголовным, за исключением случаев, когда причинённый ущерб от подобных действий приводит к серьёзным электоральным искажениям или носит массовый характер в отношении граждан. Критерий массовости предлагается устанавливать на основании доли населения от общего числа избирателей, принимающих участие в избирательной кампании. При этом любое преступление или административное правонарушение, в результате которого пострадало более десяти человек, должно находиться под особым контролем правоохранительных органов и подлежать рассмотрению судами Российской Федерации с повышенной тщательностью.

Московской городской Думе в качестве первоочередной задачи следует разработать и принять отдельный закон, регулирующий использование ДЭГ в Москве. Такая мера обусловлена тем, что, в отличие от других регионов Российской Федерации, в Москве ДЭГ функционирует на собственной платформе, тогда как в остальных субъектах применяется федеральная система. В результате складывается ситуация, при которой формируются две принципиально различные технические базы, что приводит к возникновению различий в политико-правовой практике на региональном уровне. Особую значимость данный вопрос приобретает после принятия Мосгоризбиркомом подзаконных актов, фактически ограничивающих использование бумажных бюллетеней и устанавливающих приоритет электронного голосования, ДЭГ. В связи с этим возрастает как актуальность, так и общественная потребность в разработке новых механизмов легитимации и легализации данной технологии.

В данном параграфе решена проблема формирования эмпирической нормативно-правовой базы, необходимой для развития избирательного процесса в современной России.

Выводы первой главы

Сформулировано авторское определение цифровой политической трансформации. Цифровая политическая трансформация — это направленная на преобразование и развитие совокупность и последовательность изменений в политической сфере, включая изменения отдельных акторов политического процесса, сопряжённые с цифровыми технологиями при их внедрении, эксплуатации или сочетании цифровых и аналоговых форм политических технологий.

Цифровая политическая трансформация в контексте регионального избирательного процесса в Российской Федерации представляет собой частный случай цифровой политической трансформации, имеющий особенности в рамках уровня своего протекания. Существенное влияние на процесс оказывают региональная политическая культура и региональные властно-политические системы.

Выделенные тренды в сфере цифровизации политического процесса заключаются в следующем:

- усиление регламентации регионального избирательного процесса посредством принимаемых нормативно-правовых актов, охватывающих практически все его аспекты и фиксирующих мельчайшие процедурные детали, что делает участие в избирательных кампаниях регионального уровня крайне затруднительным для непрофессиональных политиков, акторов, не располагающих профессиональными избирательными штабами;

- поэтапное распространение цифровых технологий на всё большее число

электоральных процессов регионального уровня при сохранении их аналоговых форм; при этом доказано, что цифровизация не приводит к ухудшению качества реализации соответствующих процессов;

- формирование устойчивой тенденции к взаимной анонимизации при реализации технологий, используемых в рамках цифровой трансформации регионального избирательного процесса: с одной стороны, избиратели и получатели политической рекламы, агитации заинтересованы в сохранении тайны голосования; с другой стороны, владельцы платформ, сервисов и порталов стремятся к анонимизации субъектов и отдельных должностных лиц, принимающих государственные решения и обеспечивающих работу в сфере ДЭГ, механизмов политической рекламы;

- рост количества угроз, связанных с внедрением цифровых технологий в региональный избирательный процесс, а также повышение степени их опасности; на региональном уровне фиксируются киберугрозы со стороны иностранных государств и международных преступных групп;

- увеличение числа технологий и мер по обеспечению безопасности избирателей; при этом единственным актором, способным реализовывать такие меры, остаётся государство; ни один иной политический актор не в состоянии предложить адекватные защитные механизмы ни для избирателей, ни для собственных структур;

- заимствование политической, прежде всего избирательной, сферой технологий из экономики как вынужденная мера, позволяющая в том числе на региональном уровне обеспечивать качество, сопоставимое с цифровыми сервисами бизнеса, что имеет принципиальное значение для избирателя как получателя соответствующих сервисов.

В качестве устойчивых, циклически воспроизводящихся трендов в политической истории выделяются следующие:

- ведущим направлением цифровизации избирательного процесса является механизация и автоматизация подсчёта голосов, подведения итогов и анализа

результатов голосования;

- часто применяемым практическим решением при цифровизации электорального процесса является автоматизация (механизация) процедуры жеребьёвки кандидатов при распределении их мест в избирательных бюллетенях, а также при определении порядка голосования для различных типов открытого или последовательного голосования.

Перечисленные тренды оказывают существенное влияние при каждой попытке внедрения цифровых технологий в электоральную сферу, в том числе на региональном уровне.

К основным рекомендациям законодательным органам федерального и регионального уровней можно отнести продолжение регламентации цифровых отношений акторов региональной избирательной кампании, политических отношений на уровне региона, в которых в качестве коммуникационных механизмов используется цифровой компонент. Важным направлением может стать расширение применения цифровой подписи различной степени защищённости как при сборе подписей граждан в поддержку конкретного кандидата, так и при прохождении «муниципального фильтра» для участия в региональных избирательных кампаниях, а также при осуществлении деятельности кандидата, особенно его финансового уполномоченного. Существенную положительную роль способно сыграть расширение процесса онлайн-банкинга на региональный избирательный сегмент не только в правовой плоскости, но и в правоприменительной практике при условии упрощения процедур его использования. Кроме того, ДЭГ и связанные с ним механизмы должны регулироваться преимущественно не подзаконными актами (в частности, актами региональных избирательных комиссий), а нормативными правовыми актами, принимаемыми как минимум законодательными органами субъектов Российской Федерации.

Глава 2. АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ)

§ 2.1 Сравнительно-политический и типологический анализ цифровых технологий в современном избирательном процессе

Сравнение различных цифровых технологий в политике представляет значительную сложность, поскольку их применение, специализация и техническая база данных влияют на сложность объективного восприятия даже в экспертной среде. Дополнительную сложность создаёт тот факт, что эти технологии могут иметь как инструментальное воплощение в объективной реальности, так и существовать исключительно в цифровом пространстве. Кроме того, для сравнительно-политического анализа сложность добавляет отсутствие абсолютного патентования большинства таких технологий, что делает их уязвимыми для недобросовестного копирования или использования, в отличие от ситуаций, наблюдаемых в механической физике.

Политико-цифровые технологии представляют собой широкий спектр технологий, основанных на использовании цифровых инструментов и влияющих на сферу политического. Изменение способов коммуникации и взаимодействия граждан и избирателей с политическим, обусловленное проникновением цифровизации в эти процессы, уже создало условия для их трансформации,

которая происходит в настоящее время. Эти технологии требуют не только технической интеграции в политическую среду, но и юридического сопровождения, а также наличия политической воли для их внедрения. После внедрения политическая система трансформирует их из технического в полноценный политический механизм, который приобретает важное значение в политическом процессе. Сферы применения политико-цифровых технологий разнообразны, особенно в контексте электоральных и избирательных процессов, где диапазон применения также является широким. Следует отметить, что такие технологии могут внедряться как снизу, например через социальные сети и мессенджеры, так и сверху, в частности через ДЭГ. Некоторые технологии могут исходить одновременно от государства и одновременно от других акторов политического процесса, например онлайн-банкинг в избирательном счёте кандидатов и функционировании пиар-кампаний политиков вне официального выборного процесса.

В 2020-х годах политико-цифровые технологии характеризуются множеством способов применения в политической практике и разнообразными технологическими решениями для их внедрения и использования. К таким технологиям относятся ДЭГ, агитация в социальных сетях, мессенджерах, а также на других интернет-платформах. Кроме того, это информирование о выборах, этапах и способах голосования на различных интернет-платформах, использование онлайн-банкинга для управления и обслуживания избирательного фонда кандидата, а также работы штаба кандидата. Также можно отнести использование электронно-цифровой подписи, криптовалют, проведение фандрайзинговых кампаний и использование электронных методов голосования, включая полностью электронные системы и системы подсчёта голосов.

С начала 1990-х годов наблюдается экспоненциальное внедрение ряда политико-цифровых технологий в избирательный процесс. Региональный уровень органически принимал все новшества в этой сфере наравне с федеральным или национальным уровнями в разных странах. Российская Федерация не является

исключением и даже находится в авангарде реализации некоторых технологий. Технологии могут вводиться «сверху», государством, что отражается в нормативной базе, или «по горизонтали», через политтехнологические решения, реализуемые различными политическими акторами в избирательных кампаниях. Список политико-цифровых технологий не статичен и продолжает расширяться. Это происходит как через формальное оформление, например внесение в реестры технологий или получение патентов, так и через неформальное внедрение, как в случае с использованием криптовалют для неформальных сборов в политической среде. Грань между технологией и технологическим продуктом часто условна. Например, базы данных, в зависимости от использования, могут быть как решением, так и объектом цифрового применения в политике. В большинстве случаев технологическое развитие в этой сфере опережает научное осмысление и профессиональную рефлексию политтехнологов и политконсультантов. Технологии иногда применяются без адекватной оценки рисков и применимости в электоральных кампаниях. Коммерческий фактор выступает одной из движущих сил создания новых технологий, как видно на примере использования таргетинга и маркетинговой рекламы в социальных сетях, которые разрабатывались под влиянием необходимости извлечения коммерческой прибыли для платформ.

Отдельный аспект здесь представляет собой использование искусственного интеллекта. Применение различных алгоритмов искусственного интеллекта и нейронных сетей не ограничивается одной конкретной технологией, а представляет собой целый комплекс или разветвлённый технологический инструментарий. Искусственный интеллект является одним из наиболее перспективных направлений в технологической сфере, потенциал которого продолжает увеличиваться. Уже появляются отдельные политологические публикации, освящающие его влияние на региональный политический процесс¹¹⁵ в Российской Федерации, вопросы же влияния искусственного интеллекта на

---

¹¹⁵ Усманова, Е.Ф. Взаимодействие регионального парламента и граждан в условиях цифровой трансформации и применения технологий искусственного интеллекта / Е. Ф. Усманова, А. А. Карпов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 155-158.

политику в целом исследуется достаточно широко¹¹⁶, однако из-за постоянно изменяющейся практики данный вопрос нуждается в постоянной доработке и совершенствовании. Выдвигаются и оригинальные теории симбиоза онлайн и офлайн политического пространств с новым пространством искусственного интеллекта¹¹⁷.

В настоящее время можно предложить классификацию использования искусственного интеллекта в электоральной сфере. Искусственный интеллект на современном этапе применяется как государственными органами, ответственными за избирательные механизмы и поддержание правопорядка, так и участниками избирательного процесса, включая кандидатов, их штабы, политических консультантов и технологов. Следующая классификация основана на направленности применения: генерация фотоматериалов и другой визуальной продукции; создание и сбор массивов данных; парсинг социальных сетей и веб-скрейпинг; генерация текстов и создание чат-ботов. Количество направлений использования искусственного интеллекта непрерывно увеличивается. Ещё одним основанием классификации может служить тип используемой системы искусственного интеллекта, включая генераторы текстов, генераторы визуального контекста, математические модели и поисковые системы.

Кандидаты и их штабы активно применяют искусственный интеллект в агитационной деятельности, особенно в управлении страницами и группами в социальных сетях и мессенджерах. Это включает создание графической и визуальной продукции, а также текстов для распространения в социальных сетях. Важным аспектом является разработка ботов, особенно в мессенджерах, для взаимодействия с избирателями, что в большинстве случаев требует использования искусственного интеллекта. Применение искусственного

---

¹¹⁶ Бродовская, Е.В. Инженерия согласия: от информационных манипуляций к алгоритмическому управлению искусственного интеллекта / Е.В. Бродовская, Р.В. Парма, В.А. Лукушин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2025. – № 4. – С. 53-70.

¹¹⁷ Артюхина, М.М. Искусственный интеллект в государственном управлении: партнерство или симбиоз? / М.М. Артюхина // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 90-97.

интеллекта может быть как осознанным, так и автоматическим. Например, стратегия в социальных сетях часто строится на основе статистики аккаунтов и групп с использованием алгоритмов, заложенных в программный код. Дополнительно может проводиться парсинг, создание и анализ массивов данных с помощью искусственного интеллекта, в некоторых случаях ведение пиара и создание каналов коммуникации¹¹⁸. Некоторые кандидаты даже пытаются использовать искусственный интеллект для разработки политических программ или заявляют, что в случае победы будут принимать решения на его основе. Последнее скорее является популистским шагом, направленным на привлечение избирателей через демонстрацию технократичности.

Избирательные комиссии также применяют искусственный интеллект, причём есть случаи, что они сами сообщают о его использовании. Чаще всего это проявляется в создании визуального контента для мероприятий по информированию о выборах, референдумах и других типах голосования. На современном этапе работа с базами данных избирательных комиссий практически невозможна без алгоритмов искусственного интеллекта¹¹⁹. Гипотетически искусственный интеллект может использоваться избирательными комиссиями для генерации текстов, предназначенных для социальных сетей. Уже выдвигаются идеи стандартизации ИИ-технологий в государственном управлении¹²⁰ и создании систем адаптации искусственного интеллекта под нужды конкретного

---

¹¹⁸ Мартынов, А.В. Актуальные вопросы использования генеративного искусственного интеллекта при взаимодействии органов публичной власти с гражданами / А.В. Мартынов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 49-59.

¹¹⁹ Хоруджая, Л.П. Оценка влияния развития цифровых сервисов на процессы реформирования государственного управления в современных условиях / Л.П. Хоруджая, А.А. Лысоченко // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2025. – № 3(75). – С. 155-167.

¹²⁰ Михуля, Д.Ю. Методические подходы к формированию отчетности об использовании систем искусственного интеллекта в публичном управлении: опыт США и Европы / Д.Ю. Михуля, Е.В. Ширинкина // Труд и социальные отношения. – 2024. – Т. 35, № 6. – С. 30-42.

регионального органа власти¹²¹, что будет безусловно полезно для избирательных комиссий с учётом разницы их масштабности и необходимости ведения единой (близкой или сходной) отчётности.

Переход к использованию социальных сетей в качестве технологии политической агитации региональными политическими акторами уже не является принципиально новым явлением. При этом следует отметить, что длительный период эксплуатации этой технологии не свидетельствует о её стагнации. Напротив, наблюдается развитие как качественных, так и количественных подходов к использованию социальных сетей. Социальные сети могут быть классифицированы на основании оценки платформ и других критериев.

При анализе будущих сценариев внедрения цифровых политических технологий можно выделить несколько перспективных сценарных планов, соотносящихся с реальностью. Сценарный метод широко применяется в политической науке, особенно в электоральных исследованиях, связанных с протеканием тех или иных избирательных кампаний. При этом следует отметить, что этот метод обычно фокусируется на конкретных и ограниченных процессах, таких как определённые избирательные кампании. Здесь данный метод будет использоваться для разработки сценариев процесса, который пока не имеет чётко определённых сроков завершения. В отличие от большинства прогностических методологических инструментов, сценарный метод позволяет решать задачи в условиях неопределённости окончания процесса. Дополнительная проблема заключается в том, что неизвестны не только сроки окончания процесса цифровой политической трансформации на региональном уровне в Российской Федерации, но и качественных характеристик его окончания. Тем не менее сценарный метод позволяет создать несколько вариантов качественных характеристик процесса на момент его окончания и выбрать среди них лучшие. Кроме условно позитивных сценариев, могут быть разработаны условно негативные сценарии, подробно

---

¹²¹ Новиков, В.С. Особенности применения технологий искусственного интеллекта в государственном и муниципальном управлении / В.С. Новиков // Вестник Академии знаний. – 2026. – № 1(72). – С. 844-847.

рассматривающие потенциальные кризисы. Создание негативных сценариев полезно для противостояния проблемам, вызовам, рискам и кризисам, что также является важным преимуществом сценарного метода. В рамках данного исследования будут представлены и проанализированы несколько основных потенциальных сценариев.

Первый сценарий можно назвать условно «нейтральным», поскольку он основывается как на рисках цифровизации, так и на сильных сторонах развития общества. Сценарий имеет среднесрочную перспективу и рассчитан на реализацию в течение пяти, максимум десяти лет. Это оптимальный временной отрезок, позволяющий сохранить реалистичность сценариев и привнести в них новизну и элементы анализа. В этом сценарии выделены следующие основополагающие принципы. Предполагается, что цифровизация политических процессов на региональных выборах будет сохраняться и умеренно ускоряться. Это проявится в большем проникновении социальных сетей и мессенджеров в избирательный процесс, улучшении качества контента, включая элементы интерактивности. Как и сейчас, процесс будет затрагивать политическую агитацию и информирование о выборах. Вероятно продолжение внедрения алгоритмических методов распространения информации в обеих сферах. Потенциальной проблемой может стать погружение пользователей социальных сетей и мессенджеров в «цифровые пузыри» и «цифровые капсулы». Единственной силой, способной противостоять такой тенденции, является государство, обладающее мотивацией для реализации мер по её ограничению. Государство заинтересовано в объективном информировании электората, чтобы граждане принимали взвешенные решения, влияющие на государство в целом. Это справедливо не только для общенационального, в российском контексте федерального уровня, но и для регионального, поскольку значимость региональных выборов велика и способна существенно влиять на все уровни власти.

Государство может достичь своих целей через методы нормативного

давления, санкций и ограничения, включая курс на суверенизацию рунета, который уже довольно чётко прослеживается к 2025 году. Это включает не только модель китайского цифрового «брендмауэра», но и физическое наличие оборудования для ограничения и фильтрации доступа в глобальную сеть. Это позволяет контролировать распространение материала из третьих стран и при необходимости ограничивать доступ к иностранным социальным сетям или их контенту. Модель «интранета», реализуемая в КНДР, считается неподходящей, поскольку оптимальная модель цифрового суверенитета направлена не только на пассивную защиту, но и на активное воздействие при необходимости. Государственные структуры, а также цифровые команды негосударственных акторов, разделяющие традиционные ценности, должны участвовать в этом процессе. В США, кроме переноса дата-центров, важным фактором является юридическое и психологическое давление на руководителей крупнейших цифровых корпораций, вызов их для дачи показаний в конгрессе и вмешательство в политические конфликты через ограничение контента. Такой подход недопустим в политике, если его источник находится внутри страны и направлен на укрепление государства. Однако ограничение экстремистского и деструктивного контента являются обязанностью государства. В Российской Федерации, где на региональном уровне могут возникать негативные этнические и националистические движения, информационная профилактика на региональных выборах приобретает особую значимость. Это предположение основано на том, что развитие алгоритмических методов подачи информации в политической агитации будет сопровождаться усовершенствованием методов контроля.

Другим трендом в рамках данного сценария является дальнейшее развитие систем дистанционного электронного голосования (ДЭГ), которое, вероятно, будет расширено на все 89 регионов Российской Федерации при условии стабилизации вопросов безопасности. Вероятно, система дистанционного электронного голосования (ДЭГ) останется на отдельной платформе в Москве, в

то время как в других регионах, включая крупнейшие, она будет реализована на федеральной платформе. Возможно, практика проведения цифровых праймериз, включая использование полноценного дистанционного голосования, станет более распространенной. Реализация таких масштабных внедрений невозможна без участия государства, в том числе на региональном уровне. Это может быть достигнуто как за счёт привлечения новых специалистов в ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, так и за счёт усиления взаимодействия с РИКами. Параллельно с этим будет продолжаться деятельность ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме с возможной синхронизацией стандартов с федеральным уровнем, что положительно скажется на работе комиссии. Создание аналогичных комиссий на уровне субъектов маловероятно. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) продолжит развивать и усиливать своё влияние, особенно заметное на региональном уровне. Это воздействие скажется не только на совокупность регионального электората, но и на ключевых региональных политических акторов. Первыми это влияние почувствуют региональные отделения политических партий, их координаторы, региональные президиумы, сотрудники избирательных штабов и политический актив.

Онлайн-банкинг постепенно станет доминирующим в избирательных кампаниях, причём объём банковских услуг для обслуживания и регистрации избирательного счёта через онлайн-банкинг значительно возрастет. Объём документооборота в банковско-финансовой сфере не уменьшится, но станет цифровым и электронным. Положительные изменения включают потенциальное облегчение заполнения документов благодаря внедрению алгоритмически автоматизированных систем.

В ближайшие пять лет можно прогнозировать активное внедрение рекламы, агитации и средств информирования, направленных на привлечение избирателей и граждан к использованию различных цифровых и онлайн-сервисов. Во втором пятилетии следующего десятилетия вероятно постепенное сокращение таких информационных кампаний. Это будет связано с насыщенностью

информационного пространства и соответствовать вовлечению граждан, особенно избирателей, в онлайн- и цифровые сервисы. В первом пятилетии информационное воздействие будет организовано как государством, так и другими политическими акторами, включая региональный уровень. В центре внимания будут политические партии и штабы влиятельных кандидатов-самовыдвиженцев, так как им выгодно иметь большое количество онлайн-активных сторонников, которые могут поддерживать их и голосовать через ДЭГ или другие актуальные сервисы.

Второй сценарий характеризуется несколькими ключевыми характеристиками, определяющими развитие регионального сегмента выборов в Российской Федерации. Во-первых, предполагается стремительный рост охвата и развитие цифровых технологий, как и в предыдущем случае. Во-вторых, выделяется низкий уровень контроля со стороны государства. Сочетание этих условий приводит к множеству последствий технологического и политологического характера. Этот сценарий будет иметь более сложные внутренние механизмы, однако часть из них можно описать объективно. Допускаемая отстранённость государства приводит к высокой конкуренции за влияние на процессы со стороны различных политических акторов. В рамках сценарного плана можно выделить наиболее влиятельные из них, что помогает обеспечить объективность и реалистичность, соответствующие критериям научности.

В рамках второго сценария предполагается появление значительного числа новых технологий онлайн и цифровой рекламы и агитации. Эти технологии будут развиваться не только в легальном и положительном направлении, но и в рамках «серых» пиар-технологий, которые могут принять новую цифровую форму и получить существенный стимул. Уже сформирован комплекс таких технологий, включающий фишинговые письма и вирусы «почтовые черви», а также уникальные технологии, подобные «Кембридж.Аналитике», основанные на сборе данных пользователей, создании их уникальных и групповых профилей и

последующих адресных рассылках. Блок социальных сетей и медиасегмент мессенджеров будет развиваться чрезвычайно активно, с неуклонным ростом объема циркулирующей информации. Возможно увеличение проникновения контента, связанного с этническим сепаратизмом, национализмом, паннациональными идеями и другими деструктивными идеологиями, особенно религиозным экстремизмом, представляющими потенциальную или реальную угрозу российской государственности.

В данном сценарии, несмотря на уменьшенное участие государства, ряд цифровых технологий, вероятно, будет поддержан и интегрирован в государственную систему эксплуатации в сфере электоральных практик. В первую очередь это касается использования цифровой подписи в электоральных процессах, как при ведении документации и отчётности кандидатами и их штабами, так и при сборе подписей для выдвижения, а также в процессе преодоления муниципального фильтра кандидатами на должность главы субъекта Российской Федерации. Во-вторых, государство может эффективно использовать банковские онлайн-технологии, как это отмечалось в первом сценарии. Отличительной чертой второго сценария является более широкое проникновение криптоактивов и криптовалют в электоральную сферу. Возможно установление либеральной политики, при которой криптовалюты могут стать частью избирательного фонда кандидатов. Вероятно, что избирательные комиссии и судебные инстанции разрешат обладание криптовалютами кандидатам на момент регистрации и прохождения избирательной кампании. Возможна отмена классификации цифровых криптовалют как иностранных активов, особенно если сервера генерации и раздачи криптокода расположены на территории Российской Федерации. В-третьих, государство может стимулировать введение собственной криптовалюты, приравненной к национальной валюте. После создания и распространения крипторубля Центробанком Российской Федерации возможно стимулирование его использования для пополнения и расходования избирательных фондов, включая региональный уровень.

Анализ данного сценария показывает, что слабый государственный контроль в стремительно развивающейся сфере цифровых технологий может привести к сложным общественно-политическим ситуациям, включая кризисы, как на региональном, так и на федеральном уровне. Из всего спектра цифровых и онлайн-технологий наибольшую опасность представляют не только киберугрозы, такие как хакерские атаки и вредоносное ПО, но и технологии, влияющие на средства массовой информации и коммуникации. Интернет-медиа, алгоритмы социальных сетей и информационные каналы мессенджеров, а также другие технологии, формирующие политическую и социальную картину мира избирателей и граждан, при неконтролируемом использовании могут вызывать «цифровые пузыри» и «цифровые капсулы», а также искажения политической действительности и неспособность распознать политические интересы. Особую опасность в передаче информации без государственного контроля представляют механизмы работы нейросетей, особенно при внедрении технологий Chat-GPT в поисковых системах. Например, запросы политического характера могут подвергаться направленному искажению информации нейросетями, особенно в поисковиках, принадлежащих иностранным компаниям.

Третий сценарий основан на принципе слабого проникновения цифровых и алгоритмических технологий в сегмент региональных избирательных кампаний и электоральных практик. Объективно невозможно утверждать, что проникновение новых технологий полностью остановится, поэтому вероятным следует считать ограниченное развитие и сдержанное проникновение с федерального уровня на региональный. В рамках этого сценария можно выделить следующие черты. Во-первых, это не предотвратит усиление контроля со стороны государства, особенно в сфере онлайн-медиа. Во-вторых, большинство цифровых технологий могут оставаться дорогостоящими для акторов регионального политического процесса. Несмотря на лидирующую роль цифрового сегмента, высококачественные и продвинутые технологии будут недоступны по цене для многих региональных отделений партий и независимых кандидатов. В-третьих,

государство продолжит внедрение комплекса технологий, в частности ДЭГ, который может быть расширен на все субъекты Российской Федерации. Государство не будет снижать качество онлайн-технологий и цифровых продуктов для региональной электоральной сферы. Таким образом, даже при затруднениях в распространении новых технологий в регионах замедление не будет катастрофичным, если основываться на принципе реалистичности.

Среди факторов, ослабляющих внедрение новых цифровых технологий, можно выделить разноскоростность процессов цифровой трансформации в различных регионах и наличие региональной специфики в использовании существующих технологий, что требует адресного подхода. Политические партии, как одни из ведущих региональных акторов, могут иметь разные сценарии эксплуатации цифровых технологий. Например, явные антипатии у руководства партий к определённым технологиям могут привести к их неиспользованию, стагнации или отсутствию финансирования для дальнейшего развития. Кроме того, некоторые технологии могут быть запрещены по политическим мотивам. Например, ряд политических деятелей строят свои пиар-кампании на основе критики ДЭГ. Эти факторы в рамках третьего сценария могут выступать движущими силами политико-цифрового процесса.

Анализ и сравнение всех трёх сценариев выявляет ряд общих факторов. Один из них — дальнейший технологический прогресс, который присутствует во всех сценариях и не может быть исключён в среднесрочной перспективе. Цифровые технологии в электоральной сфере не завершили фазу экспоненциального совершенствования. Общим фактором является развитие механизмов государственного контроля за интернет-СМИ и другими средствами передачи информации. Даже во втором сценарии, предполагающем снижение государственного контроля, полное его отсутствие невозможно даже на региональном уровне. Существенными факторами являются также общие опасности для всех сценариев. Наибольшую опасность представляет алгоритмизация подачи контента в социальных сетях и мессенджерах,

изолирующая избирателей от общих потоков информации и лишаящая их объективного представления о кандидатах и политической обстановке. Проблема «цифровых капсул» и «цифровых пузырей» остаётся актуальной в среднесрочной перспективе. Общим фактором является развитие дистанционного электронного голосования (ДЭГ), особенно на уровне субъектов Российской Федерации, где ожидается значительный рост. ДЭГ может получить развитие и на федеральных выборах. Вероятно, ДЭГ будет развиваться на основе платформы ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, без создания новых платформ. ДЭГ станет рутинной практикой на бытовом и на политическом уровнях. Он продолжит оказывать влияние на региональных политических акторов и процессы. Параллельно ожидается развитие систем простого электронного голосования, включая модернизацию КОИБов и стационарных комплексов ДЭГ на УИКах, выступающих как аналоги электронного голосования.

Хотя сценарный метод является вспомогательным к основной методологии политологии, он предоставляет ценную и актуальную аналитическую информацию. Эта информация существенно влияет на формирование общих выводов и создание полной картины внедрения цифровых технологий в российский региональный электоральный процесс. Анализ трёх сценариев позволяет прийти к ряду важных выводов. Во-первых, дальнейшая цифровизация и увеличение её темпов представляются почти неизбежными в среднесрочной перспективе. Даже технологии с низкой степенью общественной поддержки, вероятно, останутся в использовании, так как решающим фактором становится удобство и цифровая мобильность для избирателя. Отказ от «удобства» становится проблемой не только для избирателя, но и для его активности в политической сфере. Во-вторых, внедрение цифровых технологий носит специализированный характер и происходит как на первичном уровне, когда цифровые технологии интегрируются в аналоговые процессы, так и на вторичном уровне, где дополнительные цифровые технологии внедряются в уже существующие процессы, включая алгоритмизацию, оптимизацию и редизайн.

Необходимым элементом исследования цифровых технологий в политике, применяемых в электоральном процессе, является типологизация, которая может быть осуществлена на различных основаниях.

Первая типологизация может основываться на источнике внедрения технологий. Технологии могут внедряться государством, политтехнологическим сообществом и пользователями. Государственное внедрение может происходить с жёстким законодательным регулированием или на основе подзаконных актов и внутренних инструкций. Политтехнологическое сообщество, как группа специалистов, определяющих методы и инструменты для большинства кандидатов и партий, становится значимой средой для апробации и создания моды на такие технологии. В определённых случаях избиратели, организующиеся в общественные движения, особенно в контексте протестного голосования, используют нестандартные технологические решения, преимущественно для внутренней коммуникации и передачи информации. Также бывают случаи продвижения информации в социальных сетях и мессенджерах онлайн-сторонниками кандидатов или партий.

Вторым основанием для типологизации могут служить технические особенности внедрения технологий. Здесь можно выделить типологизацию на основе наличия или отсутствия дополнительных технических инструментов. К технологиям, требующим дополнительных инструментов, относятся голосование с использованием КОИБов и электронное голосование на стационарных пунктах через систему ДЭГ. В то же время технологии, не требующие дополнительного оборудования, включают те, которые доступны через смартфоны, гаджеты и компьютеры, а также требуют подключения к интернету. На данном этапе все эти средства доступа не считаются специфическим оборудованием, недоступным для среднестатистического гражданина Российской Федерации или жителей развитых стран и мирового большинства.

Третьим основанием для типологизации является использование или неиспользование сети интернет. Продукты и инструменты, использующие

локальные и замкнутые компьютерные сети, нельзя считать не использующими сеть интернет. Там, где используются сайты, социальные сети и мессенджеры с локализованным доступом, они относятся к использующим интернет, так как географическая локализация по IP-адресу чаще всего может быть преодолена. Хотя в Российской Федерации такие случаи не зафиксированы, в Китае, обладающем развитыми технологиями файервола, всё же происходят проникновения во внутренние социальные сети. Однако это не оказывает значительного влияния на информационное пространство основной территории Китая.

Четвёртым основанием для типологизации является степень анонимности использования цифровых технологий в электоральном пространстве. Это использование может быть полностью анонимным, зашифрованным (скрытым), частично анонимным и полностью открытым. Полностью анонимное использование технологий в цифровом пространстве встречается редко, примером может служить голосование с использованием КОИБ. Зашифрованное или скрытое использование технологий встречается чаще, примером является ДЭГ, которое сохраняет данные о факте использования, но обеспечивает тайну результата волеизъявления. В Российской Федерации это достигается с помощью технологии распределённых реестров в блокчейн-шифровании. Частично анонимное использование технологий, характерное для социальных сетей и мессенджеров, предполагает анонимность для широкой аудитории, но доступность информации для администраторов, модераторов, государственных органов и разработчиков. Риски включают утечки информации и возможный шпионаж. Полностью открытое использование цифровых СМИ предполагает доступность текстов и визуальных продуктов для неограниченной аудитории с указанием авторства. Первый и второй случаи в этой типологии не подлежат судебной верификации.

Пятым основанием для типологизации является наличие или отсутствие её применения в процессе голосования. На этой основе выделяются технологии,

непосредственно используемые для голосования, технологии, применяемые в день голосования, но не в процессе голосования, а также технологии, не связанные с голосованием. Технологии для голосования представлены в широком диапазоне: электронное голосование, ДЭГ, стационарные пункты для голосования с использованием ДЭГ, комплексы обработки избирательных бюллетеней (), машины для голосования, как, например, в США, сайты для простого голосования, голосование через СМС и др. Технологии, применяемые в день голосования, но не используемые в самом процессе, включают информационно-коммуникационное сопровождение, направленное на стимулирование избирателей к участию. Примеры таких технологий включают напоминания от кандидатов и их штабов через мессенджеры и социальные сети, а также сложные технологические системы, как в случае кампании «Кембридж-аналитика» на президентских выборах в США в 2016 году. За пределами дней голосования используются рекламные и агитационные мероприятия, регулируемые законом. В некоторых странах эти мероприятия ограничены в «день тишины». Примерами таких технологий являются публикации в социальных сетях и мессенджерах, цифровая реклама различных видов. В условиях российского законодательства, при запрете на политически-агитационный контент, допускаются общие информационные сообщения, не касающиеся выборов и конкурентной борьбы кандидатов. Технологии, не связанные с голосованием, включают все прочие, такие как онлайн-банкинг и цифровые подписи, и не имеют ограничений по времени использования в контексте проведения голосования и оглашения его результатов.

Шестым основанием для типологизации следует считать использование цифровых технологий в зависимости от их прямого или опосредованного контакта с избирателем или получателем политической рекламы и агитации. С одной стороны, существуют цифровые технологии в политике, оказывающие опосредованное влияние на избирателя. Например, рядовой гражданин, как правило, не взаимодействует с реестром «ГАС Выборы», однако этот инструмент

играет значительную роль, а его применение государством, кандидатами, их штабами и политтехнологами является значимым. С другой стороны, большинство технологий предназначены для прямого контакта с избирателем, так как предполагают непосредственное влияние на него. Существуют также скрытые цифровые технологии, которые не осознаются избирателем, но обеспечивают эффективное функционирование других технологий и инструментов. Примерами таких технологий являются встроенные алгоритмы сайтов и рекомендательные алгоритмы социальных сетей. Таким образом, можно выделить три типа технологий: оказывающие прямое воздействие, оказывающие опосредованное воздействие и оказывающие прямое воздействие, но скрытые от избирателя или пользователя.

Седьмым основанием для типологизации является вопрос легальности цифровых технологий в контексте выборов и избирательного процесса. Легальные технологии представляют собой технологии, которые полностью соответствуют правовой системе страны их применения. Здесь возможна дополнительная классификация: технологии, предписанные для использования в избирательном процессе, и технологии, упомянутые в законодательстве как допустимые. Незапрещаемые технологии не предусмотрены законодательством, но их применение не влечёт за собой санкций со стороны государства. Серые технологии, хотя и не запрещены напрямую, могут нести риск потенциального нарушения законодательства, их использование может привести к противоправным последствиям при определённых условиях. Наконец, нелегальные технологии нарушают законы страны их применения, а попытки их использования также противоречат законодательству.

Восьмым основанием для типологизации может служить уровень применения электронных цифровых технологий в электоральном процессе. Простая и объективная классификация в этом контексте предполагает их деление на федеральные, региональные и локальные (местные) технологии. Следует отметить, что цифровые технологии в политике часто имеют универсальное

применение, охватывающее все уровни одновременно, и такая универсальная типология является наиболее распространенной. Второе место по популярности занимают федеральные (общенациональные) технологии, которые могут использоваться, исключительно в рамках кампаний, например, по выборам Президента Российской Федерации или Президента США. Региональные технологии применяются в рамках экспериментов избирательных комиссий, политических партий или иных политических сил, участвующих в выборах. В редких случаях возможно использование исключительных цифровых технологий на местном уровне (в пределах одного города или муниципалитета). Например, применение мессенджеров и специальных приложений для коммуникации среди сторонников. Часто это вынужденная мера для обеспечения сокрытия коммуникации и информации или для реализации специфического метода мобилизации группы поддержки, где особый тип коммуникации служит знаком принадлежности, объединяющим сообщество.

Эта типология направлена не только на систематизацию множества политических технологий в цифровом пространстве, применяемых в выборах, но и на создание инструментария для анализа конкретных технологий такого типа. Одной из задач является разработка рабочей классификации для последующей типологизации, каталогизации и научного анализа данного набора технологий. Типология может быть полезна политологам, политтехнологам, политконсультантам и другим специалистам, как из академической среды, так и среди практиков в политике.

Внедрение новых цифровых технологий осуществляется по нескольким сценариям и обладает рядом характерных особенностей. Первый сценарий основывается на управленческом подходе, когда посредством строгого контроля или политического регулирования с использованием законодательства и иных нормативных актов технология внедряется «сверху». Этот сценарий может реализовываться как в жёсткой, так и в мягкой форме. Жёсткая форма предполагает ускоренные темпы внедрения, интенсивное переобучение

значительного числа специалистов и быстрое вытеснение устаревших технологий. Второй сценарий характеризуется тем, что при наличии аналогичного управленческого решения технология, благодаря своей удобности и доступности, проникает в целевые ниши и привлекает всё больше пользователей. В этом случае информация о технологии распространяется не только через управляющие структуры, но и посредством горизонтальных связей. Второй сценарий оказывается наиболее продуктивным и выгодным как для государства, так и для всех участников политического процесса. Тем не менее его реализация обеспечивается не только высоким уровнем управления, но и удобством и широтой применения технологии. Следует отметить, что не все технологии после их представления сразу становятся частью политической практики; иногда они остаются малоиспользуемыми годами, хотя и зафиксированы в рамках государственного патента, и обладают потенциальным воздействием как на онлайн, так и на офлайн политические процессы¹²². Существуют примеры, когда технология ожидала признания в течение длительного времени, как это произошло с программами для видеоконференций, которые до 2020 года использовались ограниченно в политической сфере, но после эпидемии COVID-19 стали широко применяться, включая специфические мероприятия, такие как онлайн-митинги и собрания.

Внедрение цифровых технологий в электоральной сфере политики сопровождается рядом особенностей. Первая из них заключается в том, что технические аспекты технологий или их базовые элементы чаще всего формируются за пределами политической сферы и механизмов государственного управления. Обычно такие технические решения возникают в цифровой экономике. Примерами могут служить блокчейн-шифрование, механизмы

---

¹²² Патент на промышленный образец № 141149 Российская Федерация. Схема "модель цифровой социально-политической повестки дня в процессе дискурсивного взаимодействия пользователей в онлайн- и офлайн-пространстве": № 2023506560: заявл. 25.12.2023: опубл. 22.03.2024 / Н.А. Рябченко; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет». (а также другие патенты и свидетельства, обозначенные на с. 205-206)

отслеживания транзакций, распределённые реестры, а также весь комплекс технологий, используемых в мессенджерах и социальных сетях. Однако это наблюдается не всегда. Существуют специфические области деятельности государственно-политической системы, которые не имеют аналогов в экономических процессах, что придаёт их внедрению уникальный характер.

Второй особенностью является то, что внедрение подобных технологий всегда сопряжено с риском проведения оппозиционных информационных кампаний, направленных против этих новшеств. Это происходит не только из-за того, что сами технологии могут вызывать психологический дискомфорт, связанный с механизмами привыкания и адаптации, такими как обучение или самообучение работе с новым интерфейсом сайтов, порталов, мессенджеров, программ, социальных сетей и других ресурсов. Оппозиционные информационные кампании, независимо от их идеологической направленности, эксплуатируют этот психологический эффект. Кроме того, на этапе внедрения неизбежно возникают сбои и проблемы с первичными запусками любой технологии. Даже при проведении предварительных тестовых и экспериментальных запусков существует значительный риск несовершенной работы технологий в первые месяцы или в течение первого электорального цикла.

Третья особенность заключается в том, что цифровые технологии оказывают прямое воздействие на политические институты. Даже без учёта появления новых институтов, таких как дистанционное электронное голосование, цифровые технологии существенно трансформируют существующие политические институты. Эти изменения могут быть не только положительными, но и нейтральными (качественными сдвигами) или даже негативными, хотя последнее случается реже. Яркими примерами являются институты голосования, выборов и избирательных кампаний различных типов, которые претерпели значительные внешние и содержательные изменения в конце XX и начале XXI

века. На примере Российской Федерации¹²³ видно, что, кроме отхода от советских моделей, наблюдается быстрое формирование принципиально новых политических институтов. Если не учитывать институты, где главным субъектом является государство, на первое место выходят институты политической коммуникации. Революция социальных сетей и мессенджеров породила множество политических институтов, инструментов, практик и механизмов взаимодействия. Отдельной проблемой становится появление новых цифровых профессий в политической сфере. Профессии, такие как политический SMM, цифровой дизайн АПМ, разработка политических сайтов и порталов, а также создание каналов политической коммуникации (боты, чаты с онлайн и ИИ ассистентами), возникли менее чем за десять лет (в 2010-е годы) и продолжают стремительно расти в третьем десятилетии XXI века. Политические журналисты в новых медиа и политические блогеры на различных платформах также формируются как новый институт в политической среде. Они начинают оказывать значительное, а в некоторых случаях и решающее, влияние на выборы и их результаты, а также на техническую перестройку избирательных кампаний.

В качестве четвёртой особенности следует отметить расширение цифрового политического пространства и снижение доли реального политического пространства как в политической сфере в целом, так и в электоральной области в частности. Процессы агитации, проведение политических акций, распространение информации, оказывающей политическое влияние, а также сферы взаимодействия государства с гражданами и документооборот переходят в цифровую и онлайн-среду. При этом цифровое пространство не уничтожает и не нивелирует полностью реальное и офлайн-пространство¹²⁴, а скорее занимает значительную нишу внутри них. Однако уже

---

¹²³ Степанян, С.А. Совершенствование мер обеспечения прозрачности и открытости избирательного процесса в Российской Федерации в условиях цифровизации выборов / С.А. Степанян // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4(191). — С. 150–151.

¹²⁴ Будко, Д.А. Будущее взаимоотношений государства и гражданина в цифровом пространстве: миф, неизменность или опасность (по материалам экспертного опроса) / Д.А. Будко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 3(80). – С. 84-90.

сейчас можно наблюдать определённые пределы роста и объёма цифрового проникновения. Тем не менее точное определение жёстких границ в настоящее время невозможно, поскольку экспертное сообщество пока не в состоянии чётко оценить дальнейшее развитие количества и качества технологий.

Пятой особенностью является парадокс сочетания высокой степени прогнозируемости и неопределённости, связанных с появлением, внедрением и эксплуатацией цифровых технологий в политическом пространстве, особенно в электоральной среде. С одной стороны, благодаря высокой алгоритмизации процессов, применению математических методов и систем искусственного интеллекта политический процесс становится менее непредсказуемым и более предсказуемым. С другой стороны, кроме феномена «чёрных лебедей»¹²⁵ и случайностей, избирательный процесс в условиях цифровизации становится уязвимым для внешнего цифрового влияния, спонтанных онлайн-всплесков протестной активности и других форм гражданского активизма, способных частично непредсказуемо изменять электоральные итоги. Эта дихотомия обусловлена тем, что цифровые технологии действуют как обоюдоострое оружие, способное как упорядочивать систему выборов и другие электоральные механизмы, так и вносить хаос в процесс в зависимости от интересов политических акторов, которые внедряют технологии и обеспечивают их функционирование, а также их возможное удаление из использования. Эти интересы не всегда находятся в легальном поле и не всегда соответствуют актуальной политической практике.

Шестой особенностью можно назвать то, что цифровые технологии в политике на этапе внедрения способны становиться фактором удобства для граждан, избирателей и потребителей политической рекламы и информации. Удобство может быть сознательно отмечено человеком и вызывать положительные эмоции, а может быть неосознанным. Существенной чертой

---

¹²⁵ Мастепанов, А.М. Большие циклы и "чёрные лебеди" / А.М. Мастепанов // Энергетическая политика. – 2020. – № 6(148). – С. 4-19.

является то, что оба механизма восприятия удобства способны вызывать привыкание и формировать устойчивые поведенческие паттерны. Важным выводом является то, что даже при краткосрочном внедрении технологии, последующий отказ от неё может вызвать недовольство или фрустрацию из-за снижения уровня привычного комфорта. Поэтому отказ от многих, даже вызывающих общественные дискуссии, цифровых технологий (например, дистанционного электронного голосования) затруднён и часто невозможен. Реализация отказа от таких технологий может предполагать серьёзные социальные или политические трудности, что может вызывать широкое общественное недовольство. Удобство в данном контексте не становится частью идеологии конформизма, эпикуреизма или гедонизма, как может показаться на первый взгляд, а превращается в один из значимых факторов системы политических взаимоотношений.

Седьмой особенностью является то, что при введении новых цифровых технологий в политике, особенно в сегменте электоральных процессов, не всегда возможно гарантировать результат, соответствующий интересам заказчика или потенциального благополучателя технологии. Например, нельзя гарантировать, что избиратели будут активно скачивать, устанавливать и использовать приложения с политическим содержанием. Даже при выполнении этих условий сложно предсказать точное восприятие информационного посыла и изменение предпочтений избирателей. Кроме того, необходимо учитывать своеобразную «гонку вооружений» в рамках конкуренции во время избирательной кампании. Если один кандидат систематически использует социальные сети для мобилизации своей аудитории, другой может использовать ботов, информационные технологии и PR для нивелирования этих усилий. Хотя ранее боты были легко узнаваемы, теперь они сложнее для идентификации. Дополнительной сложностью является наличие технологий, унаследованных из индустриальных СМИ, таких как «серый» пиар, которые остаются актуальными на цифровых платформах. Старые технологии «чёрного» и «серого» пиара

хорошо адаптируются к цифровым реалиям. В условиях такой системы и жёсткой конкуренции технологий, балансирующих на грани законодательства, возникает спектр сложных опасностей и вызовов.

Восьмой особенностью является условная сегментация общества в процессе внедрения цифровых технологий в политике, особенно в электоральном процессе. Эта сегментация может быть первичной, когда граждане или электорат делятся на основе использования или неиспользования новой технологии, либо участия в механизмах этой технологии, особенно если она внедряется административными методами. Дальнейшая сегментация может быть разноплановой и дифференцирующей. Простым примером является распределение на группы администраторов, создателей контента и потребителей в сфере политической коммуникации, особенно в новых медиа, таких как социальные сети и мессенджеры. Сложность заключается в том, что один и тот же человек может принадлежать к нескольким группам одновременно в рамках одной или нескольких технологий. Другие системы сегментации могут учитывать разделение избирателей по способу использования цифровых технологий. Например, в случае дистанционного электронного голосования (ДЭГ) его можно использовать как через гаджеты вне избирательного участка, так и с помощью стационарных пунктов на избирательном участке, предлагаемых в новой системе как «электронное голосование». Использование таких технологий также может разделять общество по уровню доступности. Например, граждане, желающие воспользоваться пассивным избирательным правом, могут быть ограничены бюджетированием избирательной кампании, что создаёт финансовую границу между теми, кто может позволить себе использование технологий, и теми, кто не может. Сегментация может основываться и на более простых критериях, например различие в доступе к цифровым технологиям в рамках одного государства. Примером может служить доступ к интернету, который, по состоянию на 2025 год, остаётся актуальной проблемой. Следует углубить сегментацию не только по критерию наличия или отсутствия подключения к

интернету, но и по критерию доступа или отсутствия доступа к высокоскоростному интернету.

Девятой особенностью внедрения цифровых технологий в электорально-политическую сферу является наличие политических акторов, стремящихся контролировать как использование новой технологии, так и возможности влияния на политическую сферу, которые она предоставляет. Наиболее могущественным политическим актором, по крайней мере в восприятии обывателя, является государство, которое стремится контролировать весь спектр цифровых технологий в политическом пространстве. В случаях, когда контроль невозможен по объективным причинам, государство реализует стратегию распределённого контроля, включая давление, договорённости и поиск компромиссов с информационными компаниями, в отношении технологий, проникших в политическую систему без его непосредственного участия. Важными акторами также выступают государственные органы и компании, которые иницируют и создают цифровые структуры для нужд политической сферы. В Российской Федерации примером является работа Ростелекома над платформой дистанционного электронного голосования и синергия органов власти в создании платформы «Госуслуги» (ЕПГУ), основным создателем которой на начальном этапе было Министерство связи, ныне Минцифры России. Существуют государственные органы, условно называемые «монополистами», такие как Федеральная налоговая служба, обладающая уникальными данными и правом принятия решений, отображаемых на её портале и сайте «Госуслуг». В политической сфере аналогичным «монополистом» является ЦИК РФ и Минюст РФ, создающие уникальные данные по вопросам выборов и статуса политических партий. Одновременно существуют сферы конкуренции, чаще всего на информационном рынке, где, кроме государственных систем, существуют альтернативные коммерческие проекты.

В цифровом политическом пространстве существуют сферы, которые на начальных этапах контролируются не государственными акторами, а частными

компаниями. Государства вынуждены применять санкции на эти компании или влиять на третьих лиц, способных оказать полезное воздействие. Примером являются социальные сети и мессенджеры, в большинстве случаев находящиеся в руках частных компаний. Иллюстрацией этого служит случай с видеохостингом и социальной сетью TikTok, которая была запрещена или ограничена более чем в 12 странах, включая США, Россию и Китай. Аналогично Франция предъявила политические претензии к мессенджеру Telegram, что привело к уголовному преследованию компании и её владельцев. Несмотря на отсутствие постоянного контроля, государствам чаще всего удаётся добиться политического превосходства над цифровыми платформами, снизить их значимость или сделать их нейтральными или лояльными по отношению к себе. Вопрос функционирования цифровых платформ в даркнете требует особого внимания, так как они часто имеют криминальный характер или связаны со спецслужбами. В этом случае «открытая» социология не позволяет объективно изучить политические процессы. Исключительные случаи, когда новая технология отвечает интересам негосударственных акторов, включают мобильные приложения для политической коммуникации, использование голограмм на митингах (Турция и Индия), создание «ИИ-кандидатов» (Дания) и оцифровку личности умерших политиков (Россия). Следует отметить, что в двух последних случаях технологии обладают определёнными несовершенствами и значительно отличаются от того, что заявляет политическая реклама и агитация. На практике «ИИ-кандидат» представлял собой языковую модель высокого, но не самого передового уровня, совмещённую с чат-ботом. Следовательно, на данном этапе невозможно говорить об «ИИ-кандидате», способном принимать политические решения. Степень оцифровки личности умершего политика остаётся неопределённой, поскольку научный анализ «ИИ-личности» с точки зрения психологии, политологии и социологии пока не проводился. В основе этой личности лежит языковая модель, степень продвинутости которой также остаётся неопределённой.

Десятой особенностью внедрения цифровых технологий является их тенденция к копированию или замещению старых аналоговых технологий, а не содержанию уникальной идеи. Примеры таких технологий включают «онлайн-митинги» и «сборы» сторонников в виртуальных локациях компьютерных игр, которые по сути повторяют реальные митинги и собрания. Практика создания уникальных технологий, не имеющих аналогов в офлайн-мире, встречается редко. Дистанционное электронное голосование можно отнести к таким примерам. Оно не является копией стандартного голосования, а представляет собой новый способ реализации волеизъявления. Несмотря на то что стандартное голосование интегрировано в интерфейс и архитектуру сайта, сходство на этом заканчивается. Особенность заключается в том, что процесс голосования полностью отрывается от своих привычных атрибутов. Условия соблюдения четырёх принципов голосования (прямое, равное, тайное и всеобщее) сохраняются, но отходят от процедурных механизмов, заложенных в аналоговой традиционной практике. Фактически дистанционное электронное голосование становится новым институтом, что находит отражение в изменениях структуры работы избирательных комиссий.

Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс характеризуется особенностями, которые требуют регулярного дополнения и актуализации с появлением новых технологических решений. Политическая наука использует разнообразные методы и подходы, что позволяет успешно изучать новые политические и цифровые реалии. Это дает возможность анализировать процессы взаимодействия и трансформации различных политических акторов в обоих контекстах.

Таким образом, в рамках данного параграфа разработан сценарий дальнейшего интегрирования цифровых технологий разных типов в избирательный процесс. Проведён анализ особенностей внедрения, применения и работы с негативными и позитивными последствиями, связанными с политико-цифровыми технологиями.

§ 2.2 Этапы цифровой трансформации современного российского регионального избирательного процесса

В рамках исследования цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса для более глубокого понимания данного явления целесообразно провести его этапизацию. Следует отметить, что ранее предпринимались попытки этапизации отдельных аспектов цифровизации избирательного процесса в России. Этапизация выступает важным инструментом анализа цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса, так как позволяет не только проанализировать уже завершённые этапы, но и определить основные направления развития, ключевые тенденции и динамику изменений. Понятие этапа в данном контексте трактуется не как простой временной промежуток, а как особый период, обладающий устойчивыми характеристиками или, по крайней мере, наиболее полно их проявляющий. Применение данного метода способствует объективной оценке свойств, трансформаций, изменений и особенностей функционирования любого политического института.

Следует отметить, что в различных научных дисциплинах, сферах общественной жизни существуют разнообразные варианты этапизации процессов цифровизации. Особый интерес в данном контексте представляет экономическая сфера, поскольку именно в этой области указанная проблематика получила наиболее глубокую разработку, а исследователями предложено значительное число оригинальных подходов. В частности, продуктивными можно назвать

представления Е.Е. Иродова и А.М. Соколова¹²⁶, которые на основе анализа научной литературы и собственных исследований выделили этапы развития, эволюции и изменения понятия цифровой трансформации в экономической науке, что свидетельствует о комплексном характере их подхода. Авторы определяют конкретные периоды этапизации, начиная с XX века: с 1960-х до 1990-х годов, с 1990-х до 2000-х годов, с 2000-х до 2010-х годов и с 2010-х годов по настоящее время. Очевидно, что данная классификация основывается на уровне развития технологий передачи информации и электронных систем учёта, а также на динамике их совершенствования. Для электоральной сферы, как составной части политической системы, подобный подход может быть применён, несмотря на различия в механизмах политического и экономического взаимодействия.

Альтернативный вариант этапизации, также относящийся к экономической сфере, представлен в работах таких исследователей, как Б.Б. Гиёсидинов, В.Н. Васильев и О.В. Воронова¹²⁷. Авторы выделяют этапы цифровизации торговли, в особенности международной торговли. В их исследованиях особое внимание уделяется анализу событийной последовательности, а также рассматривается дихотомия между общим развитием экономических процессов и развитием цифровой экономики. Для настоящего исследования особенно важно, что этапы формируются не относительно цифровизации в целом, а применительно к цифровой трансформации, что придаёт подходу уникальный и самостоятельный характер. Исследователи приходят к выводу, что процесс цифровой трансформации может быть этапизирован только на основе предварительного анализа институциональных изменений в трёх измерениях: цифровом, аналоговом, а также в особом измерении, связанном с периодами внедрения и синтеза цифровых и аналоговых технологий.

---

¹²⁶ Irodova, E. Analysis of development of economic digitalisation stages: evolution, views, and approaches to concept study / E. Irodova, A. Sokolov // Journal of Regional and International Competitiveness. – 2024. – Vol. 5, No. 4. – P. 4-14.

¹²⁷ Giyosidinov, B.B. Digital transformation of trade: trends, stages and factors of digitalization at the sectoral level / B. B. Giyosidinov, V.N. Fedorchuk, O.V. Voronova // Technoeconomics. – 2023. – Vol. 2, No. 4(7). – P. 38-45.

Существуют также узкоспециализированные попытки этапизации цифровой трансформации в отдельных секторах экономики. Так, С.Е. Тасалов¹²⁸ рассматривает данный процесс применительно к индустрии гостеприимства, то есть к туристической сфере. Ещё одним примером служит исследование¹²⁹ С.Н. Коновалова и Т.А. Михалёва, в котором анализируются этапы цифровой трансформации аграрно-промышленного комплекса с прямым использованием термина «трансформация». В научной литературе представлены различные методологические подходы, которые могут оказаться полезными для исследования политических процессов. В частности, этапизация должна базироваться не на абстрактных теоретических построениях, а на эмпирических данных, полученных при изучении конкретного объекта или процесса. Для выделения этапов необходимо анализировать объекты, обладающие характерными свойствами. Такой подход позволяет установить, что исследуемый объект сохраняет свою идентичность и не подменяется иным явлением.

В настоящее время существует несколько вариантов этапизации цифровых электоральных процессов в Российской Федерации. Например, оригинальную концепцию предлагает И.М. Виноградова, которая рассматривает этапы цифровизации избирательного процесса как переход к комплексной полуавтоматизированной электоральной модели. В работе И.М. Виноградовой представлен краткий обзор информационных и технических средств, внедряемых поэтапно на всех стадиях организации и проведения выборов в России¹³⁰.

¹²⁸ Тасалов, С.Е. Этапы цифровизации в индустрии гостеприимства / С.Е. Тасалов // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2022. – № 1(13). – С. 46-50.

¹²⁹ Коновалова, С.Н. Этапы процесса цифровизации, как основа создания программы цифровой трансформации предприятий АПК / С.Н. Коновалова, Т.А. Михалева // Управление инновационным развитием агропродовольственных систем на национальном и региональном уровнях: Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 11–12 октября 2023 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. – С. 244-250.

¹³⁰ Виноградова, И.М. Этапы цифровизации избирательного процесса в России / И.М. Виноградова // Цифровизация как вызов современности: между гуманизацией и дегуманизацией: сборник материалов и докладов XXV российской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12–13 апреля 2023 года. – Екб.: Автономная некоммерческая организация высшего образования "Гуманитарный университет",

Аналогичные идеи характерны для уральской политологической школы, представителем которой и является И.М. Виноградова. Среди других значимых представителей данного направления можно выделить Р.С. Мухаметова и О.Ю. Шепелева¹³¹.

Особого внимания также заслуживает юридический подход, одним из вариантов которого, в частности, выступает позиция, предложенная А.Н. Лабыциной¹³² и В.А. Королёвым. Авторы основывают свою периодизацию и этапизацию на датах выхода и вступления в силу нормативно-правовых актов. Такой подход, с одной стороны, позволяет последовательно фиксировать все изменения, однако, с другой стороны, не даёт возможности для объективного политического анализа процесса. Одной из объективных характеристик данного подхода выступает стремление исследователей к максимально детализированному отражению событийного ряда. Подобная скрупулёзность позволяет выявить мельчайшие детали, но одновременно затрудняет проведение объективного политологического институционального анализа, поскольку специфика этапа часто оказывается скрыта за обилием малозначимых фактов.

Ещё одним заметным исследователем, придерживающимся своеобразного легистского подхода, является И.А. Вильнер¹³³. При этом данный автор предлагает объединить политологический анализ электоральных институтов,

---

2023. С. 582-586.

¹³¹ Виноградова, И.М. Цифровизация избирательного процесса: классификация электоральных моделей и их экономическая целесообразность / И.М. Виноградова, О.Ю. Шепелев // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Управление изменениями: мозаика сценариев в условиях турбулентности: Материалы XV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27–28 ноября 2019 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал. Том 1. – Екб.: Уральский институт управления - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2019. – С. 129-134.

¹³² Лабыцина, А.Н. Этапы цифровизации избирательного процесса в России / А.Н. Лабыцина // Коммуникации. Общество. духовность - 2024: Материалы XXIV международной научно-практической конференции, Ухта, 23–24 мая 2024 года. – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2024. – С. 319-324.

¹³³ Вильнер, И.А. цифровизация избирательного процесса / И.А. Вильнер // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 2(90). – С. 618-637.

находящихся в процессе цифровизации, с анализом правовых режимов функционирования этих институтов. Такой подход представляется оптимальным и может получить широкое распространение в будущих исследованиях. Яркая выраженная нормоцентристская позиция также прослеживается в работах А.С. Брода, О.В. Иванникова и В.Л. Шаповалова¹³⁴. Их исследования демонстрируют высокое качество сочетания юриспруденции и политологии в рамках рассматриваемой научной проблематики.

Схожего подхода придерживаются такие исследователи, как Л.Г. Берлявский¹³⁵ и А.В. Махова, которые, наряду с политико-правовым анализом, учитывают аспект технического развития приборов, устройств и программного обеспечения, используемых в процессе цифровизации. В работах Л.Г. Берлявского и А.В. Маховой этапы цифровизации соотносятся с уровнем фактического технического развития, а также с моментами перехода от одного технического формата к другому. Однако при оценке данного подхода следует учитывать, что технический анализ может привести к ограничению исследования исключительно рамками устройств и программ, вследствие чего политическая составляющая процесса может быть недостаточно охвачена. Тем не менее Л.Г. Берлявский и А.В. Махова избегают подобного сужения и демонстрируют пример интеграции политологического, юридического и технологического подходов, что позволяет рассматривать их вариант как оптимальный для этапизации цифровизации электорального политического процесса. При этом дальнейшее расширение оснований для этапизации, например за счёт анализа социологического восприятия цифровизации или общего уровня проникновения цифровых процессов в повседневную жизнь населения, представляется малозначимым именно для политологического исследования. Как уже

---

¹³⁴ Брод, А.С. Российское законодательство о выборах: основные этапы эволюции и приоритеты развития / А.С. Брод, О.В. Иванников, В.Л. Шаповалов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 3-9.

¹³⁵ Берлявский, Л.Г. Избирательные права в цифровую эпоху / Л.Г. Берлявский, А.В. Махова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 478-483.

отмечалось, подобные основания выходят за рамки профильной тематики анализа цифровизации электоральных процессов.

Все ранее предпринятые попытки выделения этапов или осуществления этапизации цифровизации избирательного (электорального) процесса, как правило, носят общий, то есть общенациональный (федеральный) характер. При этом региональное измерение во многом остаётся вне поля внимания подобных исследований. Между тем региональный аспект имеет существенное значение для функционирования всей политической системы, а его анализ необходим как для теоретических исследований, так и для практической деятельности в политической сфере. Представленная далее попытка этапизации, ориентированная на региональный уровень, формирует одну из ключевых составляющих актуальности данного исследования.

Процесс цифровизации регионального избирательного поля в современной России начался с внедрения первых цифровых технологий и распространения компьютеризации в 1990-годах и в начале XXI века. С самого начала данный процесс развивался в различных регионах неравномерно, что проявлялось в разной скорости внедрения цифровых решений. В числе лидеров по применению новых технологий оказались города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, отдельные муниципалитеты Московской области, а также ряд регионов, отличающихся наличием городов-миллионеров или наукоградов, где интернет распространялся наиболее активно. Следует отметить, что в этот период значительную роль начали играть веб-сайты с локальными новостями, а также платформа «Живой журнал», при этом мессенджеры ещё не использовались для целей политического участия. СМС-голосование рассматривалось как одна из успешных, хотя и примитивных, форм цифрового вовлечения граждан. Почти в то же время начали появляться онлайн-опросы на различных веб-сайтах, однако эти инструменты оставались технологически несовершенными. На данном этапе цифровые технологии были доступны только узкой аудитории, а вовлечённость населения оставалась крайне низкой и практически не влияла на исход

избирательных кампаний. Следует также подчеркнуть, что существовал и продолжает существовать ряд регионов, где цифровизация и распространение интернета осуществлялись более медленными темпами по сравнению со средними показателями по Российской Федерации. К таким регионам относятся, например, северная часть Красноярского края, в частности город Норильск, а также ранее существовавшие субъекты Российской Федерации — Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ и Эвенкийский автономный округ. На указанных территориях наблюдаются значительные проблемы с прокладкой интернет-кабеля. В настоящее время реализуются активные мероприятия и проекты, направленные на окончательное решение данной проблемы.

Условным завершением первого этапа цифровизации следует считать 2008 год, который ознаменовался появлением ряда технологических факторов, существенно изменивших структуру электорального поля и политтехнологического рынка. Во-первых, в этот период появилась социальная сеть «ВКонтакте», которая за короткое время привлекла значительную аудиторию и практически сразу стала оказывать влияние на общественные настроения. К концу первой половины 2010-х годов данная платформа стала важным фактором, особенно в административных центрах субъектов Российской Федерации. Компания «ВКонтакте» добилась популярности во всех странах СНГ, а также привлекла часть пользователей из других государств Восточной Европы. Такой эффект во многом объясняется предоставлением бесплатного доступа к музыкальному контенту, что неоднократно становилось предметом критики и обвинений в интеллектуально-информационном пиратстве. Во-вторых, к концу 2000-х годов наблюдалось значительное увеличение числа стационарных компьютеров, портативных устройств с доступом к интернету и, в особенности, смартфонов. Органы государственной власти также прошли этап активной компьютеризации своей деятельности: некоторые из них начали создавать официальные веб-сайты и работать с базами данных, преимущественно закрытого характера. В-третьих, в этот период на российский рынок вышли иностранные

социальные сети, часть из которых впоследствии была признана экстремистскими или нарушающими требования Роскомнадзора и решений российских судов. Некоторые социальные сети, не связанные с корпорацией Meta, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации, продолжают функционировать и в настоящее время.

Второй этап характеризуется началом активного вовлечения социальных сетей в политическую сферу. Социальные сети стали ключевым драйвером цифровизации политической сферы прежде всего благодаря низкой стоимости публикации контента и обслуживания по сравнению с традиционными веб-сайтами, политическими порталами. Курс на цифровизацию был поддержан как высшими органами государственной власти, так и низовыми участниками политического процесса. В этот период Президент Российской Федерации Д.А. Медведев начал активно использовать социальные сети и демонстрировал применение смартфонов, в том числе в формате публичных селфи. Спустя некоторое время другой Президент Российской Федерации, В.В. Путин, занимавший пост главы государства в течение третьего срока, отмечал отсутствие личного опыта пользования интернетом, однако одновременно выражал поддержку внедрению цифровых технологий в деятельность государственного аппарата. С первых лет цифровизации в государственных структурах отдельные федеральные ведомства проявили особую инициативу в освоении новых технологий. Одним из наиболее показательных примеров стала Федеральная налоговая служба, где под руководством М.В. Мишустина был реализован ряд успешных проектов по внедрению цифровых элементов в рабочие процессы. Кроме того, цифровые инструменты активно внедрялись и в других федеральных органах, а также в ряде бюджетных организаций, что способствовало развитию цифровизации в сферах бюрократии, организации, документооборота и коммуникаций.

На современном этапе (2019 г. - середина 2020-х годов) наблюдается политика разноскоростного внедрения цифровых технологий в региональную

политическую сферу различных субъектов Российской Федерации. Во-первых, осуществляется поэтапное внедрение системы ДЭГ в ряде регионов, при этом ситуацию осложняет отсутствие унифицированных региональных платформ для онлайн-голосования. Во-вторых, проникновение социальных сетей, несмотря на общие тенденции популярности отдельных платформ, мессенджеров, отличается выраженной региональной спецификой. Это обстоятельство требует от кандидатов и политтехнологов применения дифференцированных стратегий продвижения в цифровом пространстве. В-третьих, уровень проникновения интернета существенно различается между городскими и сельскими территориями, между столицами регионов и отдалёнными районами, между Москвой и регионами Крайнего Севера и Дальнего Востока. Так, вопросы прокладки интернет-кабеля в северных районах Красноярского края, установки вышек сотовой связи в удалённых районах Центральной России, а также распределения доступа к интернету в Чукотском автономном округе продолжают оказывать значительное влияние на возможности использования интернет-ресурсов, что, в свою очередь, влияет на степень вовлечённости населения в интернет-политику.

В ходе прогнозирования дальнейшего развития этапов цифровизации российской политической сферы можно предположить, что в условиях курса на всеобъемлющую цифровизацию произойдут изменения в соотношении цифровых и традиционных политических институтов. В первую очередь это будет связано с внедрением новых технологических решений, к числу которых относятся различные программы искусственного интеллекта (в том числе системы, подобные ChatGPT, искусственный интеллект с открытым исходным кодом), фабрики ботов, оснащённые искусственным интеллектом, средства анализа больших данных, особенно при использовании инструментов для парсинга социальных сетей, и другие инновационные технологии. Комплекс этих решений, а также новые технологии, появляющиеся в 2020-х годах, приведёт к завершению процесса цифровой трансформации, в результате чего политическая сфера

окажется максимально оцифрованной, алгоритмизированной и подверженной обработке и управлению цифровыми системами. В то же время на пути дальнейшей цифровизации и алгоритмизации неизбежно возникнут этические барьеры, которые впоследствии потребуют нормативно-правового регулирования и станут предметом общественного обсуждения. Оптимальным видится привлечение к решению этих вопросов экспертного сообщества, включающего специалистов в области техники, политологии и права.

Совершенно иной вариант этапизации возникает при рассмотрении использования цифровых и электронных технологий непосредственно в процедурах голосования. В данном контексте первый этап начинается с 1994 года, когда на выборах депутатов регионального парламента Ленинградской области были впервые применены такие технологии. В 1990-х годах продолжались эксперименты по внедрению цифровой обработки результатов голосования, при этом часто использовался параллельный подсчёт: данные электронных счётных и передающих устройств сверялись с итогами ручного подсчёта. Эксперт, принимавший непосредственное участие в избирательной кампании 1994 года в Ленинградской области, отмечает, что в тот период система в целом не была готова к слаженной работе, подсчёт голосов осуществлялся вручную, а данные дополнительно проверялись с использованием телефонных сообщений председателей участковых избирательных комиссий. Следует подчеркнуть, что уже к 2000-м годам ситуация существенно улучшилась.

Принципиально новым этапом в цифровизации избирательного процесса стало появление комплекса обработки избирательных бюллетеней как единого устройства. В их эксплуатации можно выделить ряд существенных этапов. Модель КОИБ-2003 отличалась наименьшим уровнем технической оснащённости: отмечались определённые трудности при считывании бюллетеней, а также высказывались претензии специалистов по поводу недостаточной прозрачности секции для хранения бюллетеней. Модель 2010 года позволила устранить большинство выявленных проблем, обеспечила более корректное

считывание бюллетеней и повысила прозрачность конструкции для хранения избирательных документов. Модель 2017 года не только обеспечила оперативный подсчёт данных по итогам голосования, но и позволила интегрировать комплексы в единую систему «ГАС-выборы», что стало значительным шагом на пути формирования целостной цифровой среды. Исходя из этих изменений, можно определить границы второго и третьего этапов цифровизации избирательного процесса. Второй этап охватывает период с 2003 по 2010 год и связан с совершенствованием технических характеристик комплексов обработки избирательных бюллетеней. Третий этап охватывает 2010–2017 годы и характеризуется интеграцией комплексов обработки избирательных бюллетеней в единую цифровую и электронную экосистему. На основе логики развития предыдущих этапов обоснованно выделяется четвёртый этап, охватывающий период с 2018 года по настоящее время (включая электоральные циклы 2024 и 2025 годов). Современный этап характеризуется созданием системы ГАС «Выборы 2.0», отличающейся расширенным функционалом, в частности возможностями предоставления и хранения данных на уровне региональных избирательных кампаний, а также применением отечественной технической платформы.

Таким образом, периодизация, основанная на развитии комплексов обработки избирательных бюллетеней, позволяет выделить четыре этапа, что в целом соответствует ранее предложенной этапизации, построенной на общем процессе внедрения цифровых технологий. Вместе с тем различия в определении временных границ обусловлены особенностями развития интернет-технологий и комплексов обработки избирательных бюллетеней, которые, несмотря на свою цифровую природу, функционируют преимущественно как автономные или замкнутые системы. Следует отметить, что развитие системы комплексов обработки избирательных бюллетеней сыграло важную роль в цифровизации всего электорального процесса, прежде всего в деятельности региональных избирательных комиссий.

Единственным, хотя и преодолимым, препятствием для использования данной этапизации является проблема распространённости и численности комплексов обработки избирательных бюллетеней. Трудности связаны как с ограниченным количеством исправно функционирующих устройств, которые региональные избирательные комиссии допускают к работе на участковых избирательных комиссиях, так и с неравномерным распределением комплексов между различными регионами Российской Федерации. Кроме того, дисбаланс наблюдается не только между регионами, но и между отдельными муниципальными образованиями внутри одного субъекта, а также между городскими (высокоурбанизированными) и сельскими (руральными) территориями. Тем не менее данный контраргумент может быть логически опровергнут. Несмотря на неоднородность распределения и дефицит технических средств, комплексы обработки избирательных бюллетеней представляют собой целостное явление, характерное для всех регионов Российской Федерации. Даже в тех субъектах, где эти комплексы ранее не применялись, имеется необходимая техническая база для решения большинства возникающих проблем, связанных с их внедрением. Безусловно, сложности, обусловленные обеспечением электричеством и интернет-связью в сельских районах, не могут быть устранены мгновенно. При этом в каждом регионе Российской Федерации существуют высокоурбанизированные зоны, в которых внедрение комплексов обработки избирательных бюллетеней возможно в рамках любой из последующих избирательных кампаний.

Следует отметить, что ранее проблема исследования этапов и сама этапизация уже становились предметом внимания в российской политологической науке. В частности, среди комплекса исследований заслуживают особого внимания работы В.И. Фёдорова, в которых анализируется интеллектуальная история, история изучения данного вопроса, так и подробно

рассматривается система этапизации внедрения ДЭГ¹³⁶. Данные исследования дают содержательный ответ на проблему этапизации ДЭГ, однако не охватывают весь спектр вопросов цифровой трансформации, поскольку сосредоточены преимущественно на проблематике электронного голосования и ДЭГ. В связи с этим предложенная выше этапизация обладает актуальностью и отличается новизной. Следует также подчеркнуть, что концепция этапизации, предложенная В.И. Фёдоровым, включает определённые переломные моменты, такие как пандемия COVID-19¹³⁷. Необходимо отметить, что пандемия COVID-19 одновременно способствовала ускорению процессов цифровизации за счёт вынужденных мер и созданию новых возможностей для цифрового политического участия граждан.

Коллектив авторов факультета государственного управления Университета П. Й. Шафарика (Словацкая Республика), в частности С. Ручинская и М. Фечко, отмечает, что основной этап цифрового перехода в Словакии пришёлся на период пандемии, при этом целесообразно выделять отдельный «постпандемийный период»¹³⁸. Этот этап характеризуется практически всеобъемлющим охватом сервисов государственной службы, внедрением цифровых инструментов, влияющих на принятие решений органами государственной власти (от опросов до внедрения ДЭГ), а также созданием государственных систем открытых баз данных. При оценке данного подхода следует отметить, что процессы цифровизации сферы государственного управления и сферы политического в определённой степени совпадают.

Необходимо также проанализировать аспекты цифровизации политики,

---

¹³⁶ Федоров, В.И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт / В.И. Федоров. – М.: Инфра-М, 2023. – 237 с.

¹³⁷ Федоров, В.И. Дистанционное электронное голосование как механизм политического участия в условиях пандемии COVID-19 / В.И. Федоров // Устойчивость политических систем в условиях глобальных вызовов современности: Сборник тезисов XI международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2020 года. – СПб.: Скифия-принт, 2021. – С. 9-11.

¹³⁸ Ručinská, S. eGovernment and Digitalization in the Slovak Republic – Current Development and Political Strategies / S. Ručinská, M. Fečko // Central and Eastern European eDem and eGov Days. – 2022. – Vol. 341. – P. 251-262.

которые редко рассматриваются отечественными специалистами в рамках данной тематики. В частности, заслуживают внимания вопросы цифровизации, связанные с видеонаблюдением¹³⁹. Исследователь С. Кавут из отдела рекламы факультета коммуникаций Университета Коджаэли (Турецкая Республика) указывает, что развитие видеонаблюдения приближает современное общество к модели паноптикума, предложенной М. Фуко, что непосредственно влияет и будет влиять на политическое устройство различных стран. В контексте этапизации выделяется критический рубеж, связанный с переходом к более всеобъемлющей системе видеонаблюдения и видеоконтроля. Это позволяет формально разделить процесс цифровизации общественных процессов на этапы: до появления камер видеонаблюдения, период их появления и внедрения, а также переход к системам видеоконтроля высокой точности. При оценке данной концепции следует выделить такие аспекты, как сложность верификации влияния количества камер видеонаблюдения на общественно-политическую жизнь, а также обратить внимание на потенциал позитивного использования видеокамер. К числу положительных аспектов относится применение видеонаблюдения в процедурах наблюдения и мониторинга хода голосования на выборах всех уровней.

В данном параграфе представлена и аргументирована авторская этапизация процесса цифровой политической трансформации в современной России.

---

¹³⁹ Kavut, S. Electronicization of Surveillance in the Digital Transformation Age: Surveillance Society from Panopticon to Superpanopticon / S. Kavut // *Communicata*. – 2023. – Vol. 1, No. 25. – P. 22-27.

§ 2.3 Применение дистанционного электронного голосования и его влияние на избирательный процесс в российских регионах

Для дальнейшего анализа политико-цифровых технологий, в частности ДЭГ, представляется целесообразным провести краткий обзор современной исследовательской литературы. В период с 2010 по 2024 год в Российской Федерации были защищены 16 диссертаций, в названиях которых электронное голосование или ДЭГ обозначены в качестве предмета или цели исследования. Все указанные работы имеют статус кандидатских диссертаций; докторские диссертации по данной тематике на сегодняшний день отсутствуют. Из этого числа девять исследований посвящены электронному голосованию, включая самую раннюю работу, выполненную в региональном, а не столичном вузе¹⁴⁰. Этот факт свидетельствует о высоком уровне региональных научных школ, способных своевременно определять актуальные направления развития исследований в данной области. Тематике ДЭГ посвящено пять кандидатских диссертаций, самая поздняя из которых защищена в 2024 году. Следует отметить, что уже в 2022 году В.И. Фёдоров¹⁴¹ подробно рассмотрел феномен ДЭГ в своей работе, однако анализ проводился в более широком контексте электронного

---

¹⁴⁰ Македонский, С.А. Исследование процессов передачи информации в системе электронного голосования и социологического опроса: специальность 05.13.01 "Системный анализ, управление и обработка информации (по отраслям)": диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Македонский Сергей Александрович. – Волгоград, 2010. – 134 с.

¹⁴¹ Фёдоров, В.И. Электронное голосование как механизм политического участия: российский и зарубежный опыт: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Фёдоров Владислав Иванович. – М., 2022. – 273 с.

голосования. Диссертационное исследование А.А. Горбачёва¹⁴², выполненное в 2011 году, было посвящено отдельной категории интернет-голосования, сочетающей черты ДЭГ и электронного голосования. В диссертации С.С. Топоркова¹⁴³ 2013 года электронное голосование рассматривалось как один из возможных инструментов оптимизации процедуры выборов в региональные законодательные собрания Российской Федерации. На начало 2025 года тематический спектр диссертаций, непосредственно посвящённых электронному голосованию и ДЭГ, фактически исчерпан. Безусловно, существует значительно большее число диссертационных исследований, в которых электронное голосование или ДЭГ упоминаются лишь фрагментарно. Однако такие работы не включены в сферу научного интереса настоящего исследования, поскольку упоминания носят поверхностный характер, а основной акцент делается на других политических институтах и технологиях. Отмечается неуклонный рост числа диссертаций, посвящённых ДЭГ и электронному голосованию; можно прогнозировать сохранение тенденции увеличения их количества по экспоненциальной траектории. В 2010 году была защищена одна диссертация, по одной — в 2011, 2013 и 2015 годах, три — в 2017 году, одна — в 2022 году, три — в 2023 году и пять — в 2024 году. Динамика роста подтверждает экспоненциальный характер: на начальном этапе увеличение происходит медленно, однако по мере накопления исследовательской базы темпы существенно возрастают. Наиболее цитируемой работой по данной тематике стала диссертация Я.В. Антонова¹⁴⁴, в которой рассматривается построение

---

¹⁴² Горбачев, А.А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Горбачев Антон Александрович. – М., 2011. – 204 с.

¹⁴³ Топорков, С.С. Выборы в региональные законодательные собрания РФ (2003 - 2011 гг.): "пропорциональный сегмент": специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Топорков Сергей Станиславович. – Тамбов, 2013. – 273 с.

¹⁴⁴ Антонов, Я.В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой

электронной демократии на основе внедрения электронного голосования. Этот наукометрический успех объясняется как высоким качеством самого исследования, так и актуальностью выбранного временного периода. Важно отметить, что автореферат данной работы, размещённый в открытом доступе, демонстрирует более высокую цитируемость по сравнению с аналогичными исследованиями, опубликованными в научных базах свободного доступа. Отметим, что электоральная проблематика хотя бы в контексте отдельных политических институтов или специфических процессов (к примеру легитимации) становится в какой-то степени частью предмета отдельных диссертационных исследований¹⁴⁵.

Анализ распределения диссертационных исследований по специальностям, утверждённым Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации, показывает, что большинство работ относится к юридическим наукам (9 диссертаций). Второе место занимают технические науки (3 диссертации), наравне с политическими науками (также 3 диссертации). Исключение составляет одна диссертация, выполненная в рамках социологии¹⁴⁶. Особый интерес представляет диссертация В.Д.С. Салмана¹⁴⁷, формально относящаяся к техническим наукам, однако обладающая значительным потенциалом для объяснения политико-социальных процессов не только на примере Российской Федерации, но и стран Ближнего Востока. Существенный вклад внесла также диссертация М.А. Вайчикаускаса¹⁴⁸, в которой подробно раскрыты технические

степени кандидата юридических наук / Антонов Ярослав Валерьевич. – М., 2015. – 213 с.

¹⁴⁵ Федорченко, С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Федорченко Сергей Николаевич. – М., 2022. – 564 с.

¹⁴⁶ Дудочников, А.И. Электоральное поведение россиян в условиях масштабирования системы дистанционного электронного голосования: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Дудочников Алексей Игоревич. – Казань, 2024. – 260 с.

¹⁴⁷ Салман, В.Д.С. Разработка и исследование модели и протокола защищенной системы дистанционного электронного голосования для арабских государств с парламентской правовой системой (на опыте и примере Республики Ирак): диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Салман Васан Давуд Салман, 2024. – 177 с.

¹⁴⁸ Вайчикаускас, М.А. Методы и протоколы псевдовероятностного защитного преобразования

аспекты, непосредственно влияющие на политический (в особенности электоральный) процесс, поскольку исследование посвящено обеспечению ключевого принципа электронного голосования — тайны голосования. Несмотря на наблюдающийся со временем переход диссертационных исследований от точных наук к гуманитарным, в ближайшей перспективе вероятно возобновление активности в технической области. Эта тенденция обусловлена наличием ряда нерешённых задач, связанных с функционированием ДЭГ и иных форм электронного голосования. Следует подчеркнуть, что данная тематика получила значительное развитие в технических исследованиях, результаты которых нашли отражение в многочисленных патентах на программное обеспечение, предназначенное для обеспечения процессов электронного голосования и ДЭГ. Рост числа патентов во многом обусловлен широкой практикой применения обоих типов голосования в Российской Федерации на протяжении длительного периода. Отметим, что параллельно продолжают создаваться масштабные исследовательские работы, анализирующие старые медиа, в частности телевидение, к примеру исследования М.А. Кажаровой¹⁴⁹.

В настоящее время юридические науки продолжают играть особую роль в исследовании ДЭГ. В диссертационном исследовании В.А. Ржановского¹⁵⁰ предпринята успешная попытка определить правовые рамки использования ДЭГ. Основное внимание уделено нормативным основам и ограничениям, которые обеспечивают безопасность ДЭГ и других цифровых электоральных (избирательных) технологий, а также формируют фундамент для общественного и государственного развития. Значимость юридического подхода подтверждается

информации для технологии тайного электронного голосования: специальность 05.13.19 "Методы и системы защиты информации, информационная безопасность": диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Вайчикаускас Мария Александровна, 2017. – 110 с.

¹⁴⁹ Кажарова, М.А. Вербальная агрессия в политическом дискурсе, на материале испанских предвыборных телевизионных дебатов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кажарова Мария Александровна. – М., 2025. – 206 с.

¹⁵⁰ Ржановский, В.А. Правовое регулирование и система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Валерий Александрович Ржановский. – М., 2024. – 205 с.

диссертацией К.Ю. Матрёниной¹⁵¹, в которой с применением методов конституционного права проанализированы не только политико-правовые, но и политические изменения, возникшие после внедрения электронного голосования и ДЭГ. А.И. Лопатин¹⁵² рассматривает цифровизацию политического пространства как процесс, затрагивающий глубинные механизмы функционирования государства, обладающие такой значимостью, что их наиболее полное описание и эффективное воздействие возможны преимущественно в рамках конституционного права. Для данного исследователя характерно стремление к формированию собственной авторской терминологии, что способствует разработке новой концепции суверенитета, в рамках которой цифровые электоральные технологии выступают если не основой, то, по крайней мере, значимым фактором. Несмотря на нормативно-правовую направленность исследования, в работе содержится прогноз развития правоприменительной и политической сфер функционирования общества. Близкой к политологии является диссертация Т.О. Трущаловой¹⁵³, посвящённая различным аспектам влияния ДЭГ на народовластие и демократию в контексте функционирования политических институтов. Кроме нормативного анализа, в исследовании представлены эффективные рекомендации по совершенствованию нормативной базы в сфере ДЭГ. Интерес вызывает также категория народовластия, которая соответствует современным тенденциям отечественной политологии, ориентированной на разработку новых понятий, терминов и дефиниций. Дальнейшее развитие данной проблематики прослеживается в ряде других

---

¹⁵¹ Матренина, К.Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития (конституционно-правовое исследование): специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Матренина Ксения Юрьевна, 2017. – 224 с.

¹⁵² Лопатин, А.И. Конституционный концепт народного суверенитета в России и избирательные права граждан в эпоху цифровизации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лопатин Антон Игоревич, 2023. – 194 с.

¹⁵³ Трущалова, Т.О. Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трущалова Татьяна Олеговна, 2024. – 202 с.

исследований. В частности, Д.А. Кравец¹⁵⁴ на основе нормативного анализа стремится разрешить парадокс между сохранением тайны голосования и обеспечением контроля за объективностью процедуры при использовании системы ДЭГ. Примечательно, что решение данной задачи предлагается искать в области права, особенностей правоприменительной практики, а не ограничиваться исключительно техническими или цифровыми инструментами.

Проблематика, связанная с использованием московской платформы для ДЭГ, получила самостоятельное освещение в юридических исследованиях. В частности, А.О. Гаджиева¹⁵⁵ применяет правовой подход для анализа реализации ДЭГ в Москве и выделяет ряд технологий, которые находят применение в цифровом пространстве в рамках электоральных кампаний. В научной литературе представлены также работы, посвящённые более локальным случаям, в том числе исследованиям влияния электронного голосования на процессы муниципального уровня. Показательным примером выступает диссертация Д.С. Панова¹⁵⁶, в которой детально проанализировано воздействие электронного голосования на муниципальные процессы. Следует отметить, что даже в пределах муниципального измерения цифровые электоральные процессы формируют собственную политическую и правовую реальность, требующую самостоятельного и всестороннего изучения.

В отдельных случаях юридическая наука исследует ДЭГ, а также другие современные цифровые технологии на основе классических положений своей

---

¹⁵⁴ Кравец, Д.А. Конституционный принцип тайного голосования: содержание и реализация в Российской Федерации: специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кравец Дарья Алексеевна, 2017. – 175 с.

¹⁵⁵ Гаджиева, А.О. Активное избирательное право в условиях применения цифровых технологий (на примере города Москвы): специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаджиева Альбина Омарова. – М., 2023. – 291 с.

¹⁵⁶ Панов, Д.С. Население муниципального образования в системе муниципальной публичной власти: организационно-правовые аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Панов Дмитрий Сергеевич, 2023. – 219 с.

дисциплины. Например, в диссертационном исследовании Ю.Я. Дубровиной¹⁵⁷ цифровые отношения, возникающие между субъектами избирательных кампаний, рассматриваются как традиционные правовые отношения с присущими им новыми существенными характеристиками. При этом акцент на традиционной модели правовых отношений сохраняется в качестве отличительной черты правового подхода.

Таким образом, с учётом общего увеличения количества диссертационных исследований на современном этапе, а также одновременного роста, развития и трансформации технологий и расширения их разнообразия, исследование цифровых технологий в политике приобретает особую актуальность и значимость как для политической науки, так и для практиков в данной сфере. Региональный аспект предоставляет дополнительные возможности для генерации новых и аутентичных практик, а также создаёт потенциал для анализа как основных тенденций, так и возникающих трендов на региональном уровне. Подобные процессы способны получить распространение на федеральном уровне, а при значительном успехе — стать образцом и качественным примером для других государств или их регионов.

Для выявления особенностей и институциональных характеристик цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса было проведено качественное социологическое исследование, включавшее проведение глубинных экспертных интервью и серии фокус-групп (период реализации: март 2023 г. - август 2025 г.). Применение качественных социологических методов объясняется необходимостью получения комплексных данных объективного характера, которые сочетаются с экспертными оценками. Такой подход обеспечивает возможность проведения сравнительного анализа между эмпирическими данными и экспертными суждениями. Поскольку интервью имели экспертную направленность, результаты исследования

---

¹⁵⁷ Дубровина, Ю.Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дубровина Юлия Яковлевна, 2024. – 234 с.

построены на основе профессиональной и узко специализированной информации, отражающей реальный политический контекст. Распределение экспертов представлено в диаграммах и таблицах Приложения А. Наиболее значимые фрагменты интервью с экспертами приведены в Приложении Б к настоящему диссертационному исследованию.

Географическая репрезентативность проведённого исследования оценивается как удовлетворительная и соответствует заявленным целям и задачам. В исследование вошли следующие федеральные округа Российской Федерации (Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный и Уральский), что охватывает более половины всех федеральных округов страны. Кроме того, в исследование были включены регионы, которые по состоянию на 2025 год не входят в систему федеральных округов, а именно Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика.

В Центральном федеральном округе исследование включало Московскую область (города Коломна и Сергиев Посад), Белгородскую область, Владимирскую область (города Владимир, Александров и Покров), Орловскую область, Смоленскую область (город Вязьма), Тверскую область, Тульскую область (города Тула и Венёв), Ярославскую область, а также город федерального значения Москву. В Северо-Западном федеральном округе экспертные интервью проводились в Ленинградской области (город Сосновый Бор), Новгородской области, Псковской области и городе федерального значения Санкт-Петербурге. В Приволжском федеральном округе исследование охватывало Республику Башкортостан, Республику Татарстан, Саратовскую и Ульяновскую (города Ульяновск и Димитровград) области. В Уральском федеральном округе исследование осуществлялось в Тюменской области (города Тюмень, Ишим и Тобольск), а также в Ханты-Мансийском автономном округе (города Ханты-Мансийск и Сургут). В Южном федеральном округе эксперты представляли город Ростов-на-Дону. В Донецкой Народной Республике исследование проводилось в Донецке и Мариуполе, в Луганской Народной Республике — в Луганске. Всего в

исследовании приняли участие 58 эксперта.

Комплекс применения ДЭГ на региональном уровне в субъектах Российской Федерации, где данная технология внедрена, сформировался как устойчивая практика. С технологической точки зрения можно выделить основные варианты реализации этого цифрового и политического процесса: федеральный и московский. В историческом контексте также выделяется первый московский вариант, который в настоящее время не используется. На подготовительном этапе предусматриваются следующие возможные сценарии предварительной апробации комплекса технологий ДЭГ.

Особое значение приобретает процесс легитимации ДЭГ, в том числе на региональном уровне. Оригинальную концепцию легитимации ДЭГ сформулировал политолог Н.А. Баранов¹⁵⁸. В соответствии с его подходом простого внедрения ДЭГ в регионе недостаточно, данный процесс не может считаться завершённым без применения специализированных технологий легитимации. Эта позиция сохраняет актуальность для всех регионов Российской Федерации, за исключением тех случаев, когда различия обусловлены особенностями политической культуры и специфическим характером политического сознания различных групп избирателей в субъектах Российской Федерации.

Технологии легитимации и информирования о ДЭГ, применяемые избирательными комиссиями, относятся к одной сфере деятельности и во многом совпадают по содержанию. Основное различие заключается в целеполагании этих процессов: информирование не предусматривает формирование у информационного потребителя установки на поддержку, а ограничивается предоставлением различных вариантов поведения. Легитимация, напротив, ориентирована на привлечение максимального числа сторонников использования ДЭГ или, по крайней мере, на формирование позитивного имиджа данной

---

¹⁵⁸ Баранов Н.А. От недоверия - к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России/ Н.А. Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2022. - Т. 24. - №3. - С. 433-446.

технологии в общественном сознании. На практике в сфере политической рекламы, агитации и распространения информации технологии легитимации обладают более широкими возможностями, поскольку их применение регулируется менее жёсткими нормативными рамками по сравнению с процессами информирования. Эта тенденция особенно выражена за пределами традиционных средств массовой информации, в которых отсутствуют специализированные площадки, предназначенные для обязательного информирования граждан в соответствии с федеральным и региональным законодательством, в тех новых медиа, где ЦИК РФ (или другие избирательные комиссии) осуществляют закупку информационных площадей с целью размещения необходимой информации.

Информирование о ДЭГ может осуществляться через различные средства массовой информации, включая печатные издания, а также каналы в мессенджерах. Единственным ограничением, как правило, выступает размер бюджета, выделенного избирательной комиссией на информационную работу. В теории существенным препятствием может стать личная мотивация владельца СМИ или иного информационного ресурса, однако на практике этот вопрос обычно решается посредством увеличения стоимости договора на оказание информационных услуг или с помощью неформального влияния. Кроме средств массовой информации, для информирования используются различные виды контекстной рекламы (чаще всего встроенной в интерфейс, а не оформленной в виде всплывающих окон), рассылки по электронной почте, отправка уведомлений через портал «Госуслуги.ру» или другие государственные сайты, предусматривающие наличие личных кабинетов и возможность получения сообщений, а также размещение рекламных роликов на видеохостинговых платформах и в социальных сетях. Телевидение (в ряде случаев радио) сохраняют статус значимых каналов информирования. Дополнительно применяются раздача листовок, размещение билбордов, печатной продукции в нестандартных местах, включая специальные рекламные площади на остановках, а также наружная

реклама на транспорте.

К технологиям легитимации относятся, например, проведение лотерей с ценными или символическими призами, которые разыгрываются среди участников ДЭГ (условия участия в таких лотереях объявляются заранее). Эксперт из Тюмени указывает, что данная технология не является новой, используется на подготовительных этапах внедрения различных форм цифрового или онлайн-голосования для вовлечения граждан. Оценка эффективности этого подхода вызывает определённые сложности: с одной стороны, фиксируется рост фактического участия в рамках отдельной электоральной кампании, а с другой — не всегда достигается «легитимирующий» эффект, поскольку возможность выигрыша в лотерее имеют только отдельные участники голосования. В случае организации лотереи по принципу «бесприигрышного участия» наблюдается либо значительное увеличение затрат, либо снижение ценности призов. Данная методика широко использовалась, в частности, на московской платформе ДЭГ в различные годы её реализации. Мэрия Москвы и Мосгорибирком стремились обеспечить сбалансированное соотношение между числом безусловных победителей и ценностью призов. Аналогичная технология применялась и в рамках праймериз партии «Единая Россия», однако в ограниченном объёме и не во всех регионах, в основном на этапе внедрения ДЭГ в процедуру праймериз и адаптации избирателей к новой форме голосования. Эта технология в целом была заимствована из аналоговой системы, где проведение лотерей среди голосующих использовалось для повышения явки. Сходство усиливается тем, что достигнутый эффект не отличался устойчивостью во времени и не способствовал формированию устойчивых поведенческих паттернов или привычек, а ограничивался однократным участием избирателя в одной избирательной кампании. В то же время организация лотерей может повторяться и сопровождаться значительными маркетинговыми и рекламными элементами, что придаёт каждому такому мероприятию уникальный характер и способствует привлечению избирателей. Необходимость регулярного проведения лотерей не

представляет существенной проблемы, поскольку в одном регионе, с учётом чередования федеральных и муниципальных кампаний, выборы проходят не ежегодно. Таким образом, аналогичные привлекательные условия лотерей могут предлагаться в разные годы и в различных регионах.

Существенным методом легитимизации ДЭГ выступает технология психологического мотивирования, направленная на формирование устойчивой привычки, основанной на удобстве использования данной технологии. Особое значение приобретает адресная агитация, ориентированная на группы населения, для которых по различным причинам затруднено применение традиционного аналогового способа голосования с использованием бумажных бюллетеней. К таким категориям относятся лица, находящиеся в медицинских учреждениях, в том числе вместе с детьми, беременные женщины, граждане, пребывающие в отпуске, а также лица, занятые в осенний период на дачных участках или в иных формах хозяйственной деятельности. Важными целевыми группами являются пожилые люди, пенсионеры различных категорий, инвалиды всех степеней тяжести. Ключевую роль играет адресное информирование, акцентированное на демонстрации преимуществ ДЭГ для преодоления типичных затруднений, с которыми сталкиваются представители каждой из указанных групп. При этом принципиально важно обеспечивать сохранение возможности использования традиционного способа голосования, чтобы граждане воспринимали наличие выбора как естественное условие. Следует также учитывать значимость сохранения традиций, связанных с выборами как особым гражданским событием, что имеет особое значение для представителей старшего поколения, ориентированных на советские избирательные практики.

ДЭГ характеризуется сложной технологической структурой, включающей широкий спектр интегрированных технологий. Эти технологии охватывают как область программирования, так и сферу серверного обслуживания, а также архитектуру построения веб-сайта. При этом на региональном уровне, за исключением города федерального значения Москвы, ни региональные

избирательные комиссии, ни иные органы государственной власти в большинстве случаев не участвуют в решении указанных технологических задач. Ответственность за ключевые технологические компоненты возлагается на ЦИК РФ и ТИК ДЭГ при ЦИК РФ. Механизмы адаптации технологических решений к региональным моделям практически не используются. В качестве примера можно рассмотреть проблему организации голосования в сложносоставных регионах Российской Федерации, таких как Тюменская и Архангельская области. Также известен случай, когда жители Ненецкого автономного округа не смогли принять участие в региональных выборах Архангельской области в связи со сбоем системы. Эта ситуация была оперативно устранена в первые часы после выявления, и граждане получили возможность воспользоваться новой на тот момент технологией. Права и удобство избирателей были в основном обеспечены. Однако даже в этом случае решение проблемы осуществлялось преимущественно силами федерального центра. Фактически региональные органы власти могут оказывать влияние на систему голосования лишь на этапе принятия решения об участии субъекта в ДЭГ. Кроме того, на региональном уровне существует возможность формирования корпуса наблюдателей за ДЭГ, поскольку региональный компонент в данном контексте обладает особой значимостью. Ограниченность влияния региональных органов власти на технологическую базу проявляется, в частности, в механизме формирования протокола ТИК ДЭГ при ЦИК РФ: документ составляется не для каждого региона отдельно, а в виде единого файла, что затрудняет восприятие информации отдельными пользователями. Примером сохранения определённого уровня влияния региональных органов власти можно считать адаптацию ДЭГ к действующей системе избрания властей региона, а не обратный процесс. При этом с внедрением системы «ГАС Выборы 2.0» особую актуальность приобретает вопрос корректного формирования списков избирателей для одномандатных и многомандатных округов. В данном случае ключевое значение приобретает система генерации, создания, актуализации и ведения баз больших данных, а

влияние региональных органов власти существенно снижается.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о применении комплекса технологий, связанных с ДЭГ, политическими партиями, в том числе на региональном уровне. Существенное значение приобретает выбор стратегии информационной кампании в условиях внедрения или использования ДЭГ, которую реализует конкретная политическая партия. Следует отметить, что на уровне регионального отделения стратегия одной и той же партии может существенно отличаться как от позиции федерального руководства, так и от стратегий других региональных отделений. Можно выделить как минимум три основные стратегии политических партий в отношении ДЭГ. Важно подчеркнуть, что в рамках одной партии на разных уровнях может реализовываться весь спектр возможных стратегий. В современной политической практике подобные примеры встречаются, в частности, в деятельности ЛДПР, партии «Новые люди» и ряда других политических объединений. В то же время существуют и противоположные примеры: партия «Единая Россия» и КПРФ придерживаются принципиально различных позиций по данному вопросу. При этом не следует делать вывод о безусловном преимуществе той или иной стратегии.

Первая стратегия предполагает, что политическая партия в целом, её структурное подразделение или региональное отделение полностью поддерживают использование ДЭГ и призывают своих сторонников активно выбирать данный способ голосования, а в отдельных случаях — использовать исключительно его. Такой подход характерен для партии «Единая Россия», которая активно мобилизует своих избирателей к участию в голосовании посредством ДЭГ. В некоторых регионах или в рамках отдельных кампаний по одномандатным округам имеются случаи, когда стратегия партии основывается на ориентации сторонников исключительно на использование ДЭГ. Подобная позиция может быть явно выражена в рамках пиар-кампаний либо реализовываться через неформальные каналы передачи информации среди членов и сторонников партии. В рамках данной стратегии формируется устойчивый

набор технологий, применяемых соответствующими политическими партиями. Одной из ключевых технологий становится создание специализированной политической рекламы и агитационных материалов, адресованных избирателям, в особенности сторонникам партии, с целью стимулирования участия в ДЭГ. При этом информационная кампания может акцентировать внимание на необходимости использования ДЭГ одновременно с призывом поддержать конкретную политическую силу либо ограничиваться информированием о ДЭГ как о предпочтительной форме голосования без прямого указания на необходимость голосования за партию.

Вторая стратегия представляет собой так называемое нейтральное поведение, при котором партия не призывает к использованию ДЭГ, однако и не предпринимает попыток дискредитации данной технологии в глазах своих сторонников. К числу таких партий на этапе 2024–2025 годов можно отнести ЛДПР и партию «Новые люди», хотя их позиция может быть смешанной или зависеть от конкретной электоральной ситуации. Подобные партии сталкиваются с необходимостью, с одной стороны, привлекать ту часть электората, которая использует ДЭГ, а с другой — воздерживаться от активной кампании по стимулированию избирателей к применению этой технологии. В результате информационная политика партии приобретает сложный, многокомпонентный характер, а задача поиска своего электората среди пользователей ДЭГ становится нетривиальной. В такой ситуации рекомендуется использовать парсинг социальных сетей в сочетании с проведением социологических онлайн-исследований. Основной целью таких мероприятий становится выявление и дальнейшая работа с узкой группой лиц, которые уже используют ДЭГ и могут перейти из числа сомневающихся в число сторонников партии. Эта технология также актуальна для изначальных сторонников партии, отдающих предпочтение ДЭГ, поскольку технология способствует поддержанию их лояльности и трансформации поддержки в реальные голоса на выборах. На данном этапе результативность в электоральном процессе может быть обеспечена только за

счёт комбинированного подхода, включающего цифровой парсинг и социологические исследования. После формирования базы данных обеих указанных категорий избирателей к ним целесообразно применять адресную политическую рекламу и информирование с распределённым воздействием.

Третья стратегия поведения политической партии заключается в полном отрицании ДЭГ, нерекомендации его использования избирателям, а также в построении информационных кампаний с элементами самопродвижения, направленных против данной технологии. Основная технологическая база в этом случае формируется на основе информационных кампаний в мессенджерах и социальных сетях, которые сочетают традиционные пиар-технологии в средствах массовой информации и современные цифровые методы распространения информации. Реализация подобной стратегии строится по принципу стандартной протестной кампании, наиболее результативной на этапе первого внедрения ДЭГ, в то же время применимой и в последующие электоральные циклы. Основным риском данной стратегии состоит в утрате электората, использующего исключительно ДЭГ, а также в высокой вероятности получения крайне низких результатов по этому типу голосования. Такой исход воспринимается как значительное электоральное поражение как внутри партии, так и в общественном пространстве. Вместе с тем аналогичный результат может быть сознательно интегрирован в политическую тактику: негативные итоги используются в качестве информационного повода для последующего воздействия на электорат, не поддерживающий ДЭГ. В этом случае поражение интерпретируется как проявление общей несправедливости или нечестности системы ДЭГ, что становится основой для проведения серии пиар-акций или масштабной информационной кампании, инициируемой ещё до объявления итоговых результатов выборов.

ДЭГ также предусматривает использование технологий предварительной подготовки населения (избирателей) к его внедрению. Наиболее распространённой на сегодняшний день схемой выступает проведение

электоральных экспериментов, инициируемых ЦИК РФ. Подобные эксперименты проводились и продолжают реализовываться практически перед каждым этапом внедрения ДЭГ в регионах его применения. Как правило, такие голосования организуются по вопросам, не связанным с выборами, чаще всего они затрагивают тематику потенциального благоустройства.

Система ДЭГ и другие цифровые электоральные технологии оказывают трансформационное воздействие на региональные политические системы, а также на отдельные политические институты субъектов Российской Федерации. Этот тезис подтверждается рядом исследований¹⁵⁹, что свидетельствует о согласованности выводов с существующим научным опытом. При этом построение моделей, анализ авторских концепций и формулирование собственной позиции определяют научную новизну данного фрагмента исследования. Следует отметить, что все рассматриваемые модели в определённой степени отражают процесс трансформации большинства, если не всех, политических институтов на региональном уровне, обусловленный именно процессами политической цифровизации.

Большинство экспертов¹⁶⁰, участвовавших в проведённом исследовании, отмечают, что ДЭГ само по себе не является фактором политической опасности для регионального политического процесса. Вместе с тем его внедрение сопровождается появлением определённого спектра рисков, которые приобретают актуальность при реализации ДЭГ различными политическими акторами на региональном и федеральном уровнях, а также на уровне экспертного сообщества. Следует подчеркнуть, что в рамках деятельности экспертных групп и советов при региональных избирательных комиссиях риски, связанные с внедрением ДЭГ, часто оказываются переоценёнными, а оценки приобретают

---

¹⁵⁹ Ежов, Д.А. Политическое представительство в современной России в условиях цифровизации: актуальные тенденции и особенности трансформации / Д.А. Ежов // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 47-50.

¹⁶⁰ Здесь и далее при указании “большинство экспертов” подразумевается количественно большая группа экспертов при условии указания данного ответа экспертами в большинстве федеральных округов РФ соответственно.

преимущественно негативный характер при подготовке ответов на запросы ЦИК РФ о готовности региона к включению в систему ДЭГ ТИК ДЭГ при ЦИК РФ. В частности, эксперт из Республики Татарстан прямо указывает на наличие данной тенденции в своём регионе. При этом подобная система сохраняется даже после разработки региональной нормативной базы, обеспечивающей возможность использования ДЭГ в рамках единых дней голосования.

Среди основных факторов риска для региональной политической системы при внедрении и эксплуатации ДЭГ, по мнению экспертов, можно выделить несколько подгрупп.

К первой подгруппе относятся риски, связанные с появлением дополнительных возможностей для манипулятивного получения мандатов определёнными компактно проживающими меньшинствами. В первую очередь это затрагивает этнические и религиозные меньшинства, обладающие высоким потенциалом мобилизации своих сторонников, особенно в условиях упрощения процедур политического участия до онлайн-формата, реализуемого посредством ДЭГ.

Ко второй подгруппе относятся риски, связанные с недостаточной технической оснащённостью региона, прежде всего с географическим распределением фактической доступности стабильного электроснабжения и интернета для граждан. Политический риск в данном случае заключается в том, что группы населения, изначально не имеющие доступа к этим ключевым ресурсам, оказываются лишёнными возможности воспользоваться новым, более удобным способом голосования. Вместе с тем ДЭГ может стать фактором консолидации малых политических групп, обладающих способностью принимать участие в онлайн-акциях, но по различным причинам не реализующих это в традиционном, очном формате. В результате отдельные группы могут быть ещё менее представлены, а другие — получить дополнительные возможности для репрезентации, что формирует ощущение политической несправедливости. Данный спектр рисков отмечается не только политологами из отдалённых

регионов, таких как Сибирь, Дальний Восток или районы Крайнего Севера, но и экспертами из Центральной России, в том числе из Северо-Западного федерального округа. В частности, в Новгородской области эти проблемы проявились в ходе первого внедрения ДЭГ в отдельных районах и округах субъекта. Этот пример наглядно демонстрирует, что аналогичные риски могут возникать практически во всех регионах Российской Федерации, за исключением городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Даже в городе федерального значения Севастополе, территория которого включает не только сам город, но и прилегающие населённые пункты, существуют районы, расположенные в лесных и горных зонах, где фиксируются перебои с электроснабжением, с устойчивой работой интернета, его скоростью. Политические последствия подобных проблем выражаются в том, что при внедрении ДЭГ в качестве предпочтительного способа голосования без проведения предварительной подготовки могут быть ущемлены избирательные права малочисленных, но значимых групп граждан. В то же время реализация комплекса дополнительных подготовительных мероприятий, проведение анализа готовности региона к внедрению ДЭГ, а также сохранение возможности как электронного голосования, так и голосования на бумажном носителе позволяют свести риск возникновения негативных последствий к минимуму.

Третья подгруппа рисков связана с массовым использованием ДЭГ на крупных предприятиях или в коллективах, находящихся в замкнутых пространствах, а также в условиях значительной зависимости работников от работодателя. Небольшие предприятия в данном контексте представляют меньший потенциальный риск для итоговых результатов региональных избирательных кампаний. В то же время предприятия, расположенные в моногородах, а также крупные комбинаты могут оказывать существенное влияние как на результаты выборов в одномандатных округах, так и в отдельных случаях на распределение мандатов по партийным спискам. Например, крупные промышленные предприятия и производства государственных или частично

государственных компаний в Ненецком автономном округе либо аналогичные организации в Чукотском автономном округе способны оказывать решающее воздействие на итоги голосования в рамках региональных избирательных кампаний. Это теоретически может привести к победе аффилированных кандидатов на 90 % мандатов в региональных парламентах. Следует отметить, что и ранее существовали различные схемы мобилизации сотрудников для участия в голосовании без их воли, однако внедрение ДЭГ создало дополнительные теоретические возможности для активизации подобных процессов и существенного увеличения их масштабов. Вместе с тем, несмотря на более чем пятилетний период функционирования ДЭГ, подобных случаев зафиксировано не было, равно как отсутствуют обращения граждан или представителей политических партий по данному вопросу. Это может свидетельствовать о том, что политическая культура граждан Российской Федерации выступает сдерживающим фактором для подобных нелегальных практик, несмотря на наличие потенциальных рисков. На указанные риски обращали внимание эксперты из Ульяновской области, а также специалисты из Ленинградской, Новгородской и Псковской областей Северо-Западного федерального округа, а также из различных регионов Центрального федерального округа. Таким образом, данное опасение является достаточно распространённым в экспертной и политической среде и охватывает по меньшей мере три федеральных округа. Оно присутствует как в регионах, где уже имелаась практика применения ДЭГ, так и там, где подобный опыт отсутствует.

Большинство экспертов из всех регионов, участвовавших в исследовании, отмечают, что основной характеристикой ДЭГ как технологии является создание удобства для избирателя. В частности, московские эксперты подчёркивают невозможность функционирования современной политической жизни без онлайн-формата, а также рассматривают частичный переход процедуры голосования в цифровое пространство как закономерный и во многом необратимый этап, соответствующий общей логике развития политико-социальных отношений в

2010–2020-х годах. Удобство как ключевое свойство и одновременно основная причина внедрения и использования ДЭГ занимает доминирующее положение среди всех возможных описаний и аналитических характеристик данного явления.

В то же время ряд экспертов, особенно связанных с политическими партиями, обращает внимание на политический аспект данного решения. В своих анализах они утверждают, что технология ДЭГ обеспечивает преимущество в электоральном процессе в первую очередь политической силе, находящейся у власти. С одной стороны, результаты, отражённые как в протоколах ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, так и в ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме, частично подтверждают подобные выводы. Однако важно отметить, что данная тенденция не может рассматриваться в качестве универсального правила, поскольку соответствующие фактические результаты обусловлены спецификой политической мобилизации. До проведения Единого дня голосования 2024 года оппозиционные партии последовательно призывали своих сторонников воздерживаться от использования ДЭГ, в то время как представители, например, партии «Единая Россия», напротив, активно стимулировали своих избирателей к применению данной технологии. В связи с этим наблюдаемый на данный момент дисбаланс объясняется текущими стратегиями политических акторов и не свидетельствует о нарушении правовых норм.

Теоретический и практический аспекты гипотезы о влиянии ДЭГ на итоги выборов в настоящее время вызывают особый интерес как у академических политологов, так и у политтехнологов и политических консультантов. Следует отметить, что в силу ограниченности доступных данных псефологический прогноз на данный момент обладает невысоким потенциалом, поэтому первостепенное значение приобретает сравнительный статистический анализ, а также получение объективных данных в рамках качественных социологических исследований. Основная сложность заключается в том, что максимальный срок использования ДЭГ до настоящего времени не превышает пяти лет, в редких случаях — шести лет, с отдельными перерывами, по состоянию на Единый день

голосования 2025 года. Кроме временного фактора, важным условием для анализа выступает наличие не менее трёх повторяющихся избирательных кампаний с использованием ДЭГ, что позволяет объективно выявлять как количественные, так и качественные особенности. В большинстве случаев, согласно результатам проведённого качественного социологического исследования, эксперты не фиксируют прямой корреляции между внедрением ДЭГ и изменением электоральных итогов в региональных политических кампаниях. Некоторые представители политических партий указывают на возможный перекося в пользу партий, находящихся у власти, однако другие представители партий, получивших положительные результаты по ДЭГ, дают более оптимистичные оценки. Независимые эксперты (прежде всего представители научного сообщества) в большей степени отмечают объективный характер функционирования ДЭГ и отсутствие влияния, направленного на поддержку какой-либо конкретной политической силы. Успех той или иной политической силы при внедрении или использовании ДЭГ определяется информационной кампанией, проводимой самой партией, а также пиар-стратегией по мобилизации собственных сторонников для участия в голосовании с использованием этой технологии. Именно эти факторы оказываются определяющими для успеха и степени влияния ДЭГ на электоральные результаты, особенно на уровне субъектов Российской Федерации. Дополнительное значение имеет технический аспект: возможности ДЭГ ограничиваются пространственными параметрами его распространения и уровнем инфраструктуры. В условиях реализации ДЭГ в одном регионе районы с хорошим доступом к интернету и стабильному электроснабжению получают преимущества в использовании данной технологии. Данная ситуация обусловлена тем, что население территорий с различным уровнем технической оснащённости может характеризоваться различными политическими предпочтениями, однако располагает неравными возможностями для их реализации посредством ДЭГ.

Следует отметить, что в ходе региональных избирательных кампаний по выборам законодательных органов субъектов Российской Федерации по

одномандатным округам фиксируются случаи расхождения итогов голосования. Первые подобные примеры были зафиксированы в 2019 году на выборах в Московскую городскую Думу, когда кандидаты, занявшие первые и вторые места в итогах онлайн-голосования и традиционного голосования по одним и тем же округам, не совпадали. С дальнейшим внедрением федеральной платформы количество таких несовпадений увеличилось; например, в Новгородской области различия наблюдались уже по второму и третьему месту. Вариации в результатах стали значительно более разнообразными. Важной особенностью является тот факт, что, за исключением Москвы, использование ДЭГ в Российской Федерации (по состоянию на 2025 год) сопровождается меньшей явкой онлайн по сравнению с количеством голосовавших традиционным способом. В связи с этим различия во вторых и третьих местах на «онлайн-участках» в рамках каждой конкретной кампании оказываются менее значимыми в количественном отношении. Таким образом, можно заключить, что указанные вариации при сравнении онлайн- и офлайн-голосования не содержат существенных оснований для общей дискредитации ДЭГ как технологии, а также не свидетельствуют о предоставлении каких-либо преференций определённым политическим силам.

В предшествующих исследованиях отмечалась региональная специфика технологий, связанных с политической и процессуальной эксплуатацией ДЭГ в субъектах Российской Федерации. Например, Э.Р. Сухова, В.А. Храмова и А.А. Фоменков¹⁶¹ анализируют особенности использования ДЭГ в Нижегородской области. Их исследование в основном посвящено анализу выборов Президента Российской Федерации в 2024 году и направлено на выявление различий между традиционным голосованием и использованием ДЭГ в регионе. Существенных различий, кроме расхождений по второму и третьему месту по итогам голосования, выявлено не было. Авторы отмечают, что эта разница может объясняться старением электората КПРФ, которому тяжело

---

¹⁶¹ Сухова, Э.Р. Применение дистанционного электронного голосования в Нижегородской области: некоторые предварительные итоги / Э.Р. Сухова, В.А. Храмова // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2024. – № 23. – С. 311-314.

использовать компьютерные технологии. Это единственное существенное расхождение с результатами настоящего исследования, поскольку данный вывод не подтверждается реальной политической практикой. Большинство экспертов, опрошенных в рамках нашего исследования, указывали на иные причины электоральных поражений КПРФ при голосовании посредством ДЭГ. Среди данных причин можно выделить проведение самой КПРФ информационной кампании, направленной против использования ДЭГ, отсутствие целенаправленных усилий по привлечению избирателей, предпочитающих онлайн-голосование, осознанное дистанцирование партии от данной технологии, отказ от использования соответствующих программных инструментов. Следует отметить, что в настоящее время пожилые люди как социальная категория достаточно уверенно осваивают новые технологии, чему способствует государственная политика по стимулированию цифровой грамотности; в частности, активное использование портала «Госуслуги.ру» не вызывает затруднений у большинства возрастных пользователей. При этом в ходе анализа ситуации сами авторы частично отказались от первоначально выдвинутого тезиса. Данный пример точно иллюстрирует общую проблему влияния возрастного фактора на использование ДЭГ и качество взаимодействия с данной технологией. Как сообщил эксперт из Ярославской области, самой возрастной участницей голосования стала гражданка, достигшая возраста ста лет. В то же время московские и другие региональные эксперты отмечали, что пожилые избиратели (старше 60 или 65 лет) активно используют ДЭГ, если в дни выборов находятся на работе или не имеют возможности лично посетить участок. При этом такие причины, как ведение дачного хозяйства, походы в магазины или хобби, как правило, не рассматриваются в качестве уважительных; к уважительным причинам чаще относят вопросы здоровья или занятости по работе.

По мнению большинства экспертов, для избирателей старше 60 лет сохраняется высокая значимость очного голосования на избирательном участке; ощущение праздника, своеобразная сакральность ритуала голосования остаются

приоритетными мотивами, способствующими выполнению гражданского долга. В данных условиях голосование с использованием стационарных пунктов для ДЭГ на избирательных участках рассматривается как компромиссное решение, которое, однако, не позволяет полностью устранить существующие проблемы. Проблема заключается в том, что некоторые пожилые граждане по-прежнему отдают предпочтение исключительно голосованию с применением бумажных бюллетеней, причём данная тенденция особенно выражена в Москве. Кроме того, атмосфера особой значимости голосования на избирательном участке может оказывать положительное влияние и на молодое поколение. Многие молодые избиратели, исходя из особенностей мышления и поведенческих установок, ориентированы на получение эмоционального отклика от непосредственного взаимодействия с окружающей средой. Для них атмосфера «праздника голосования», ощущение участия в принятии решения, способного повлиять на судьбу всего государства, приобретает особую привлекательность и способствует формированию гражданской активности. Главный практический вывод заключается в необходимости использования различных подходов к легитимации технологии для избирателей разных поколений. Отметим, что разные поколения испытывали разный жизненный и даже исторический опыт¹⁶², что делает их уникальными объектами воздействия политических технологий. При этом отдельные методы могут совпадать вне зависимости от возрастной группы.

Особый интерес представляет исследование Н.В. Чуба и Д.А. Ирмакова¹⁶³, посвящённое региональному опыту Курской области. Следует отметить, что данный опыт в основном относится к периоду, предшествующему активной фазе Специальной военной операции, при этом содержит ценные сведения о политической культуре региона и специфике политической практики, связанной с

---

¹⁶² Сморгчов, А.М. Легитимизация политической власти: древний и современный опыт / А.М. Сморгчов, С.Н. Федорченко, П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. – 2021. – № 4(70). – С. 113-126.

¹⁶³ Чуб, Н.В. Дистанционное электронное голосование: опыт Курской области / Н.В. Чуб, Д.А. Ирмакова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3(29). – С. 193-199.

применением ДЭГ. В статье особое внимание уделяется юридическим аспектам становления использования федеральной платформы ДЭГ в регионах Российской Федерации. В частности, авторы выдвигают предложение изменить порядок обращения территориальных избирательных комиссий к ЦИК РФ с просьбой о проведении ДЭГ: по их мнению, такой механизм должен строиться не на институте просьб, а на институте решений в случаях, когда для организации избирательной кампании достаточно уровня территориальной избирательной комиссии, а не региональной. На сегодняшний день это предложение утратило актуальность, но вместе с тем коррелирует с выводами, полученными в рамках настоящего исследования, относительно необходимости повышения уровня нормативно-правового регулирования, связанного с применением ДЭГ. Более значимым представляется компонент, связанный с предложением исследователей о введении регламентации статуса онлайн-наблюдения за процедурой ДЭГ. Данная инициатива подтверждается многочисленными экспертными отзывами, полученными в рамках нашего исследования, в том числе от специалистов из Пскова, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Казани, Уфы, Тюмени, Москвы и ряда других населённых пунктов. Онлайн-наблюдение как технология легитимации, фиксации, контроля, повышения доверия к ДЭГ занимает ведущие позиции и в настоящее время не имеет серьёзных альтернатив. В то же время можно отметить технологию отслеживания транзакций при блокчейн-формировании протоколов ДЭГ, однако данный метод является недостаточно человекоориентированным. При использовании онлайн-наблюдения, несмотря на его математическую основу, сохраняется присутствие наблюдателя от политической партии или Общественной палаты Российской Федерации, что способствует формированию доверия и положительного восприятия как у отдельных пользователей, так и у широкой аудитории.

Важным аспектом является необходимость участия в онлайн-наблюдении не только федеральных, но и региональных политических акторов. Особое значение приобретает представленность онлайн-наблюдателей от региональных

отделений политических партий, при этом оптимальным вариантом следует считать участие представителей всех партий, принимающих участие в избирательной кампании. Следует отметить, что при исключении пиар- и информационной составляющей большого количества наблюдателей не требуется, поскольку с помощью парсинга или простого копирования и сохранения цифровых данных возможно проведение анализа всей модели регионального голосования и функционирования ДЭГ. В такой ситуации наличие даже одного онлайн-наблюдателя оказывается достаточным для получения объективной информации, однако эффект в сфере информационного освещения и легитимации результатов становится менее выраженным, а акцент смещается на пиар-составляющую. Кроме того, сотрудники ТИК ДЭГ должны оказывать содействие онлайн-наблюдателям в интерпретации результатов наблюдения, в том числе с привлечением экспертного сообщества и использованием искусственного интеллекта. При этом важно поддерживать баланс между человеческим и машинным анализом информации, чтобы обеспечить корректный информационный эффект без искажения реальных электоральных процессов.

В то же время онлайн-наблюдение сталкивается с аналогичными проблемами, что и система ДЭГ в целом: его нельзя считать полностью ориентированным на региональный уровень, за исключением города Москвы. По аналогии с использованием единого протокола, отсутствием региональных платформ для реализации ДЭГ и региональных ТИК ДЭГ (за исключением Москвы), онлайн-наблюдение, несмотря на наличие определённой региональной специфики, в значительной степени остаётся ориентированным на процессы, происходящие на уровне федеральной ТИК ДЭГ, и не обладает возможностью существенного отклонения от данной модели. Решение этой проблемы возможно по нескольким направлениям. Во-первых, требуется подготовка собственных региональных экспертов, способных осуществлять профессиональное наблюдение на региональных онлайн-участках ДЭГ. Во-вторых, необходимо формирование экспертных групп, занимающихся анализом собранных данных по

завершении периода наблюдения. Такие группы должны функционировать в формате цифровых команд, которые, пусть и не на постоянной основе (в силу специфики электоральных циклов и ограниченности бюджетов региональных отделений), смогут проводить тщательный анализ имеющихся массивов данных, включая большие данные, как в ходе, так и по завершении электоральных циклов.

Особого внимания заслуживают технологии легитимации, реализуемые в регионах Российской Федерации. В большинстве случаев они концентрируются в сфере политического пиара и политического SMM, основное воплощение которых происходит в цифровом пространстве, хотя их применение не ограничивается только этой областью. Важно учитывать различные аспекты и специфику реализации технологий легитимации ДЭГ на городских и сельских территориях ¹⁶⁴. Различия между руральными и высокоурбанизированными районами субъектов Российской Федерации сохраняют значительный характер. При этом нельзя утверждать, что данный качественный фактор может служить основанием для дискриминации какой-либо из указанных территорий. В настоящее время условные категории «город» и «деревня» всё чаще демонстрируют синхронизацию благодаря высокому уровню проникновения интернета и реализации федеральных программ цифровизации государственных сервисов.

В зависимости от региона, типа территории (руральная или урбанизированная) могут применяться как традиционные индустриальные технологии, так и современные цифровые решения. К традиционным индустриальным методам следует отнести размещение агитационно-просветительских материалов различных типов в печатных изданиях. В настоящее время формы и способы подобной демонстрации отличаются значительным разнообразием. Среди них можно выделить использование

---

¹⁶⁴ Арутюнов, А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик / А.Г. Арутюнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 738-751.

роллапов, билбордов, листовок, газет, плакатов, объявлений, а также нестандартных форм печатной продукции. В качестве примеров можно привести изготовление закладок для книг, нанесение информации на упаковку товаров бытового потребления и продуктов питания, создание оригинальных печатных рекламных материалов для размещения на остановках общественного транспорта, в самом транспорте (как общественном, так и личном или коммерческом), а также в иных местах с высокой визуальной доступностью, таких как подъезды, столбы и рекламные конструкции.

Цифровые методы рекламы и агитации, направленные на легитимацию цифровых политических технологий, в частности ДЭГ, реализуются в различных формах. Одним из вариантов выступает размещение рекламы на интернет-сайтах в виде классической контекстной рекламы, которая может отображаться в основном поле сайта, в диалоговом окне, в формате баннера, виджета или всплывающего окна, включая принудительный просмотр видео- или графического элемента при дальнейшем использовании сайта. Кроме того, применяются более сложные технические механизмы контекстной рекламы, предусматривающие вовлечение владельцев веб-сайтов, хостингов, разработчиков конструкторов веб-сайтов, интернет-провайдеров, а также компаний, специализирующихся на поисковых технологиях и распространении информации. Кроме веб-сайтов, реклама размещается в социальных сетях, где используются рекламные посты, объявления и сообщения, распространяемые с помощью различных экономических моделей, договоров и технологий. Особое значение приобретает использование мессенджеров, которые, по оценкам многих экспертов, в настоящее время занимают ведущие позиции как каналы распространения политической информации и влияния. Дополнительно выделяется возобновление актуальности использования электронных почтовых рассылок. В отличие от начала 2000-х годов, когда рассылки носили массовый и неадресный характер и часто воспринимались как спам, с 2010-х годов благодаря технологиям анализа больших данных и применению искусственного интеллекта

(в том числе специализированных моделей) рассылки становятся адресными и ориентированными на конкретного гражданина или избирателя. Особое место занимают видеохостинговые платформы, которые с помощью встроенной рекламы, а также через интеграцию информации в контент, обеспечивают донесение информации до пользователей в любом регионе. Существуют и нестандартные площадки для размещения материалов, направленных на легитимацию, включая онлайн-игры, отдельные приложения и авторские блоги лидеров общественного мнения. Вопрос использования средств массовой информации приобретает комплексный характер при рассмотрении технологий легитимации ДЭГ на региональном уровне. С одной стороны, сохраняется практика размещения материалов в традиционных печатных СМИ, что остаётся актуальным для многих регионов Российской Федерации, особенно для сельских территорий. С другой стороны, онлайн-СМИ, специализированные лонгриды, публикуемые на интернет-сайтах, становятся основой информационного сопровождения. Однако эффективность этих инструментов всё чаще подвергается сомнению со стороны экспертного сообщества. Существует и третье направление, актуальное на современном этапе, — это издания, трансформировавшиеся из печатных СМИ в экосистемы новых медиа, прежде всего в социальные сети и мессенджеры. Кроме того, к средствам массовой информации теперь относят блогеров, аудитория или число подписчиков которых превышает 10 тыс. человек. Хотя влияние подобных блогеров не является всеобъемлющим на уровне всего региона, они способны оказывать значительное воздействие на свою основную аудиторию, для которой часто выступают непререкаемыми авторитетами. Следует отметить, что численность наиболее лояльной части аудитории любого блогера всегда ограничена, особенно при рассмотрении ситуации на региональном уровне.

Процесс легитимации может сопровождаться использованием традиционных технологий, таких как распространение слухов и передача информации между гражданами по каналам неформальной коммуникации.

Наименее эффективным каналом распространения идей в данном контексте выступает вертикальная коммуникация между руководителем и подчинённым. Наибольшую эффективность, напротив, демонстрируют горизонтальные сети взаимодействия граждан. Основная сложность заключается в том, что организация подобных технологий выходит за рамки классических административных структур и не подпадает под жёсткое правовое регулирование. В классификации политтехнологов и специалистов по политическому пиару такие методы относятся к так называемой «серой зоне». Тем не менее они не переходят в неэтическую плоскость, не связаны с прямым или косвенным нарушением действующего законодательства и не противоречат его духу. Как отмечают эксперты, участвовавшие в исследовании (Москва, Санкт-Петербург, Тверь, Ишим), в современной политической практике подобные технологии легитимации или решения сложных общественно-политических задач часто оказываются очень эффективными. В республиках Башкортостан и Татарстан также подчёркивается значимость таких методов для отдельных районов соответствующих регионов.

Особого внимания заслуживает анализ нестандартных цифровых политических технологий, применяемых в российских регионах. В качестве примера можно привести онлайн-лотереи на порталах государственных органов и ресурсах, аффилированных с политическими партиями. Показательным случаем выступает онлайн-лотерея для участников ДЭГ, проводившаяся в ряде электоральных циклов Мосгоризбиркомом и Мэрией Москвы. В Тюменской области также реализовывались стимулирующие онлайн-лотереи, получившие высокие оценки местных экспертов. В Санкт-Петербурге реализовывались аналогичные инициативы, однако они не получили столь высокой оценки со стороны экспертного сообщества. Вне электоральной сферы подобные мероприятия проводились в Московской области на портале «Добродел», где организовывались голосования по различным вопросам с последующим стимулированием участия посредством онлайн-лотерей. Как правило, в качестве

призов предоставляются товары или услуги с невысокой стоимостью; нередко используются скидки в рамках партнёрских программ с бизнес-организациями. Ряд экспертов отмечает, что при условии предоставления в качестве приза налогового вычета (в разумных для бюджета страны и региона пределах) количество участников, использующих ДЭГ, могло бы существенно увеличиться. Для успешной реализации данной технологии лотерея должна обладать бесприигрышным характером. Критика этой технологии заключается в том, что участие, основанное исключительно на экономическом мотиве, не всегда приводит к формированию устойчивой поведенческой привычки и усвоению ожидаемого отношения к легитимизируемой технологии. В качестве контраргумента можно отметить, что даже единичное участие, как правило, положительно сказывается на восприятии любого объекта легитимации.

Ещё одной нестандартной технологией, связанной с цифровизацией и политикой на региональном уровне, является цифровое образование, реализуемое различными политическими акторами. К основным организаторам подобных образовательных программ относятся как государственные, так и политические акторы. Среди государственных органов особое значение имеют региональные избирательные комиссии, осуществляющие реализацию таких программ посредством цифровых инструментов интернет-связи. В первую очередь эти программы ориентированы на членов территориальных и участковых избирательных комиссий. В отдельных случаях образовательные инициативы адресованы наблюдателям, а в исключительных ситуациях — непосредственно избирателям. В электоральном контексте важным направлением становятся онлайн-учебные проекты политических партий, которые, как правило, разрабатываются федеральными органами партий и реализуются на уровне региональных и местных отделений. Следует отметить, что парламентские партии по состоянию на 2025 год способны организовывать небольшие образовательные проекты на уровне региональных отделений. В ряде случаев инициативу проявляют молодёжные крылья партий. Особенно активно в данной сфере

действуют Молодая гвардия Единой России (МГЕР), Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации (ЛКСМ РФ), молодёжное отделение партии «Справедливая Россия — За правду» (СРЗП), а также партия «Новые люди», которая во многом позиционирует себя как молодёжная. Особого внимания заслуживают образовательные программы, реализуемые молодёжными парламентами, молодёжными правительствами и молодёжными избирательными комиссиями. На данном этапе все такие программы уже функционируют на основе цифровых платформ или с их использованием. В указанных программах особый акцент делается на овладении знаниями в области электоральных процессов, чему придаётся значительное значение со стороны молодёжных совещательных организаций на региональном уровне. Кроме того, региональные законодательные органы также могут организовывать цифровое обучение, предусматривающее изучение проблематики избирательных кампаний и иных электоральных процессов.

Среди технологий, которые в настоящее время используются относительно редко, необходимо выделить комплекс решений, связанных с онлайн- и цифровым сбором денежных средств. Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой речь идёт не об одной конкретной технологии, а о целом комплексе решений или их совокупности. Одним из вариантов такого технологического комплекса выступают технологии, связанные с криптовалютой. Этот сценарий реализуется преимущественно вне электорального этапа деятельности политических акторов, хотя его применение в рамках избирательных кампаний также не исключается. Основная проблема заключается в том, что данный комплекс технологий функционирует преимущественно на границе допустимой политической практики, а в отдельных случаях может напрямую противоречить действующему законодательству и иным нормативным актам. Следует отметить, что наличие криптоактивов у кандидатов в ряде случаев становится ограничением для ведения избирательных кампаний или даже для регистрации в качестве кандидата. Аналогичные проблемы возникают и в ходе

самой кампании: такие активы не могут использоваться для изготовления агитационно-просветительских материалов, заключения сделок или оплаты услуг, поскольку не признаются частью денежной массы избирательного фонда кандидата и не включаются в его структуру. Законодательные изменения 2024 года, легализовавшие криптовалюту в Российской Федерации, тем не менее не устранили большинство проблем, связанных с её практическим использованием, а также не разрешили коллизии, вопросы признания либо непризнания криптовалюты иностранным активом.

Как отмечают многие эксперты, в частности из Ярославской, Владимирской, Тверской, Тульской, Псковской, Новгородской областей, а также из Москвы и Санкт-Петербурга, криптовалюта в политической сфере преимущественно используется лишь в двух основных случаях. Первый случай связан с деятельностью внесистемной оппозиции, которая, как правило, функционирует вне рамок нормативной регламентации и скрывает свои доходы от государственных органов и общественности. В этом контексте основное внимание уделяется обеспечению конфиденциальности соответствующей информации. Наиболее активно данный инструмент применяют представители радикального крыла внесистемной оппозиции, в том числе получающие финансирование из-за рубежа. Второй случай касается стремления любого политического актора получить дополнительное скрытое финансирование, которое впоследствии может быть направлено в том числе на цели избирательной кампании.

Легальным исключением является ситуация, при которой будущий кандидат до начала официальной избирательной кампании использует механизмы криптовалюты для оплаты необходимых ему услуг или товаров, при условии, что применяется российская криптовалюта, создаваемая исключительно на российских серверах. В то же время, даже при соблюдении всех указанных условий, оборот криптовалюты, а тем более её покупка или продажа за традиционные денежные средства, остаётся недостаточно регламентированным и

вызывает вопросы правоприменительного характера. Кроме того, подобные операции могут создавать ситуации с повышенным криминогенным риском. Такая деятельность может приносить пользу кандидату в политических целях только при невозможности использования иных активов и при необходимости долгосрочного формирования имиджа среди потенциальных избирателей региона. Таким образом, потенциал криптовалют для применения в сфере открытой и публичной политики на региональном и других уровнях остаётся крайне ограниченным. Большинство криптовалют также рассматриваются как иностранные активы, поскольку каждая криптовалюта связана со страной, на территории которой размещены серверы, обеспечивающие генерацию кода, а локализация майнинговых ферм не оказывает влияния на смену юрисдикции криптоактивов. Это во многом опровергает представление о нейтральности и неаффилированности криптовалют с точки зрения политтехнологий и действующего законодательства. Тем не менее в качестве теневой технологии, а также как части комплекса нелегальных инструментов в избирательных процессах и политической жизни криптовалюты уже заняли определённое место в политической сфере.

Вопрос использования электронной подписи как элемента цифровых технологий в политике представляется значимым и частично дискуссионным. С одной стороны, на сегодняшний день существуют широкие возможности для внедрения данной технологии в различные аспекты электорального процесса, что подкрепляется соответствующей нормативной базой. С другой стороны, на практике случаи применения электронной подписи остаются ограниченными. Это обусловлено, в частности, узкой сферой применения технологии, включая невозможность её использования при сборе подписей избирателей или муниципальных депутатов при прохождении фильтрационных процедур в процессе выдвижения кандидата. Существенной проблемой также выступает ограниченность применения электронной подписи для лиц, входящих в избирательный штаб кандидата. При формулировании прогноза, с учетом мнения

многих экспертов, следует отметить, что данный процесс, по крайней мере для кандидатов, будет упрощён государством с целью ускорения внутреннего документооборота кампании. По состоянию на 2024 год, кроме избирательных комиссий различных уровней, к данному процессу было подключено Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. С накоплением необходимого опыта и данных планируется разработка единого стандарта использования электронных и цифровых подписей с соответствующим уровнем защиты. Вместе с тем ряд экспертов обращает внимание на наличие негативных факторов, связанных с участием данного министерства, поскольку для получения защищённой подписи требуется личное присутствие в организации, расположенной в Москве, что создаёт значительные затруднения для региональных кандидатов. Тем не менее, исходя из экспертных оценок, можно прогнозировать скорое устранение подобных неудобств. Следует отметить, что на текущем этапе использования данной технологии не существует региональной специфики в части регулирования; различия проявляются только в практических примерах применения.

Особое значение в оценке общего состояния технологического развития электоральной системы на региональном уровне приобретает проведение онлайн-фандрайзинговых кампаний. В современной российской практике такие кампании реализуются с использованием социальных сетей, мессенджеров, онлайн-банкинга, а в отдельных случаях — посредством криптовалют. Последний вариант обычно применяется при проведении политических кампаний кандидатами, представляющими радикальную оппозицию, а также в ряде случаев представителями экстремистских, запрещённых организаций, а также физическими и юридическими лицами, признанными иностранными агентами в Российской Федерации. Существуют отдельные примеры использования подобных онлайн-кампаний по сбору средств для официального фонда избирательной кампании; на региональном уровне их частота сопоставима с федеральными выборами. Значительно чаще данная технология применяется для

предварительной работы по формированию политического имиджа политика или партии в период подготовки к основной избирательной кампании. На региональном уровне сборы нередко декларируются как направленные на благоустройство, организацию детского досуга, поддержку уязвимых социальных групп, помощь бойцам и организациям, связанным со Специальной военной операцией. Подобные инициативы часто способствуют росту рейтингов доверия, узнаваемости и влияния соответствующих политиков. Критерием успешного повышения доверия и улучшения имиджа политика выступает целевое расходование средств, собранных в ходе таких фандрайзинговых кампаний. Необходимость проведения подобных кампаний часто возникает у патриотично и консервативно ориентированных политиков в случаях, когда они не получают существенной поддержки от крупных политических партий или объединений. На региональном уровне такие ситуации встречаются часто, что отмечается экспертами из Санкт-Петербурга. В то же время во многих регионах Центрального и Приволжского федеральных округов указывается на полное отсутствие подобных практик. Тем не менее в среднесрочной перспективе можно ожидать существенного увеличения вероятности распространения онлайн-фандрайзинговых кампаний на региональном уровне.

Неотъемлемой частью процесса цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса становится внедрение широкого спектра технологий, связанных с искусственным интеллектом. Эта тенденция особенно заметна с периода проведения Единого дня голосования 2023 года. Например, эксперт из Белгородской области отмечает, что одно из региональных отделений политической партии применяет языковые ИИ-модели для подготовки материалов региональной партийной газеты. В процессе работы осуществляется автоматическая генерация значительных объёмов текста с использованием лингвистических и аналитических моделей искусственного интеллекта. В настоящее время искусственный интеллект находит применение при создании агитационно-просветительских материалов, ведении социальных сетей и

мессенджеров, анализе социологических опросов, разработке региональных программ, а также при выполнении стандартизированных задач документооборота. Искусственный интеллект оказывает влияние на организацию избирательных штабов кандидатов, что приводит к технологически обусловленному сокращению их численности и объединению большего числа функций в рамках одних и тех же членов команды. Уже в настоящее время обсуждается внедрение чат-ботов с элементами искусственного интеллекта для информирования избирателей, а также использование искусственного интеллекта для генерации стандартизированных документов и формальных ответов для членов участковых, территориальных и региональных избирательных комиссий. Дополнительно в избирательной практике внедряются технологии ИИ-аналитики для определения явки избирателей на основании видеотрансляций с участков. Однако, наряду с преимуществами, искусственный интеллект становится универсальным инструментом для манипуляций в избирательном процессе. Генерация компрометирующих материалов, фейковых изображений, видео, создание дипфейков, а также формирование изображений, которые могут восприниматься как реальные документы или их фотографии, представляют собой серьёзные вызовы. На эти угрозы пока не обеспечен достаточный оперативный ответ со стороны правоохранительных органов и избирательных комиссий, которым часто не хватает необходимых ресурсов для эффективного противодействия подобным нарушениям. Дипфейки сейчас фиксируются как метод электоральной борьбы во всех частях мира.¹⁶⁵

Вышеперечисленные технологии выступают не только в качестве инструментов, но и в качестве значимых компонентов цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса. Их использование способствует изменению множества параметров современной электоральной системы субъектов Российской Федерации.

---

¹⁶⁵ Виноградова, Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт / Е.А. Виноградова // Мировая политика. – 2024. – № 3. – С. 44-60.

В данном параграфе представлено построение региональных моделей внедрения, популяризации, использования, реализации ДЭГ как политической технологии.

§ 2.4 Перспективы развития и совершенствования процесса цифровой трансформации регионального избирательного процесса в современной России

Абсолютное большинство экспертов, участвовавших в исследовании, отмечают, что по меньшей мере в среднесрочной перспективе процесс цифровой трансформации регионального избирательного процесса в России не завершится. Большинство специалистов ожидают появления новых технологий, которые в настоящее время трудно поддаются прогнозированию и способны радикально изменить как рынок политических маркетинговых услуг, так и механизмы реализации политического процесса со стороны государства. В качестве примера аналогичных изменений, происходивших в прошлом, можно привести массовое распространение искусственного интеллекта уровня ChatGPT, предоставляющего мгновенные текстовые ответы, включая ответы на запросы, связанные с политикой и выборами, начиная с 2021 года.

Большинство экспертов, участвовавших в нашем исследовании, обозначают в качестве наиболее вероятной модели трансформации российского регионального избирательного процесса дальнейшее расширение применения ИИ-моделей различных типов, а также разнообразных продуктов, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. К ним относятся как текстовые, так и визуальные продукты, а также непосредственно цифровые решения, интегрированные в социальные сети и мессенджеры. Это формирует высокую степень информационной насыщенности как в сфере информирования о выборах, так и в пространстве политической агитации. Кроме того, существуют более

узкие области применения искусственного интеллекта, например внедрение встроенных ИИ-ассистентов на государственных интернет-ресурсах, в частности на порталах, предназначенных для реализации ДЭГ, а также интеграция искусственного интеллекта на уровне отдельных алгоритмов и сервисов во внутреннюю архитектуру сайтов. Логичным представляется внедрение аналогичных технологий не только в интернет-порталы, но и в отдельные приложения, предназначенные для достижения тех же целей и задач. В результате формируется широкий спектр новых угроз, которые ранее не существовали. Первая из них связана с потенциальным появлением политических интересов у авторов программного обеспечения и исходного кода, то есть у разработчиков моделей искусственного интеллекта. Следует отметить, что, кроме возможных политических интересов у разработчиков и владельцев ИИ-моделей, определённые интересы могут возникать и у заказчиков, которые, в свою очередь, способны оказывать влияние на разработчиков и программистов. Таким образом, полностью исключить человеческий фактор даже при внедрении искусственного интеллекта невозможно. Вторая угроза заключается в вопросах кибербезопасности ИИ-моделей, уязвимых к внешнему воздействию как на этапе внедрения, так и на этапе эксплуатации подобных систем. Искусственный интеллект, как и любое программное обеспечение, может подвергаться кибератакам, включая внедрение шпионских программ или программ, способных вмешиваться в работу внутренних алгоритмов. В электоральной сфере последствия воздействия подобного вредоносного программного обеспечения могут оказаться существенными, особенно в масштабах отдельного региона. Дополнительную угрозу представляет возможность использования фишинговых аналогов официальных сайтов с целью получения доступа к функциям голосования, персональным данным граждан, а также к другим сервисам, предоставляемым через соответствующий портал, на котором работает подобная система.

По результатам проведённого исследования абсолютное большинство

экспертов выразили мнение о наличии объективной тенденции, предполагающей отказ от создания региональных онлайн-платформ для ДЭГ в субъектах Российской Федерации в пользу использования исключительно федеральной платформы. Данная установка рассматривается не только как характеристика текущего этапа, но и как долгосрочный тренд, способный определить не только технические параметры (архитектуру сайта и онлайн-платформы ДЭГ на региональном уровне), но и особенности политического распределения полномочий между региональными и федеральными акторами, в первую очередь избирательными комиссиями. Даже крупнейшие и наиболее технологически развитые регионы России либо не планируют, либо не стремятся инвестировать средства в создание собственных онлайн-платформ (например, Республика Татарстан, Московская область или город федерального значения Санкт-Петербург). Отмечается, что тип субъекта Российской Федерации (республика, область, край, автономный округ, автономная область, город федерального значения) не оказывает влияния на указанную тенденцию. Не предусматриваются отдельные исключения и в отношении зарубежных избирательных участков, организуемых при посольствах и консульствах, а также арендуемых территорий, включая город Байконур. Все функции, связанные с обеспечением безопасности, верификацией и проверкой данных, отслеживанием процессов шифрования, а также иные ключевые задачи возлагаются на федеральную платформу, что приводит к росту её значимости. Это обстоятельство требует не только постоянного технологического развития платформы, но и институционального совершенствования как самой системы, так и сопряжённых институтов. В настоящее время к таким институтам относятся наблюдательные площадки при территориальных избирательных комиссиях ДЭГ (одна действует на федеральном уровне, другая — при московском), а также экспертные площадки, формируемые ЦИК РФ, и специализированные пресс-конференции по вопросам ДЭГ. Следует подчеркнуть, что в настоящее время подобные площадки функционируют как в онлайн-, так и в офлайн-формате, а также охватывают различные регионы и

региональных акторов, заинтересованных в объективном контроле за процессом ДЭГ, особенно в пределах их субъекта, муниципалитета или избирательного округа. Участников, обладающих объективным интересом, можно классифицировать по принадлежности к политическим партиям и кандидатам либо по участию в общественных организациях.

В свою очередь, процесс увеличения объёмов региональной работы ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, даже с учётом технологического прогресса, неизбежно приведёт к необходимости расширения если не численного состава членов комиссии, то, по крайней мере, штата сотрудников. Такая потребность обусловлена не только бюрократическими задачами, которые могут решаться с применением программных алгоритмов и искусственного интеллекта, но и политическими аспектами. В каждом регионе требуется назначение ответственного лица по вопросам, связанным с ДЭГ, в чьи обязанности будет входить не только консультирование по возникающим вопросам до этапа возможных судебных разбирательств, но и формирование и поддержание политико-социального восприятия данной технологии. Следует учитывать, что отношение к ДЭГ может подвергаться изменениям даже после многолетнего функционирования системы в регионе. Данная должность должна предполагать публичность и открытость для общественности региона, а не оставаться вне поля зрения граждан. В настоящее время часть указанных функций возлагается на региональные избирательные комиссии. Однако их участие в реализации ДЭГ, за исключением отдельных значимых, но не публичных процессуальных аспектов, остаётся опосредованным.

С расширением географии и увеличением числа избирателей, участвующих в ДЭГ, ТИК ДЭГ будут сталкиваться с новыми вызовами, а также ставить и решать принципиально новые задачи. Это обстоятельство неизбежно приведёт к необходимости увеличения числа специалистов, задействованных в процессах подготовки, проведения и подведения итогов голосования с использованием ДЭГ. Сохранится и, вероятно, возрастет потребность в

привлечении профессионалов в области связей с общественностью, SMM-технологий, блогосферы и других смежных направлений. Информационная сфера, несмотря на значительное развитие технологий автоматизированного написания и распространения информационных материалов с применением искусственного интеллекта, продолжает привлекать всё большее количество специалистов в электоральный сегмент. Необходимо также учитывать потребность в увеличении штата системных администраторов, программистов, разработчиков приложений, тестировщиков, а также специалистов, отвечающих за обучение и создание ИИ-моделей различных типов. По всей вероятности, количество таких профессиональных кадров будет ежегодно возрастать. С учётом специфики электоральных процессов, особенно в области юриспруденции и политики, большинству данных специалистов потребуется специализированное обучение. Это, в свою очередь, обусловит необходимость формирования дополнительного штата образовательных кадров. Развитие современных онлайн-образовательных платформ, включая системы вебинаров и самостоятельного обучения, позволит сдерживать темпы роста числа таких специалистов, однако общее увеличение кадрового потенциала будет наблюдаться. Частично необходимый кадровый резерв может быть сформирован за счёт переориентации специалистов, в настоящее время занимающихся обучением членов участковых и территориальных избирательных комиссий.

При этом отклонение от общего тренда, но в то же время достаточно устойчивое, проявляется в том, что ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме продолжает функционировать независимо от ТИК ДЭГ при ЦИК РФ. Это обусловлено, с одной стороны, наличием уже действующей и самостоятельной системы ДЭГ, которая по ряду параметров даже превосходит федеральную платформу, а с другой стороны — необходимостью обеспечения функционирования технологии ДЭГ для населения города федерального значения Москвы, составляющего почти десятую часть всего населения Российской Федерации. Такой подход позволяет существенно снизить нагрузку на федеральную платформу. В случае

одновременного добавления к ТИК ДЭГ при ЦИК РФ всего объёма выборов, которые обслуживаются аналогичной комиссией при Мосгоризбиркоме, нагрузка на вычислительные мощности, кадровые ресурсы, а также на разработку программного обеспечения увеличилась бы приблизительно в 1,5 раза. В связи с этим позиция ЦИК РФ и Мосгоризбиркома, предусматривающая сохранение независимости соответствующих ТИК ДЭГ, представляется как предсказуемой, так и обоснованной. В среднесрочной перспективе для ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме можно прогнозировать расширение штата специалистов, в первую очередь технического персонала, что соответствует аналогичным процессам, происходящим в ТИК ДЭГ при ЦИК РФ. Ключевой особенностью московского ТИК ДЭГ, вероятнее всего, станет дальнейшее развитие технологий легитимации как отдельных процедур, так и системы ДЭГ в целом. Это объясняется тем, что политическая культура Москвы, а также динамика изменений политического сознания значительных групп московских избирателей характеризуются высокой степенью неоднородности, вследствие чего восприятие ДЭГ может формироваться как в радикально позитивном, так и в радикально негативном ключе. Несмотря на то что Москва обладает наибольшим опытом использования ДЭГ на региональном уровне (и в целом в России) с 2019 года, технология ДЭГ по-прежнему требует активного внедрения дополнительных механизмов легитимации, особенно в условиях московского электорального пространства.

Не менее значимым элементом, чем комфорт, выступает безопасность эксплуатации соответствующих технологий, и в данном контексте цифровые решения, применяемые в региональном избирательном процессе, не являются исключением. Безопасность в данной сфере может рассматриваться в нескольких аспектах. Во-первых, речь идёт о безопасности пользователя системы ДЭГ, то есть гражданина (избирателя). Именно такое понимание безопасности преобладает в большинстве нормативных и программных документов. Во-вторых, безопасность может трактоваться в утилитарном аспекте как бесперебойное

функционирование алгоритмов системы ДЭГ, а также стабильная работа веб-сайтов, порталов и механизмов аутентификации. В данном контексте безопасность ассоциируется с устойчивостью функционирования всей системы. В-третьих, безопасность может приобретать значение на государственном и региональном уровнях, когда нарушение работы системы приводит к угрозам национальной или региональной безопасности, что, в свою очередь, может выражаться в создании политической нестабильности в одном или нескольких регионах Российской Федерации, а также на федеральном уровне. В-четвёртых, вопросы безопасности и, соответственно, угрозы могут концентрироваться вокруг определённых групп лиц, например избирателей одного региона, избирательного округа или электорального объединения, принимающего участие в выборах в рамках единого дня голосования.

Источники угроз и вызовов в сфере обеспечения безопасности цифровых избирательных технологий отличаются значительным многообразием. Одним из них может выступать деятельность иностранных государств, реализуемая как в скрытой, так и в явно выраженной форме. Кроме того, угрозы могут исходить от отдельных государственных органов, действующих через официальные дипломатические каналы, с использованием технологий парадипломатии, а также посредством хакерских атак или операций специальных служб, включая разведывательные структуры. Существенную опасность представляют попытки воздействия со стороны террористических, экстремистских организаций, а также радикальных общественных объединений различной направленности. Внутренние политические акторы, как зарегистрированные (например, легально функционирующие политические партии), так и незарегистрированные (общественные движения и иные структуры), также могут стремиться повлиять на электоральные результаты в собственных интересах. Подобные действия требуют эффективного противодействия со стороны государственных институтов. К числу дополнительных источников угроз следует отнести технические сбои, программные ошибки и несовершенство функционирования системы. Особую

опасность представляют компьютерные вирусы и вредоносное программное обеспечение общего назначения, в частности фишинговые программы. Несмотря на то что такие программы изначально не ориентированы на вмешательство в электоральный процесс, они способны оказывать побочное, а в ряде случаев и критически опасное влияние на его функционирование. Таким образом, источники угроз и вызовов характеризуются не только разнообразием, но и многоплановостью, что обуславливает необходимость разработки адресных, квалифицированных мер реагирования как со стороны государства, так и со стороны общественных институтов.

Для упрощённого анализа можно использовать комплекс критериев, помогающих определить глубину интеграции цифровых технологий в политику в региональных избирательных кампаниях. В рамках разработки критериев эффективности и глубины внедрения цифровых технологий в российский региональный процесс выдвигается следующая система оценивания:

- 10 баллов за использование ДЭГ в рамках электоральных кампаний любого типа;
- 10 баллов за использование ДЭГ на всех уровнях избирательных кампаний (федеральном, региональном, муниципальном) в рамках одного региона;
- 10 баллов за наличие активных страниц в социальных сетях (минимум один пост или иной материал раз в месяц) как минимум 4 региональных отделений политических партий;
- 10 баллов за наличие активных (минимум один пост или иной материал раз в месяц) каналов и групп в мессенджерах как минимум 4 региональных отделений политических партий;
- 10 баллов за наличие активных (минимум три поста или иных материала раз в месяц) каналов и групп в мессенджерах, а также групп в социальных сетях как минимум 3 молодёжных организаций региональных отделений политических партий;
- 10 баллов за наличие региональных порталов по оказанию цифровых

государственных услуг населению помимо федерального портала “Гос.услуги”;

- 10 баллов за наличие странички социальных сетей и мессенджеров (регулярно обновляющегося, как минимум один пост или иной материал раз в месяц) региональной избирательной комиссии субъекта Российской Федерации;

- 8 баллов за наличие информационного портала или сайта региональной избирательной комиссии субъекта Российской Федерации (регулярно обновляющегося, новый материал выходит не реже одного раза в месяц);

- 5 баллов за наличие как минимум 10 активных персональных страниц кандидатов в социальных сетях во время последних выборов регионального парламентских выборов (материал на которых выходил не менее одного раза в неделю);

- 5 баллов за наличие как минимум 10 активных каналов мессенджеров кандидатов в социальных сетях во время последних выборов регионального парламентских выборов (материал на которых выходил не менее одного раза в неделю);

- 5 балла за существование чат-ботов региональных отделений политических партий, действовавших либо во время избирательной кампании, либо на протяжении всего времени;

- 2 балла за существование мониторинговой работы региональных государственных органов по сбору и анализу данных в социальных сетях о наиболее опасных инфоповодах;

- 2 балла за наличие региональных негосударственных СМИ, имеющих выпуск материала на цифровых-онлайн платформах, освещающих политические и электоральные события в регионе;

- 2 балла за производство интернет-мемов о 2 последних электоральных кампаниях, которые оказались опубликованы в общедоступных региональных средствах массовой информации;

- 1 балл за наличие собственной онлайн-платформы для реализации ДЭГ отдельной от ТИК ДЭГ при ЦИК РФ.

По каждому критерию устанавливается либо максимальное количество баллов стоимости каждого критерия, либо ноль. Ценность каждого критерия соответствует значимости его сущностного наполнения, определённый не только благодаря сравнительному анализу, но и благодаря оценкам данным экспертами в глубинном интервью.

На основе этих критериев можно составить рейтинг, где будут ранжированы все субъекты Российской Федерации. Где 100-97 - весьма высоко развитый в цифровом электоральном плане регион. 96 - 82 балла соответствует высоко развитому в цифровом электоральном плане региону. 81 - 59 баллов соответствует среднему уровню развития цифровых политических технологий в региональном политическом процессе. 58 - 38 баллов низкий уровень развития цифровых политических технологий в региональном политическом процессе. 38 - 0 баллов соответствует угрожающе низкому уровню развитию региона в рамках цифрового электорального процесса.

Лидером этого рейтинга и единственным регионом, который пока один набирает 100 баллов является город федерального значения Москва. Отстающими регионами как правило становятся субъекты Российской Федерации, испытывающие трудности с покрытием большей части своей площади высокоскоростным интернетом, как с помощью вышек-ретрансляторов, так и с помощью оптоволоконных кабелей. Так, Чукотский автономный округ набирает в этом рейтинге лишь 42 балла, что свидетельствует о низком уровне развития цифровых электоральных технологий в этом регионе. Одну из высоких позиций занимают также Нижегородская и Ярославская область. Ярославская область получает 97 баллов, а Нижегородская 87 баллов соответственно. Это одни из самых высоких результатов. Успех обусловлен несколькими факторами, это и большой период реализации ДЭГ (в обоих случаях с 2020 года), и большое высоко урбанизированное население регионов, а также наличие высоко скоростного интернета и развитой онлайн и в целом цифровой инфраструктур. Любой субъект Российской Федерации может быть подвергнут рейтингованию и

анализу в рамках поэтапного сравнения региональных практик по каждому критерию. Все критерии не только в конечном счёте формируют рейтинг, но и образуют единую систему оценивания, а также на системном уровне помогают формировать рекомендации по улучшения и совершенствованию, а также внедрению новых цифровых политических технологий в российском региональном электоральном процессе. Особую значимость представляют оценки регионов, которые находятся на низком или угрожающе-низком уровне развития региона в рамках цифрового электорального процесса.

Анализ сценариев повышения или снижения уровня безопасности осуществляется во всех перечисленных сферах одновременно, поскольку уязвимость в одной из них приводит к увеличению вероятности возникновения угроз в других областях.

Первый сценарий основывается на предположении о повышении уровня безопасности во всех четырёх указанных сферах. Достижение этого возможно исключительно посредством оперативного внедрения передовых технологий государством в избирательный процесс. Только постоянное участие в технологической конкуренции с политическими и цифровыми акторами обеспечивает избирательным комиссиям, правоохранительным органам рост уровня безопасности. Следует отметить определённый парадокс в развитии технологий, ориентированных на обеспечение безопасности: даже для поддержания прежнего уровня защищённости государственным органам приходится прилагать значительные усилия, поскольку технический прогресс сопровождается увеличением числа угроз и появлением новых рисков. В современных условиях реализация данного сценария невозможна без участия крупных IT-корпораций — так называемых цифровых гигантов. Для успешного взаимодействия с государством и выполнения соответствующих заказов такие компании должны соответствовать ряду обязательных критериев. Во-первых, наличие юридического и фактического адресов на территории страны, в которой осуществляется деятельность. Во-вторых, размещение собственных серверных

мощностей в пределах этой же страны. В-третьих, соответствие техническому уровню решаемых задач, знание рынка, особенностей функционирования политической системы, а также соблюдение действующего законодательства страны. Кроме того, такие компании обязаны закреплять в своих корпоративных этических кодексах приверженность патриотическим, нормативным и этическим принципам государства, выступающего заказчиком или привлекающего их к решению задач в электоральной сфере. Перечисленные требования представляют собой минимально необходимый набор условий для выбора компании-партнёра или подрядчика для государства.

Для реализации первого сценария необходимым условием является наличие развитой научной базы, обладающей междисциплинарным характером и охватывающей ключевые отрасли научного знания. В первую очередь особое внимание должно уделяться развитию исследований в сфере кибернетики и наук об информации, электроники и техники, а также политологии и социологии. Сосредоточение усилий исключительно на одной научной дисциплине неизбежно приведёт к институциональному дисбалансу, что, в свою очередь, может обусловить дисфункцию всей системы ДЭГ либо отдельных её значимых элементов. Это утверждение справедливо как в отношении точных и математических дисциплин, так и в отношении гуманитарных и социальных наук. Следует отметить, что среди специалистов существует точка зрения, согласно которой политология может рассматриваться как точная наука (эту позицию, в частности, разделяет О.Ф. Шабров). Тем не менее даже при условном размывании границ между дисциплинами в рамках современного междисциплинарного подхода односторонний акцент способен вызвать крайне негативные последствия. Научные исследования должны быть ориентированы на создание новых технологий, совершенствование уже существующих решений, а также на мониторинг практического функционирования применяемых технологических средств. Дополнительно необходимо учитывать требования по соблюдению государственной тайны при проведении исследований в данной сфере, если это

предусмотрено законодательством. Регламентация порядка засекречивания научных работ должна осуществляться в соответствии с нормативно-правовыми актами Российской Федерации, а также экспертными решениями, отражёнными в подзаконных нормативных актах. Кроме того, координация и обсуждение научных вопросов могут организовываться на специализированных экспертных площадках, функционирующих при ЦИК РФ, ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, Мосгоризбиркоме, а также ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме. Уже в настоящее время отдельные элементы такой деятельности находят отражение в работе Российского центра обучения избирательным технологиям (РЦОИТ), в информационных изданиях ЦИК РФ, а также в научном журнале «Гражданин. Выборы. Власть», который издаётся при участии ЦИК РФ. Положительным фактором является то, что по состоянию на 2025 год в состав ЦИК РФ входит профессиональный политолог, который занимает должность председателя Российского общества политологов. Кроме того, заместитель председателя ТИК ДЭГ при ЦИК РФ по состоянию на 2025 год также является профессиональным политологом и возглавляет Ярославское региональное отделение Российской ассоциации политической науки (РАПН).

Первый сценарий предусматривает активное и структурированное участие гражданского общества в деятельности по легитимации ДЭГ. Такое участие должно осуществляться не спонтанно, а на базе специально созданных платформ, обеспечивающих консолидацию усилий. В рамках критического рассмотрения данного положения могут возникать утверждения о частичном вовлечении государства в эти процессы. Однако необходимо учитывать, что государство и гражданское общество не находятся в состоянии постоянной конфронтации, а, напротив, ориентированы на достижение общих целей и взаимное развитие. Указанные площадки должны функционировать в качестве консультативных, совещательных и молодёжных советов. В их состав целесообразно включать представителей крупных общественных организаций, обладающих реальным влиянием, лидеров общественного мнения, ведущих представителей блогосферы

и авторов, пользующихся авторитетом в социальных сетях и мессенджерах. При этом важно обеспечить оптимальный баланс между профессиональными участниками и медийными представителями общественности для достижения целей экспертного сопровождения и одновременного расширения медийного охвата среди избирателей и граждан в целом.

Второй сценарий предусматривает снижение общего уровня безопасности при использовании комплекса ДЭГ, а также в сфере электоральных процессов в целом. Ключевым условием реализации данного сценария становится ослабление роли государства в обеспечении контроля над информационными, медийными и непосредственно электоральными процессами. Поскольку в данном случае подразумевается общее снижение уровня безопасности, возникновение этого сценария может рассматриваться как следствие масштабного кризиса, затрагивающего различные сферы деятельности.

Другим ключевым условием реализации данного сценария становится свёртывание и замедление развития технологий контроля над интернет-пространством, особенно в отношении отечественного сегмента интернета. В этом контексте важное значение приобретают не только жёсткие ограничительные меры, применяемые государственными регуляторами, такими как Роскомнадзор или профильные центры МВД РФ, но и сложные технические регуляции, связанные с локализацией трафика, каналов передачи данных, дата-центров, а также программного обеспечения, за внедрение которых отвечают Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и ряд других ведомств. Одной из причин возможного кризиса может выступать недостаточный уровень регуляторной деятельности со стороны государственных органов, на которые возложены задачи по созданию архитектуры и проектированию системы ДЭГ, прежде всего избирательных комиссий различных уровней. Наибольшая ответственность в данном вопросе возлагается на ЦИК РФ, ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, Мосгоризбирком и ТИК ДЭГ при Мосгоризбиркоме, что определяется спецификой их полномочий в

соответствии с действующим законодательством. Дополнительная ответственность ложится на суды Российской Федерации различных инстанций, которым предстоит формировать объективную судебную практику по разрешению правоприменительных и нормативных вопросов, связанных с функционированием ДЭГ. Особое значение приобретает деятельность Конституционного суда Российской Федерации, поскольку именно принимаемые им решения формируют правовые основы и дух регулирования в сфере ДЭГ.

Дополнительным условием реализации данного сценария может выступать стратегическое отставание в области технологий передачи данных и ограниченные возможности воздействия на этот процесс в условиях конкуренции с другими государствами. В первую очередь это относится к вопросам кибербезопасности. В подобной ситуации кибератаки, использование вредоносного программного обеспечения со стороны иностранных государств становятся основной угрозой, особенно при наличии технического превосходства противников, конкурентов над российскими программными решениями. Данный риск, с одной стороны, представляется маловероятным, однако в условиях современной геополитической ситуации, характеризующейся новой «гонкой вооружений», подобный сценарий приобретает дополнительную актуальность. В отличие от периода Холодной войны, ключевое значение приобретают вопросы разработки программного обеспечения, искусственного интеллекта, а также создание вредоносных программ и компьютерных вирусов. Следует учитывать, что угрозу могут представлять не только разработки недружественных Российской Федерации государств, но и технологии, создаваемые в третьих странах, поскольку современные программные и алгоритмические решения часто обладают универсальным характером. В результате даже случайно распространённый вирус способен нанести значительный, а иногда и трудноустранимый, ущерб социальным сетям, мессенджерам, объектам критической инфраструктуры, а также функционированию государственных веб-сайтов, порталов. Следует отметить, что непосредственное влияние на работу

системы ДЭГ ввиду её высокой степени изолированности будет минимальным, за исключением сценариев масштабного взлома портала «Госуслуги.ру» или портала Мэра Москвы. Однако в подобных случаях возможен существенный репутационный, имиджевый, а также брендовый ущерб для государства и системы ДЭГ в целом. Это обстоятельство способно привести к подрыву легитимности и ослаблению механизмов легитимации данной технологии. Кроме того, недружественные государства могут преследовать цель не полного разрушения электоральной системы, а создание негативных информационных поводов и нанесение тактического вреда. Подобные действия могут напоминать «активные меры» специальных служб или представлять собой разновидность информационного воздействия, направленного на дестабилизацию ситуации.

В рамках данного сценария возможно развитие различных направлений, основанных на концепциях различных типов войны и противостояния между государствами. К ним относятся психологические, информационные, кибернетические, гибридные и смешанные войны, а также их сочетания. В качестве потенциальных противников могут рассматриваться не только отдельные государства, но и их союзы, партнёрства, военные блоки. Наибольшую угрозу представляют именно военные блоки; вместе с тем при анализе сценарных планов особое значение приобретают не все участники блока, а лидирующие, наиболее мощные и технологически развитые страны в их составе. Перечень потенциальных угроз, исходящих от подобных акторов, продолжает расширяться, особенно в среднесрочной перспективе, по мере развития процессов, связанных с созданием «универсального кода», самообучающихся интеллектуальных систем и других аспектов цифровой конкуренции.

Внутренние акторы, включая политические силы, не представляют значительной угрозы и существенно уступают по степени опасности и количеству потенциальных рисков внешним субъектам. Ни оппозиционные политические партии (в том числе незарегистрированные), ни общественные движения, ни отдельные лидеры общественного мнения, а также внутренние цифровые

команды и коллективы не обладают возможностями для реализации второго сценария в полной мере. Однако при наличии внешней поддержки любой из перечисленных субъектов становится значительно опаснее и способен существенно снизить общий уровень безопасности. В подобной ситуации речь идёт уже не о сугубо внутренних акторах, а скорее о внешних, среди которых могут присутствовать иностранные агенты, экстремистские организации. Тем не менее даже такие субъекты не способны самостоятельно обеспечить резкое снижение уровня безопасности цифрового пространства электоральной среды, а также непосредственного функционирования ДЭГ. В качестве гипотетической угрозы можно рассматривать действия крупных отечественных цифровых корпораций. На текущий момент такие компании не позиционируют себя в качестве политических или частично политических акторов и не осуществляют соответствующую деятельность. Однако нельзя исключать возможность формирования у них собственных политических интересов и возникновения потенциала для существенного влияния на политическое сознание граждан.

Для второго сценария характерна одна специфическая особенность: уровень общей безопасности цифрового электорального процесса в значительной степени не зависит от самих граждан (избирателей). С одной стороны, можно привести технические примеры, когда неосторожные действия граждан при работе с аккаунтами в государственных сервисах приводят к получению доступа к ним мошенниками, что в политическом контексте может быть использовано для воздействия на результаты голосования посредством государственных порталов и системы ДЭГ. С другой стороны, в случае масштабных фишинговых атак или применения специализированных вредоносных программ, нацеленных на массовый взлом аккаунтов граждан, уровень персональной ответственности и личного контроля со стороны самих пользователей остаётся минимальным. Существенное влияние способны оказывать преимущественно традиционные, масштабные формы политической кооперации, к числу которых относятся политические партии. Данные структуры обладают возможностями воздействия

на общественно-политические процессы посредством участия в нормотворческой деятельности различных представительных органов государственной власти. Они не только разрабатывают и выдвигают законодательные инициативы, но и обеспечивают их последующее закрепление в нормативных правовых актах. Указанное обстоятельство приобретает особую значимость, поскольку только государство располагает реальными инструментами воздействия на современные информационные гиганты, включая IT-корпорации. В арсенале государства находятся механизмы локализации, введения ограничений, применения санкций, а также возможности физического воздействия в отношении руководителей компаний, их сотрудников, внутренней политики и вопросов собственности соответствующих организаций. Кроме нормативного воздействия, государство располагает механизмом прямого санкционного влияния в рамках исполнительной власти, определять направления которого возможно только через занятие высших выборных должностей. В данном контексте отдельные индивиды, малые объединения не обладают значимыми возможностями для влияния, даже несмотря на развитие новых информационных технологий и социальных медиа. Для занятия высших государственных постов, кроме масштабной и технологически развитой информационной кампании, необходима поддержка наиболее влиятельных политических институтов и акторов.

Третий сценарий предполагает развитие ситуации, при которой уровень общей безопасности останется неизменным, сохранится на текущем уровне. Данный сценарий представляется наиболее вероятным и обладает рядом объективных предпосылок для реализации. Его основными характеристиками являются поддержание паритета и баланса между всеми политическими акторами, участвующими в политико-цифровых электоральных процессах и стремящимися оказывать влияние на их результаты. Поскольку текущий уровень безопасности можно оценить как удовлетворительный для политической системы Российской Федерации, ключевым условием реализации данного сценария становится сохранение ведущей роли государства в формировании и функционировании

систем ДЭГ, а также в обеспечении контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации в большинстве сегментов современных медиа. Дополнительное значение приобретает развитие государственных инициатив в сфере информационных технологий, IT-решений и цифровых продуктов.

Следует отметить, что для реализации данного сценария необходим высокий уровень научного развития. Это обусловлено как современным достаточно высоким качеством научных исследований в технической и социально-гуманитарной сферах, так и необходимостью не только поддерживать достигнутые результаты, но и обеспечивать их дальнейший рост. Подобная динамика объясняется тем, что разработки конкурирующих сторон продолжают совершенствоваться и не находятся в состоянии стагнации. Особое значение приобретает поддержка и развитие не только федеральных, но и региональных научных школ, занимающихся проблематикой ДЭГ и иных цифровых электоральных технологий.

В рамках данного исследования актуальной является региональная проблематика. Необходимо отметить, что именно третий сценарий предусматривает поэтапное развитие и внедрение как системы ДЭГ, так и других цифровых электоральных технологий на уровне субъектов Российской Федерации. Уже в настоящее время фиксируется существенное влияние этих технологий на региональные политические процессы¹⁶⁶. При этом влияние проявляется преимущественно в процессуальных аспектах и трансформации региональных политических институтов, без непосредственного воздействия на итоговые электоральные результаты. Для поддержания необходимого уровня общей безопасности требуется привлечение учёных-исследователей к работе в составе экспертных, консультативных и совещательных органов при органах власти, особенно при избирательных комиссиях различных уровней. Включение представителей научного сообщества в качестве членов избирательных комиссий

---

¹⁶⁶ Федоров, В.И. ДЭГ как фактор влияния на результаты губернаторских выборов в 2022-2024 гг / В.И. Федоров // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 43-46.

с правом решающего голоса отчасти уже реализовано по состоянию на 2026 год. Тем не менее для сохранения достигнутых результатов и укрепления сильных сторон применения ДЭГ и сопутствующих технологий целесообразно усилить сложившуюся тенденцию по интеграции учёных-экспертов в деятельность государственных органов. Особое внимание следует уделить сохранению практики включения профессиональных политологов в состав избирательных комиссий — данный подход уже реализуется в ЦИК РФ, ТИК ДЭГ при ЦИК РФ, а также во многих региональных избирательных комиссиях.

На основе сравнительного анализа всех трёх сценариев можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, пессимистичный сценарий представляется наименее вероятным, что объясняется не столько наличием стратегических проблем у государств-оппонентов или иными внешними факторами, сколько уже реализованными мерами, обеспечивающими не только сохранение общего уровня безопасности, но и создающими условия для роста и развития соответствующих технологий по меньшей мере в среднесрочной перспективе. Для более долгосрочных прогнозов на данный момент отсутствует необходимый инструментарий, а объём открытых данных остаётся недостаточным, что затрудняет построение лонгитюдных сценарных планов и приводит к их высокой степени условности. Во-вторых, для всех рассмотренных сценариев характерно сохранение «гонки вооружений» в сфере технологий воздействия на выборы и противодействия этим технологиям. Участие в данном процессе становится объективной реальностью для всех крупных, значимых государств на мировой арене. При этом такие государства не обязательно находятся во враждебных отношениях; само наличие соответствующих технологий, даже появляющихся в качестве ответных мер, вовлекает их в глобальное технологическое противоборство. В-третьих, поскольку система ДЭГ является неотъемлемым элементом всех сценарных планов и с высокой вероятностью продолжит функционировать в среднесрочной перспективе как на федеральном, так и на региональном уровне, можно утверждать, что ДЭГ

останется устойчивой тенденцией, оказывающей значительное влияние на политические процессы, включая процессы на уровне субъектов Российской Федерации. В-четвёртых, значительная часть ответственности за обеспечение безопасности во всех сценариях неизбежно ложится на каждого отдельного пользователя — гражданина (избирателя). Государство осуществляет делегирование и перераспределение ответственности между собой и отдельными гражданами, поскольку значительная часть мероприятий по обеспечению правопорядка, включая профилактические меры, реализуется на уровне личного выбора и индивидуального взаимодействия с потенциальными источниками цифровых угроз. Противодействие фишингу, кибермошенничеству, компьютерным вирусам и вредоносному программному обеспечению осуществляется лишь частично со стороны государственных институтов. В-пятых, несмотря на отмеченную тенденцию возложения части ответственности на пользователя, роль государства в обеспечении безопасности в данной сфере будет возрастать. Это обусловлено тем, что государство выступает единственным актором, обладающим одновременно необходимой мотивацией, интересами, а также достаточными ресурсами и полномочиями для эффективной реализации задач в области кибербезопасности.

Таким образом, цифровую трансформацию нельзя считать завершённой. Вместе с тем её основные и фундаментальные тренды, тенденции уже поддаются анализу, что и было осуществлено в данной работе. Несмотря на существующие угрозы, риски, вызовы и проблемы технического характера, с высокой вероятностью данный процесс приобретает необратимый характер. Его динамика характеризуется постоянным ускорением, частичными трансформациями, при этом сохраняется устойчивое воздействие на основные политические институты на региональном уровне Российской Федерации. Сценарии, предложенные в настоящем параграфе, с высокой степенью вероятности могут быть частично реализованы как в офлайн-, так и в онлайн-политических процессах большинства субъектов Российской Федерации.

В данном параграфе представлены сценарии развития и реализации цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса. Кроме того, предложены критерии для оценки эффективности и безопасности внедрения политико-цифровых технологий в субъектах Российской Федерации.

Выводы второй главы

Выявленными в данном исследовании особенностями цифровизации российского регионального избирательного процесса являются следующие:

- на начальном этапе в большинстве случаев цифровые политические технологии заимствуются из сферы цифровой экономики и бизнес-технологий, что приводит к развитию маркетинговых моделей их использования и акценту на удобстве для пользователя;

- внедрение цифровых технологий в региональный электоральный процесс создаёт риск немедленного проведения ответных информационных кампаний по их дискредитации со стороны политической оппозиции, что на практике происходит в подавляющем большинстве случаев и формирует специфический контекст политического пиара;

- цифровые политические технологии оказывают прямое влияние на абсолютное большинство политических институтов региональной политической системы, а не только на региональные избирательные комиссии; при этом воздействие распространяется даже на отдельных избирателей;

- цифровое политическое пространство вытесняет, но при этом не устраняет политическое пространство вне цифровой среды в электоральном поле, что приводит к формированию лагерей приверженцев обоих электоральных пространств на региональном уровне;

- выявлен объективный парадокс одновременного роста прогнозируемости и непредсказуемости электоральных результатов на региональном уровне; с одной стороны, развивается математический аппарат и совершенствуются

статистические методы; с другой стороны, улучшается качество и повышается доступность цифровых технологий для потенциальных конкурентов — широкого, трудно определимого круга акторов, — что порождает эффекты, не учитываемые в прогнозных моделях; в результате доля точных прогнозов увеличивается, при этом статистически значимой остаётся вероятность оценок, радикально расходящихся с фактическими электоральными итогами, особенно на региональном уровне;

- ключевым фактором легитимации и одной из основных причин внедрения большинства цифровых политических технологий выступает изначально неполитический мотив удобства осуществления формальных процедур для гражданина-избирателя;

- резкое появление большого количества цифровых технологий в электоральном поле на уровне региона обуславливает низкий уровень гарантий результата для клиентов со стороны политтехнологов;

- появление новых цифровых политических технологий приводит к сегментации электората даже в рамках одного региона;

- важным фактором регионального политического процесса становится контроль над политическими цифровыми технологиями и возможности их применения в регионе, что приводит к включению в число политических акторов дополнительных субъектов, в том числе изначально неполитических (например, компании цифровой экономики);

- политические цифровые технологии в абсолютном большинстве случаев не создают принципиально новые форматы политического и социального взаимодействия, а лишь воспроизводят аналоговые технологии.

Этапы цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса можно представить в виде трёх временных отрезков.

Первый этап — этап становления (с середины 1990-х годов по 2008 год). Для него характерны первичная компьютеризация избирательных процедур, внедрение первых систем электронного подсчёта голосов, появление

предвыборной агитации, информирования о выборах в интернете, а также становление политической журналистики в онлайн-среде.

Второй этап — этап начала цифровизации регионального избирательного процесса (2009–2019 годы). Этот период характеризуется развитием различных онлайн-технологий, экспансией социальных сетей и мессенджеров в политическую жизнь регионов.

Третий этап — этап цифровой трансформации (2019–2026 годы). В ходе данного этапа цифровые технологии постепенно вытесняют аналоговые, хотя и не замещают их полностью. Этап цифровой трансформации характеризуется внедрением ДЭГ, интенсивным развитием онлайн-технологий (во многом в связи с пандемией COVID-19), а также началом эксплуатации технологий ИИ.

ДЭГ является легитимной избирательной технологией в Российской Федерации, при этом нуждается в дополнительных механизмах легитимации на региональном уровне. Это необходимо как для предотвращения политических, информационных, медийных и иных провокаций со стороны внешних акторов (в том числе иностранных), так и для повышения уровня понимания гражданами принципов работы данной технологии. Укрепление доверия к ДЭГ служит важным условием формирования и закрепления позитивного образа этой формы голосования в политическом сознании региональных избирателей.

Вместе с тем внедрение ДЭГ не влечёт существенных изменений в результатах региональных выборов и не приводит к радикальному росту явки: изменения составляют приблизительно 3–5 процентных пунктов по сравнению с аналогичными кампаниями до его использования. Не подтверждается и представление о ДЭГ как о технологии преимущественного привлечения молодёжи: в целом сохраняется баланс участия возрастных групп, сопоставимый с показателями очного голосования. В то же время ДЭГ обеспечивает возможность голосования для каждого гражданина в формате, который соответствует современным стандартам цифровых технологий.

С учётом текущих политических процессов можно выделить три наиболее

вероятных сценария дальнейшего развития цифровой трансформации регионального избирательного процесса в Российской Федерации.

Данные сценарии различаются степенью баланса между соблюдением принципов безопасности и обеспечением комфортности для гражданина-избирателя:

- мобильный (новые технологии внедряются быстрыми темпами при относительно высоких рисках для гражданина в области защиты персональных данных, в сфере кибербезопасности);
- сбалансированный (используются механизмы, сглаживающие процесс внедрения технологий (региональные эксперименты, поэтапное тестирование в течение периода до одного года, что позволяет сочетать развитие цифровых решений с приемлемым уровнем безопасности и удобства);
- жёсткий (приоритет безопасности превалирует над комфортом и доступностью; такой сценарий характеризуется тяготением к фиджитал-форматам и даже к преимущественно явочным офлайн-технологиям на региональных выборах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая трансформация регионального политического процесса в России в политтехнологическом измерении сегодня является актуальным направлением исследования в современной политической науке. Данная трансформация представляет значительный интерес как для политологов, так и для политических практиков. Политологи, политтехнологи, политконсультанты, а также другие сотрудники избирательных штабов нуждаются в системном переосмыслении основных подходов к организации региональных избирательных кампаний. В этом контексте настоящее диссертационное исследование направлено на решение ряда актуальных практических задач, а также на развитие теоретических представлений политической науки в данной сфере.

Обосновано, что наиболее вероятными являются три сценария дальнейшей цифровой трансформации избирательной системы любого региона Российской Федерации. Все три сценария исходят из различной степени текущего уровня внедрения цифровых технологий в регионе и опираются на различные подходы к обеспечению технологического баланса между безопасностью гражданина как пользователя и получателя информации, с одной стороны, и динамикой технического совершенствования, направленного на повышение удобства использования соответствующих технологий, с другой стороны.

Условно данные сценарии могут быть обозначены следующим образом:

- мобильный (характеризуется низким уровнем безопасности при ускоренной интеграции всё большего числа новых технологий);
- сбалансированный (предполагает поддержание технологического

равновесия между требованиями безопасности и динамикой цифрового развития);

- жёсткий (устанавливает приоритет высокой защищённости политической системы, цифровой экосистемы и каждого конкретного гражданина-избирателя, что требует тщательной предварительной проверки и поиска уязвимостей каждой цифровой технологии до её внедрения).

Ключевой цифровой политической, и в особенности электоральной, технологией в современной России является ДЭГ. Эта технология оказывает влияние на функционирование всех основных политических институтов региональных политических систем и формирует новую политическую среду для реализации пиар-стратегий политических акторов регионального уровня. Установлено, что ДЭГ нуждается в дополнительных технологиях легитимации и что с технологической точки зрения данный институт можно распространить на все регионы Российской Федерации. В то же время полная территориальная экспансия ДЭГ пока не реализована вследствие технологической неготовности ряда регионов. Это обусловлено как особыми природно-географическими условиями (в частности, периферийным или изолированным положением, затрудняющим обеспечение населения стабильным интернет-соединением), так и специфическими условиями безопасности (прежде всего в регионах, непосредственно связанных с проведением специальной военной операции). Тем не менее, по мнению большинства опрошенных экспертов исследования, данные ограничения преодолены. ДЭГ с высокой степенью вероятности можно рассматривать как долгосрочную технологию, которая закрепится в политическом пространстве абсолютного большинства регионов Российской Федерации практически при любом варианте дальнейшего политического развития. Бесспорным достоинством данного института является повышение удобства и расширение доступности реализации избирателями своего права на участие в голосовании. В отношении системы ДЭГ выявлен парадокс: на данном этапе развития технологий проверка результатов подсчёта голосов фактически не представляется возможной, в том числе по запросу суда, в рамках проведения

судебных экспертиз. Указанное ограничение является не случайным, а выступает необходимым следствием обеспечения тайны голосования избирателя, что является характерной особенностью организации ДЭГ в Российской Федерации. В условиях расширения практики применения ДЭГ на первый план выходит проблема противодействия кибератакам и созданию вредоносного программного обеспечения, способных привести к манипулированию ходом и итогами голосования, усилить потенциальное внешнее (в том числе иностранное) вмешательство в электоральный процесс. ДЭГ является составной частью более общего феномена — электронного голосования, поэтому требования безопасности должны распространяться на весь комплекс электронного голосования.

Политическая агитация, информирование избирателей с каждым годом в возрастающей степени переходят в цифровое пространство, тогда как сфера традиционной офлайн-агитации неуклонно сокращается. Вместе с тем выявляется устойчивая закономерность: печатная агитационная продукция не исчезает полностью, а сохраняется хотя бы в минимальном объёме. Параллельно формируются не только новые цифровые форматы агитации, но и новые дизайнерские решения и конструкции для материальной (офлайн) агитации. В сфере цифровой агитации наблюдается тенденция к концентрации политического контента в рамках одной-двух социальных сетей и преимущественно одного, значительно реже — двух мессенджеров. При этом наблюдается существенная региональная специфика в вопросе главенства конкретного информационного сервиса, что обусловлено значительными различиями в структуре их использования по регионам. Вместе с тем установлено, что для региональных избирательных кампаний существуют универсальные рекомендации по ведению аккаунтов в социальных сетях и каналов (групп) в мессенджерах. Активное внедрение технологий ИИ порождает риск формирования масштабных сетей ботов, которых практически невозможно отличить от реальных пользователей. В то же время при решении локальных, специализированных задач ИИ существенно

облегчает работу пиар- и SMM-служб избирательных штабов регионального уровня.

Представляется обоснованным выделить три этапа цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса.

Первый из них — этап становления (с середины 1990-х годов по 2008 год). Данный этап характеризуется первичной компьютеризацией избирательного процесса, внедрением первых элементов электронного подсчёта голосов, зарождением онлайн-агитации, информирования о выборах в интернете, а также становлением политической журналистики в онлайн-среде. К ключевым результатам данного этапа, продолжающим оказывать влияние на современную политическую практику, относятся компьютеризация избирательных процедур, переход к цифровым решениям в организации избирательного процесса, а также апробация технологий электронного подсчёта голосов.

Второй — этап начала тотальной цифровизации регионального избирательного процесса (2009–2019 годы). Указанный период характеризуется интенсивным развитием онлайн-технологий и экспансией социальных сетей и мессенджеров в политическую жизнь регионов. К существенным элементам, сформировавшимся на этом этапе и продолжающим влиять на современную политическую жизнь, относятся перенос политической коммуникации в социальные сети, а затем и в мессенджеры, создание сайтов (в том числе с интерактивным интерфейсом), а также формирование у широких групп избирателей первичных поведенческих привычек в онлайн-среде.

Третий — этап цифровой трансформации (2019–2026 годы), в ходе которого цифровые технологии существенно вытесняют аналоговые, хотя и не приводят к их полной отмене. Данный этап характеризуется внедрением ДЭГ, качественным ростом онлайн-технологий (во многом вследствие пандемии COVID-19), а также началом практического использования технологий ИИ в избирательном процессе. К ключевым элементам, формирующимся на указанном этапе, относятся переход к системному использованию ДЭГ, электронного

голосования; активное внедрение онлайн-голосования на праймериз политических партий; расширение практики удалённых средств политической коммуникации; появление и распространение новых форматов политической активности в цифровой среде (митинги в формате видеоконференций, встречи аватаров сторонников политических партий в едином виртуальном пространстве популярных онлайн-игр и др.).

Сроки цифровой трансформации российского регионального избирательного процесса (отметим, что, как и любой процесс, она должна иметь своё завершение) в среднесрочной перспективе не определяются. Это подтверждается позициями, зафиксированными в многочисленных экспертных интервью, проведённых в рамках данного исследования: практически все опрошенные эксперты придерживаются данной точки зрения. Указанная неопределённость обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, по состоянию на 2025 год продолжается активное совершенствование технологий, разрабатываются новые решения, увеличивается число областей их применения. Во-вторых, государство (в частности, органы власти субъектов Российской Федерации), региональные политические акторы ориентированы на дальнейшее внедрение цифровых технологий, их адаптацию к собственным потребностям и усиление своей активности в цифровом политическом пространстве.

Такие технологии, как цифровая электронная подпись (разной степени защиты), онлайн-банкинг, криптовалютные операции, краудфандинговые кампании, существенно изменяют ландшафт региональных избирательных кампаний; они выступают не только в качестве инструментов политтехнологий, но и как функциональные технологии, влияющие на процедуру проведения выборов, общественное восприятие избирательного процесса и конструирование его образа в регионах Российской Федерации. В разных субъектах Российской Федерации проявляется специфика практик их использования, которая, несмотря на наличие отдельных повторяющихся элементов, характеризуется значительной вариативностью даже в отношении строго регламентированных цифровых

технологий в политике.

ИИ является не просто отдельной технологией или комплексом технологий, а практически универсальным инструментом для организации избирательной активности всех участников процесса — от избирательных комиссий до отдельных кандидатов. В среднесрочной перспективе ИИ станет неотъемлемой составляющей всех без исключения региональных избирательных кампаний, как минимум в рамках поиска, обработки информации с помощью встроенных языковых моделей в поисковых сервисах популярных браузеров. Кроме того, специализированные большие языковые модели, в том числе создаваемые и поддерживаемые при участии государства, смогут оказывать содействие в подготовке документов для регистрации кандидатов, а также в организации, упрощении взаимодействия с избирательными комиссиями.

Одной из ключевых угроз в сфере информационной безопасности являются кибератаки, а также создание и распространение вредоносного программного обеспечения (в том числе «компьютерных вирусов»). Эти действия преимущественно осуществляются недружественными государствами, а в отдельных случаях — неправительственными акторами: независимыми (часто нелегальными) цифровыми коллективами («хакерскими группами») и транснациональными корпорациями. Ещё одной значимой угрозой является формирование так называемых цифровых капсул, цифровых пузырей вокруг пользователей социальных сетей и мессенджеров, что приводит к изоляции пользователей от получения адекватной, неангажированной информации, в том числе в политической сфере. К числу наиболее существенных угроз также относится рост на региональном уровне экстремистских, террористических, сепаратистских сообществ, чему способствует относительная простота создания и поддержания сетевых структур с использованием мессенджеров, социальных сетей, а также форумов в сегменте теневого интернета.

Диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейших разработок в области политической науки, а также других социально-

гуманитарных дисциплин. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация во многом находится в авангарде процессов цифровизации политики, в том числе на региональном уровне. В связи с этим многие выводы исследования могут быть экстраполированы на региональные избирательные кампании в других странах, прежде всего с федеративной моделью государственного устройства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые акты:

- 1) Конституция Российской Федерации Электронный ресурс:
<http://kremlin.ru/acts/constitution> (Дата обращения: 10.02.2025)
- 2) Федеральный конституционный закон “О референдуме Российской Федерации” от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/?ysclid=m7fb2raicj722081517 (Дата обращения: 10.02.2025)
- 3) Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/?ysclid=m7fc1kwiw5177994974 (Дата обращения: 10.02.2025)
- 4) Федеральный закон "О выборах Президента Российской Федерации" от 10.01.2003 N 19-ФЗ Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/?ysclid=m7gd363tag521985926 (Дата обращения: 10.02.2025)
- 5) Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 22.02.2014 N 20-ФЗ Электронный ресурс:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/?ysclid=m7ge1if8j568951796 (Дата обращения: 10.02.2025)
- 6) Федеральный закон "О политических партиях" от 11.07.2001 N 95-ФЗ

Электронный

ресурс:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/?ysclid=m7gp61u2xb47319447 (Дата обращения: 10.02.2025)

7) Федеральный закон "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" от 21.12.2021 N 414-ФЗ Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/?ysclid=m7gq2279ic449034961 (Дата обращения: 10.02.2025)

8) Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ "О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве" Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45539/> (Дата обращения: 10.02.2025)

9) Федеральный закон от 23.05.2025 № 115-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" Электронный ресурс: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202505230024> (Дата обращения: 26.05.2025)

10) Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (Дата обращения: 19.06.2025)

11) Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (Дата обращения: 19.06.2025)

12) Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391585/742b07ddfb43721e5e15d0e7e18ebdb6c7782647a/ (Дата обращения: 10.02.2025)

13) Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 8 июня 2022 г. № 86/715-8 "О Требованиях к проведению дистанционного электронного

голосования"

Электронный

ресурс:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404752029/?ysclid=mapyaq8735692674174> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

14) Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 7 июня 2023 г. № 117/928-8 “О внесении изменений в Порядок дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем”

Электронный

ресурс:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406934316/?ysclid=maqynabylr930548646> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

15) Закон № 18 от 22.05.2019 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» Электронный ресурс: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/41406220/> (Дата обращения: 10.02.2025)

16) Закон Республики Татарстан от 13 октября 2022 г. N 71-ЗРТ "О внесении изменений в Избирательный кодекс Республики Татарстан и отдельные законодательные акты Республики Татарстан и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Республики Татарстан Электронный ресурс: <https://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/1582203/?ysclid=mapy1lxol1148576279> (Дата обращения: 10.02.2025)

17) Закон Ульяновской области “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ульяновской области и о признании утратившими силу законодательного акта и отдельных положений законодательных актов Ульяновской области” (В редакции Закона Ульяновской области от 21.04.2023 г. № 29-ЗО) Электронный ресурс:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=158016685&backlink=1&&nd=158245175&ysclid=mapybtq9o159981346> (Дата обращения: 10.02.2025)

18) Решения Мосгоризбиркома «О Порядке дистанционного электронного

голосования и особенностях голосования в городе Москве при проведении электронного голосования на выборах в единый день голосования 8 сентября 2024 года» от 04.07.2024 № 98/3 Электронный ресурс: <https://www.mosgorizbirkom.ru/vybory/vibori-v-mosgordumu/> (Дата обращения: 10.02.2025 г.)

19) Решение Мосгоризбиркома «Об электронном голосовании на выборах в городе Москве в единый день голосования 8 сентября 2024 года» от 04.07.2024 № 98/2 Электронный ресурс: <https://www.mosgorizbirkom.ru/vybory/vibori-v-mosgordumu/> (Дата обращения: 10.02.2025)

Социологические данные:

20) Государственная автоматизированная система Российской Федерации "Выборы" Электронный ресурс: <http://www.cikrf.ru/gas/> (Дата обращения: 10.02.2025)

21) Доклад “Развитие российского рынка социальных медиа: тенденции настоящего и сценарии будущего // Информационно-аналитический материал, подготовленный по результатам исследования и прогнозирования развития рынка социальных медиа в России в 2023 г.” ЦИРКОН Электронный ресурс: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/73c/razvitie-rossiiskogo-rinka-socialnih-media.pdf> (Дата обращения: 10.02.2025)

22) Поведение в социальных сетях и мессенджерах ФОМ Электронный ресурс: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15155> (Дата обращения: 10.02.2025)

23) Результаты мониторингового опроса о восприятии россиянами дистанционного электронного голосования (ДЭГ) ВЦИОМ Электронный ресурс: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring-2?ysclid=mbknkm8dnw3111642> (Дата обращения: 10.02.2025)

24) Совместное исследование АКАР и РОЦИТ: отечественные и зарубежные социальные сети в 2023-2024 гг. Электронный ресурс: <https://rocit.ru/news/sovместnoe-issledovanie-akar-i-roczit-otechestvennye-i->

zarubezhnye-soczialnye-seti-v-2023-2024-gg/ (Дата обращения: 10.02.2025)

Патенты:

25) Патент на промышленный образец № 141149 Российская Федерация. Схема "модель цифровой социально-политической повестки дня в процессе дискурсивного взаимодействия пользователей в онлайн- и офлайн-пространстве": № 2023506560: заявл. 25.12.2023: опубл. 22.03.2024 / Н.А. Рябченко; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет».

26) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. "Мониторинг ДЭГ": № 2023662051: заявл. 06.06.2023: опубл. 16.06.2023 / А.А. Баулина.

27) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024664954 Российская Федерация. Система дистанционного электронного голосования "БлокГолос" на основе технологии блокчейн: № 2024663387: заявл. 13.06.2024: опубл. 26.06.2024 / Ю.Е. Дроботун.

28) Патент № 2452029 С1 Российская Федерация, МПК G07C 13/00. Автоматизированная система дистанционного электронного голосования при проведении выборов и референдумов: № 2011108939/08: заявл. 10.03.2011: опубл. 27.05.2012 / А.Н. Романов ; заявитель УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ИНСТИТУТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА РАН.

29) Патент № 2421813 С1 Российская Федерация, МПК G06Q 90/00. Система электронного дистанционного SMS-голосования: № 2010101703/08: заявл. 21.01.2010: опубл. 20.06.2011 / А.Н. Романов ; заявитель Федеральное государственное унитарное предприятие "Научно-исследовательский институт "Восход".

30) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024690448 Российская Федерация. Дистанционные собрания и голосования в электронной форме GolosOnline (GolosOnline): № 2024689100: заявл. 03.12.2024: опубл. 16.12.2024 / Г.К. Степанов, А.Д. Шаров, О.И. Горбатов, А.А. Федоров;

заявитель Общество с ограниченной ответственностью «РИД».

31) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025611319 Российская Федерация. Программно-технический комплекс, обеспечивающий дистанционное электронное голосование избирателей (участников референдума) вне зависимости от места их нахождения: заявл. 13.12.2024: опубл. 17.01.2025 ; заявитель Российская Федерация, от имени которой выступает Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.

Научные статьи и монографии:

32) Akpinar, M.E. A review on the relationship of Big data and Cambridge Analytica / M.E. Akpinar // *Journal of Communication Science Researches*. – 2022. – Vol. 2, No. 1. – P. 56-63.

33) Berdyaev, N. Man and Machine (the Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology) / N. Berdyaev // *Technology and Language*. – 2023. – Vol. 4, No. 2(11). – P. 7-26.

34) Borucki, I. Digital Transformation as Organizational Change for Political Parties – a narrative review / I. Borucki // *Social Science Research Network*. – 2022.

35) Briant, E. Lessons from the Cambridge Analytica Crisis / E. Briant // *The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare*. – 2021. – Vol. 3, No. 3. – P. 125-127.

36) Brown, A.J. “Should I Stay or Should I Leave?”: Exploring (Dis)continued Facebook Use After the Cambridge Analytica Scandal / A.J. Brown // *Social Media and Society*. – 2020. – Vol. 6, No. 1.

37) Destefano, M. Don't Let the Digital Tail Wag the Transformation Dog: A Digital Transformation Roadmap for Corporate Counsel / M. Destefano, B.P. Tellmann, D. Wu // *Social Science Research Network*. – 2022.

38) E-Voting Meets Blockchain: A Survey / M. V. Vladucu, Z. Dong, J. Medina, R. Rojas-Cessa // *IEEE Access*. – 2023. – Vol. 11. – P. 23293-23308.

39) Epstein, D. Conversations with fellow leaders: Privacy framing in congressional hearings after Cambridge Analytica / D. Epstein, R. Medzini // *Telecommunications Policy*. – 2022. – Vol. 46, No. 10. – P. 102427.

- 40) Finogina, T. On remote electronic voting with both coercion resistance and cast-as-intended verifiability / T. Finogina, Ja. Herranz // *Journal of Information Security and Applications*. – 2023. – Vol. 76. – P. 103554.
- 41) Giyosidinov, B.B. Digital transformation of trade: trends, stages and factors of digitalization at the sectoral level / B.B. Giyosidinov, V.N. Fedorchuk, O.V. Voronova // *Technoeconomics*. – 2023. – Vol. 2, No. 4(7). – P. 38-45.
- 42) Halliday, R. ‘Cyber warfare’ in style: Cambridge Analytica and a mediatized ethics of fashion / R. Halliday // *International Journal of Fashion Studies*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 131-149.
- 43) Irodova, E. Analysis of development of economic digitalisation stages: evolution, views, and approaches to concept study / E. Irodova, A. Sokolov // *Journal of Regional and International Competitiveness*. – 2024. – Vol. 5, No. 4. – P. 4-14.
- 44) Kavut, S. Electronicization of Surveillance in the Digital Transformation Age: Surveillance Society from Panopticon to Superpanopticon / S. Kavut // *Communicata*. – 2023. – Vol. 1, No. 25. – P. 22-27.
- 45) Kucharov, A. Raqamli transformatsiya konsepsiyalari va ularning ahamiyati / A. Kucharov, A. Bobojonov, A. Abdurakhmonov // *Iqtisodiy Taraqqiyot va Tahlil*. – 2024. – Vol. 2, No. 1. – P. 44-56.
- 46) Regional Differences in Information Privacy Concerns After the Facebook-Cambridge Analytica Data Scandal / F. González-Pizarro, A. Figueroa, C. López, C. Aragon // *Computer Supported Cooperative Work*. – 2022. – Vol. 31, No. 1. – P. 33-77.
(***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.)
- 47) Ručinská, S. eGovernment and Digitalization in the Slovak Republic – Current Development and Political Strategies / S. Ručinská, M. Fečko // *Central and Eastern European eDem and eGov Days*. – 2022. – Vol. 341. – P. 251-262.
- 48) Şahnagil, S. Evaluation of digital transformation process through the Presidential Government System: Digital transformation office / S. Şahnagil, H. Salahaddin Gezici, M. Kocaoğlu // *Journal of Information and Optimization Sciences*. – 2022. – Vol. 43,

No. 7. – P. 1693-1707.

49) Trimble, W. Reading Nikolai Berdyaev's 'Man and Machine' / W. Trimble // Technology and Language. – 2023. – Vol. 4, No. 2(11). – P. 27-38.

50) Wahyudin, M. Digital Transformation Readiness Model in Government / M. Wahyudin, R.K. Devi, D.I. Sensuse // Ranah Research: Journal of Multidisciplinary Research and Development. – 2024. – Vol. 6, No. 4. – P. 689-709.

51) Calabrese, L. L'affaire Cambridge Analytica sur Twitter : résignation ou résistance face à la surveillance numérique ? / L. Calabrese, C.P. Lagos // Terminal. – 2022. – No. 132-133.

52) Турсунбаев, Ж.Ж. Кыргыз Республикасындағы ғылыми және білім беру үлгілеріне цифрлық трансформацияның әсері / Ж.Ж. Турсунбаев, А.А. Кутманбекова // Education. Quality Assurance. – 2023. – No. 2(31). – P. 58-65.

53) ԷԼԵԿՏՐՈՆԱՅԻՆ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՀԱՍՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ՍՈՂԵԼԸ ԹՎԱՅԻՆ ՓՈԽԱԿԵՐՊՄԱՆ ՕՐԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ // ԳԻՏԱԿԱՆ ԱՐՑԱԽ. – 2024. – No. 3(22). – P. 71-87.

54) Абделькарим, Я.А. Демаркация киберпространства: политико-правовые последствия применения концепции национальных интересов суверенных государств / Я.А. Абделькарим // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 2. – С. 262-285.

55) Авцинова, Г.И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития / Г. И. Авцинова // PolitBook. – 2019. – № 4. – С. 6-20.

56) Акопова, Т.С. Применение индексов в политмаркетинговом исследовании предвыборных кампаний в социальных сетях. На примере президентской кампании в Российской Федерации 2018 г / Т.С. Акопова, А.В. Тихонова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2019. – Т. 30. – С. 18-31.

57) Алексеев, Р.А. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом / Р.А. Алексеев, Д.Д. Кривешко // Журнал политических

исследований. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 3-20.

58) Артюхина, М.М. Искусственный интеллект в государственном управлении: партнерство или симбиоз? / М.М. Артюхина // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 90-97.

59) Арутюнов, А.Г. Дистанционное электронное голосование: правовые и политические лакуны в функционировании института (на опыте Российской Федерации) / А.Г. Арутюнов // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: Материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 28 марта 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 20-22.

60) Арутюнов, А.Г. Информационно-цифровые угрозы для регионов России и Беларуси: межрегиональный ответ / А.Г. Арутюнов // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – М.: Аспект Пресс, 2024. – С. 46-47.

61) Арутюнов А.Г. Исследование муниципальных выборов в рамках дихотомий: столица субъекта - провинциальные районы и московские эксперты - местные эксперты / А.Г. Арутюнов, В.О. Сизов // PolitBook. – 2021. – № 4. – С. 125–139.

62) Арутюнов А.Г. Особенности избирательных кампаний муниципального уровня в столицах Тверской, Белгородской и Костромской областей / А.Г. Арутюнов, Н.Н. Козлова, В.С. Солнышков // Социальные и гуманитарные знания. – 2021. – Т. 7. – № 4(28). – С. 350–357.

63) Арутюнов, А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик / А.Г. Арутюнов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 738-751.

64) Арутюнов, А.Г. Трансформация российского регионального избирательного процесса: особенности и перспективы / А.Г. Арутюнов // Вопросы национальных

и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 9(102). – С. 3733-3740.

65) Арутюнов, А.Г. Фактор дистанционного электронного голосования в современных информационных войнах / А.Г. Арутюнов // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Минск, 15 декабря 2023 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2023. – С. 279-281.

66) Арутюнов, А.Г. Цифровая трансформация избирательных технологий в регионах Российской Федерации / А.Г. Арутюнов // Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете, Донецк, 12 сентября 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 35-37.

67) Арутюнов, А.Г. Эффективные методы легитимации дистанционного электронного голосования в регионах Российской Федерации / А.Г. Арутюнов // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества. Глобальный мир в эпоху политической турбулентности, экономических санкций и информационных войн: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2022 года. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2022. – С. 116-117.

68) Баранов, Н.А. От недоверия - к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России / Н.А. Баранов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2022. - Т. 24. - №3. - С. 433-446.

69) Берлявский, Л.Г. Избирательные права в цифровую эпоху / Л.Г. Берлявский, А.В. Махова // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 478-483.

70) Борисов, И.Б. Кто хранитель электоральных стандартов? Сравнительный

- анализ региональных методик оценки национальных выборов / И.Б. Борисов, А.В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 4. – С. 6-15.
- 71) Богапова, А.В. Механизмы и практики популизма в электоральных кампаниях в Москве: политологический анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Богапова Анастасия Валерьевна, 2024. – 201 с.
- 72) Бочкаев А.Р. Особенности и сравнительные характеристики политических кампаний в Москве и Санкт-Петербурге // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 94-98.
- 73) Брод, А.С. Российское законодательство о выборах: основные этапы эволюции и приоритеты развития / А.С. Брод, О.В. Иванников, В.Л. Шаповалов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 3-9.
- 74) Бродовская, Е.В. Инженерия согласия: от информационных манипуляций к алгоритмическому управлению искусственного интеллекта / Е.В. Бродовская, Р.В. Парма, В.А. Лукушин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2025. – № 4. – С. 53-70.
- 75) Бронников, И.А. Цифровой двойник в политическом процессе современной России / И.А. Бронников, Г.В. Закальский // PolitBook. – 2021. – № 3. – С. 167-181.
- 76) Будко, Д.А. Будущее взаимоотношений государства и гражданина в цифровом пространстве: миф, неизменность или опасность (по материалам экспертного опроса) / Д.А. Будко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2024. – № 3(80). – С. 84-90.
- 77) Быков, И.А. Рецензия на монографию В.И. Федорова "Электронное голосование: российский и зарубежный опыт" / И.А. Быков // Избирательное законодательство и практика. – 2023. – № 1. – С. 37-38.
- 78) Васильев, М.С. Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски / М.С. Васильев, Я.Р. Игнатовский // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 15-26.
- 79) Вильнер, И.А. цифровизация избирательного процесса / И. А. Вильнер // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 2(90). – С. 618-637.
- 80) Виноградова, Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного

использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт / Е.А. Виноградова // Мировая политика. – 2024. – № 3. – С. 44-60.

81) Виноградова, И.М. Цифровизация избирательного процесса: классификация электоральных моделей и их экономическая целесообразность / И.М. Виноградова, О.Ю. Шепелев // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Управление изменениями: мозаика сценариев в условиях турбулентности: Материалы XV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27–28 ноября 2019 года / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал. Том 1. – Екб.: Уральский институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2019. – С. 129-134.

82) Виноградова, И. М. Этапы цифровизации избирательного процесса в России / И. М. Виноградова // Цифровизация как вызов современности: между гуманизацией и дегуманизацией: сборник материалов и докладов XXV российской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12–13 апреля 2023 года. – Екб.: Автономная некоммерческая организация высшего образования "Гуманитарный университет", 2023. – С. 582-586.

83) Володенков, С.В. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. – С. 40-45.

84) Воронцов, А.В. Городской парламент: из опыта работы фракции "Коммунисты Ленинграда" (1994–1998 гг.): Материалы для партийного актива, пропагандистов и агитаторов / А.В. Воронцов. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2005. – С. 22.

- 85) Ворончихин, А.С. ...сущность техники вовсе не есть что-то техническое... / А.С. Ворончихин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 27, № 3. – С. 294-299.
- 86) Газалов, А.Т. Применение института дистанционного электронного голосования в Российской Федерации / А.Т. Газалов, А.К. Хадиков // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2023. – № 66. – С. 41-48.
- 87) Гарифуллина, А.Ф. Практика применения искусственного интеллекта в государственном управлении: возможности и риски (Республика Башкортостан) / А.Ф. Гарифуллина, О.Н. Игнатьева // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 4(178). – С. 111-116.
- 88) Гришин, Н.В. Политические элиты и инновации в государственной электоральной политике / Н.В. Гришин // Вопросы элитологии. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 75-88.
- 89) Гришина, Н.Ю. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании "Кембридж Аналитика") / Н.Ю. Гришина, Е.Л. Болдырева, Е.О. Дуйсембина // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 69-80.
- 90) Грищенко, Т.А. Отдельные вопросы реализации избирательных прав граждан при использовании системы дистанционного электронного голосования / Т.А. Грищенко, Н.Ю. Немова, А.А. Смольяков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 92-96.
- 91) Дюверже, М. Многопартийность / М. Дюверже // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 143-168.
- 92) Ежов, Д.А. Политическое представительство в современной России в условиях цифровизации: актуальные тенденции и особенности трансформации / Д.А. Ежов // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 47-50.
- 93) Ежов, Д.А. Хайп-технологии как инструмент создания политического

контента в новой медиареальности / Д.А. Ежов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 2.

94) Жариков, И.А. Подходы к определению понятия цифровой трансформации / И.А. Жариков // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2023. – № 1(35). – С. 35-40.

95) Зарубина, Н.Н. Последствия распространения цифровых коммуникаций для развития человеческого капитала: познавательный потенциал социологических подходов / Н.Н. Зарубина // Коммуникология. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 29-42.

96) Иванюшкин, И.А. Искусственный интеллект: перспективы социокультурных трансформаций / И.А. Иванюшкин // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2019. – № 4(32). – С. 10-20.

97) Зиновьев, А.С. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы / А.С. Зиновьев, Н.Л. Туров, Ф.М. Чернецкий // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 240-261.

98) Игнатов, А.В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования / А.В. Игнатов // Избирательное законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 10-15.

99) Каминченко, Д.И. Искусственный интеллект и политическое восприятие / Д.И. Каминченко // Вестник Пермского университета. Политология. – 2026. – Т. 20, № 1. – С. 50-63.

100) Капелюк, С.Д. Влияние социально-экономического неравенства в регионах России на электоральное поведение / С.Д. Капелюк, Е.Н. Лищук // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 2 (51). – С. 7-16.

101) Козлова, Н.Н. Политический потенциал молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ сетевых ресурсов / Н. Н. Козлова, С. В. Рассадин, О. Г. Овчарова [и др.]. – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – 172 с.

102) Коновалова, С.Н. Этапы процесса цифровизации, как основа создания программы цифровой трансформации предприятий АПК / С. Н. Коновалова, Т. А.

Михалева // Управление инновационным развитием агропродовольственных систем на национальном и региональном уровнях: Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 11–12 октября 2023 года. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2023. – С. 244-250.

103) Кочетков, А.П. "Цифровой транзит" публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики / А.П. Кочетков, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 109-134.

104) Кочетков, А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества / А.П. Кочетков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 198-212.

105) Курочкин, Р.А. Правовые аспекты проведения дистанционного электронного голосования в зеркале решений судов Российской Федерации / Р.А. Курочкин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 169-176.

106) Лабыцина, А.Н. Этапы цифровизации избирательного процесса в России / А.Н. Лабыцина // Коммуникации. Общество. духовность –2024: Материалы XXIV международной научно-практической конференции, Ухта, 23-24 мая 2024 года. – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2024. – С. 319-324.

107) Ляховенко, О.И. Экологическая повестка в программах политических партий на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2021 году / О.И. Ляховенко, М.А. Бакина, Н.О. Панченко // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2021. – № 3(52). – С. 16-26.

108) Мамедов, А.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски / А.К. Мамедов, Л.Ю. Писарева // Социология. – 2020. – № 3. – С. 4-17.

109) Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: АСТ, 2022. – 256 с. – (Власть: искусство править миром).

- 110) Мамычев, А.Ю. Технология ДЭГ в региональном политическом процессе: цифровая трансформация избирательного процесса и механизмы противодействия негативным трендам / А.Ю. Мамычев, А.Г. Арутюнов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 125-135.
- 111) Манойло, А.В. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России / А.В. Манойло, И.С. Шегаев // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 129-142.
- 112) Мартынов, А.В. Актуальные вопросы использования генеративного искусственного интеллекта при взаимодействии органов публичной власти с гражданами / А.В. Мартынов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 49-59.
- 113) Мастепанов, А.М. Большие циклы и "чёрные лебеди" / А.М. Мастепанов // Энергетическая политика. – 2020. – № 6(148). – С. 4-19.
- 114) Матвеева, Е.В. Депутатский корпус муниципальных парламентов Сибирского федерального округа: социально-политический анализ / Е.В. Матвеева, И.С. Украинцев, Д.А. Украинцева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019. – Т. 25. – № 5. – С. 66–73.
- 115) Матвеева, Е.В. Социально-политический анализ структуры городских парламентов Сибирского федерального округа / Е.В. Матвеева // Парламентаризм: региональное измерение, Томск, 17–18 апреля 2019 года. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – С. 116–119.
- 116) Минтусов, И.Е. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? / И.Е. Минтусов, Д.С. Гуляев // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 1 (23). – С. 122-139.

- 117) Михуля, Д.Ю. Методические подходы к формированию отчетности об использовании систем искусственного интеллекта в публичном управлении: опыт США и Европы / Д.Ю. Михуля, Е.В. Ширинкина // Труд и социальные отношения. – 2024. – Т. 35, № 6. – С. 30-42.
- 118) Мишуков, В.О. Развитие национального законодательства об основах электронного голосования // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12 (163). – С. 213-215.
- 119) Мендес, М.Д.Ж. Разработка методики определения критериев трансформации / М.Д.Ж. Мендес // Modern Economy Success. – 2020. – № 6. – С. 11-15.
- 120) Набатникова, Е.А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации / Е.А. Набатникова // Умная цифровая экономика. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 26-30.
- 121) Наренкова, А.А. Сравнительно-правовой анализ института "мобильный избиратель" и института открепительных удостоверений/ А.А. Наренкова // Державинский форум. 2021. – Т. 5, № 20. – С. 17-23.
- 122) Новиков, В.С. Особенности применения технологий искусственного интеллекта в государственном и муниципальном управлении / В.С. Новиков // Вестник Академии знаний. – 2026. – № 1(72). – С. 844-847
- 123) Новикова, К.Ю. Формирование российской модели дистанционного электронного голосования / К.Ю. Новикова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2024. – № 1. – С. 94-98.
- 124) Петрова, С.В. К вопросу о внедрении дистанционного электронного голосования в избирательную систему России / С.В. Петров, А.В. Сидорова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 80-84.
- 125) Пивоварова, А.Е. Анализ внедрения формы дистанционного голосования на примере Австрии / А.Е. Пивоварова // Сравнительное правоведение в условиях интернационализации науки и образования: Материалы Пятой международной

научной конференции молодых ученых, Москва, 19 апреля 2023 года. – Мск.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 24-29.

126) Подвинцев, О.Б. Псефология как наука о выборах / О.Б. Подвинцев // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 5. – С. 142-146.

127) Покровская, Н.Н. Социальные взаимодействия в партисипативных моделях распределенных сетей: актуализация понятий в условиях цифровых трансформаций / Н.Н. Покровская, Т.В. Сметанина, С.И. Шелонаев // Социология и право. – 2021. – № 3(53). – С. 6-18.

128) Потемкина, О. Проблема регулирования социальных сетей накануне выборов в Европейский парламент / О. Потемкина // Современная Европа. – 2019. – № 2(88). – С. 52-60.

129) Преждарова, В.Г. Элементы информатизации на выборах в регионах Российской Федерации / // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 18 марта 2022 года / Под общей редакцией М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. – С. 183-185.

130) Рыбин, А.В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании / А.В. Рыбин // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 3 (25). – С. 161-175.

131) Рыбин, А.В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? // Электоральная политика. – 2022. – № 1 (7). – С. 1.

132) Селезнева, А.В. Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст / А.В. Селезнева, З.Т. Хугаев // Социум и власть. – 2024. – № 4(102). – С. 80-91.

133) Скосырев, В.А. Низовая демократия в Китае: подходы к оценке // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2020. – № 3. – С. 108-

116.

134) Слатинов, В.Б. "Технократизация" губернаторского корпуса в российских регионах: механизмы и промежуточные эффекты / В.Б. Слатинов // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2021. – № 14. – С. 99-102.

135) Сморгчов, А.М. Легитимизация политической власти: древний и современный опыт / А.М. Сморгчов, С.Н. Федорченко, П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник. – 2021. – № 4(70). – С. 113-126.

136) Социальные издержки развития технологий искусственного интеллекта / Е.В. Бродовская, И.А. Батанина, Р.В. Парма, В.А. Лукушин // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2025. – № 4. – С. 522-527.

137) Степанян, С.А. Совершенствование мер обеспечения прозрачности и открытости избирательного процесса в Российской Федерации в условиях цифровизации выборов / С.А. Степанян // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4(191). – С. 150–151.

138) Сухова, Э.Р. Применение дистанционного электронного голосования в Нижегородской области: некоторые предварительные итоги / Э.Р. Сухова, В.А. Храмова // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2024. – № 23. – С. 311-314.

139) Тесалов, С.Е. Этапы цифровизации в индустрии гостеприимства / С.Е. Тесалов // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. – 2022. – № 1(13). – С. 46-50.

140) Тимощук, А.С. Математизация, цифровизация - дальше без остановок / А.С. Тимощук // Вестник Вятского государственного университета. – 2021. – № 2(140). – С. 146-152.

141) Третьяков, Я.А. ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе / Я.А. Третьяков // Миссия конфессий. – 2025. – Т. 14, № 4(85). – С. 77-93.

142) Тюков, Н.А. Формы участия российской молодежи в политических и

электоральных процессах / Н.А. Тюков, В.Л. Шаповалов // Избирательное законодательство и практика. – 2022. – № 1. – С. 18-22.

143) Управление избирательной кампанией: политико-правовой анализ / С.В. Алексеев, А.Г. Арутюнов, М.А. Бочанов [и др.]. – М.: Русайнс, 2024. – 166 с.

144) Усманова, Е.Ф. Взаимодействие регионального парламента и граждан в условиях цифровой трансформации и применения технологий искусственного интеллекта / Е.Ф. Усманова, А.А. Карпов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 155-158.

145) Фатихов, Р.Ф. Искусственный интеллект как фактор виртуализации политической реальности / Р.Ф. Фатихов // Современные исследования искусственного интеллекта: основные направления и результаты: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к первому выпуску магистрантов сетевой магистерской программы "Философия искусственного интеллекта" и посвященной 60-летию юбилею Ученого секретаря Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (НСМИИ и КИ РАН) доктора философских наук Андрея Юрьевича Алексеева, Уфа, 22–23 мая 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 91-98.

146) Федоров, В.И. Дистанционное электронное голосование как механизм политического участия в условиях пандемии COVID-19 / В.И. Федоров // Устойчивость политических систем в условиях глобальных вызовов современности: Сборник тезисов XI международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2020 года. – СПб: Скифия-принт, 2021. – С. 9-11.

147) Федоров, В.И. ДЭГ как фактор влияния на результаты губернаторских выборов в 2022-2024 гг / В.И. Федоров // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 43-46.

148) Федоров, В.И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт / В.И. Федоров. – Мск: Инфра-М, 2023. – 237 с. – (Научная мысль).

149) Федорченко С.Н. Виртуальные политики как проявление алгоритмизации

власти // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №1

150) Флаот, Н.С. Образ электронного голосования в российских СМИ в период избирательной кампании 2021 г. на примере "Российской газеты" и "Новой газеты" / Н.С. Флаот // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. – № 11. – С. 190-194.

151) Фролов, К.В. Понятие и сущность цифровизации и цифровой трансформации на основе фундаментальных и прикладных аспектов системно-кибернетической теории / К.В. Фролов, А.В. Бабкин, А.К. Фролов // π-Economy. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 7-26.

152) Харитонов, Е.С. Особенности и барьеры оценки ИИ-зрелости (на примере реализации в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации) / Е.С. Харитонов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 113. – С. 31-44.

153) Хоруджая, Л.П. Оценка влияния развития цифровых сервисов на процессы реформирования государственного управления в современных условиях / Л.П. Хоруджая, А.А. Лысоченко // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2025. – № 3(75). – С. 155-167.

154) Худолей, Д.М. Электронное голосование - необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации / Д.М. Худолей // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 163-170.

155) Худолей, Д.М. Электронное голосование в России и за рубежом / Д.М. Худолей, К.М. Худолей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 57. – С. 476-503.

156) Цветкова, О.В. Цифровая трансформация в России: от рейтинга регионов к дистанционному электронному голосованию / О.В. Цветкова, Ю.А. Романова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2 (24). – С. 91-97.

157) Чуб, Н.В. Дистанционное электронное голосование: опыт Курской области / Н.В. Чуб, Д.А. Ирмакова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3(29). – С.

193-199.

158) Чурикова, А.Ю. От компьютеризации к цифровой трансформации: соотношение понятий / А.Ю. Чурикова // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2023. – № 4. – С. 24-36.

159) Шабров, О.Ф. Взаимообусловленность социальных и политических изменений: рискогенный потенциал / О.Ф. Шабров // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 16-26.

160) Шабров, О.Ф. Новое в электоральных процессах России и Европы / О.Ф. Шабров // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 196-202.

161) Шабров, О.Ф. Системный подход в политической науке / О. Ф. Шабров // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – С. 213-232.

162) Шелепаева, А.Х. Цифровая трансформация: основные подходы к определению понятия / А.Х. Шелепаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 20-28.

163) Шутов, А.Ю. Российская избирательная система: традиции и новации / А.Ю. Шутов // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14, № 2(59). – С. 233-238.

164) Щербинин, Р.А. Правовое регулирование и практика дистанционного голосования на выборах 2021 г. / Р.А. Щербинин // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (50). – С. 59-66.

Тексты авторефератов и диссертаций на соискание учёной степени:

165) Антонов, Я. В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук /

Антонов Ярослав Валерьевич. – Москва, 2015. – 213 с.

166) Вайчикаускас, М. А. Методы и протоколы псевдовероятностного защитного преобразования информации для технологии тайного электронного голосования: специальность 05.13.19 "Методы и системы защиты информации, информационная безопасность": диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Вайчикаускас Мария Александровна, 2017. – 110 с.

167) Гаджиева, А. О. Активное избирательное право в условиях применения цифровых технологий (на примере города Москвы): специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаджиева Альбина Омарова. – Москва, 2023. – 291 с.

168) Горбачев, А. А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Горбачев Антон Александрович. – Москва, 2011. – 204 с.

169) Дубровина, Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дубровина Юлия Яковлевна, 2024. – 234 с.

170) Дудочников, А. И. Электоральное поведение россиян в условиях масштабирования системы дистанционного электронного голосования: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Дудочников Алексей Игоревич. – Казань, 2024. – 260 с.

171) Кажарова, М. А. Вербальная агрессия в политическом дискурсе, на материале испанских предвыборных телевизионных дебатов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кажарова Мария Александровна. – Москва, 2025. – 206 с.

172) Кравец, Д. А. Конституционный принцип тайного голосования: содержание и реализация в Российской Федерации: специальность 12.00.02 "Конституционное

право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кравец Дарья Алексеевна, 2017. – 175 с.

173) Лопатин, А. И. Конституционный концепт народного суверенитета в России и избирательные права граждан в эпоху цифровизации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лопатин Антон Игоревич, 2023. – 194 с.

174) Македонский, С. А. Исследование процессов передачи информации в системе электронного голосования и социологического опроса: специальность 05.13.01 "Системный анализ, управление и обработка информации (по отраслям)": диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Македонский Сергей Александрович. – Волгоград, 2010. – 134 с.

175) Матренина, К. Ю. Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития (конституционно-правовое исследование): специальность 12.00.02 "Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Матренина Ксения Юрьевна, 2017. – 224 с.

176) Панов, Д. С. Население муниципального образования в системе муниципальной публичной власти: организационно-правовые аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Панов Дмитрий Сергеевич, 2023. – 219 с.

177) Ржановский, В. А. Правовое регулирование и система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Валерий Александрович Ржановский. – Москва, 2024. – 205 с.

178) Салман, В. Д. С. Разработка и исследование модели и протокола защищенной системы дистанционного электронного голосования для арабских государств с парламентской правовой системой (на опыте и примере Республики Ирак):

диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук / Салман Васан Давуд Салман, 2024. – 177 с.

179) Топорков, С. С. Выборы в региональные законодательные собрания РФ (2003 - 2011 гг.): "пропорциональный сегмент": специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Топорков Сергей Станиславович. – Тамбов, 2013. – 273 с.

180) Трущалова, Т. О. Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трущалова Татьяна Олеговна, 2024. – 202 с.

181) Федоров, В. И. Электронное голосование как механизм политического участия: российский и зарубежный опыт: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Федоров Владислав Иванович. – Москва, 2022. – 273 с.

182) Федорченко, С. Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Федорченко Сергей Николаевич. – Москва, 2022. – 564 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

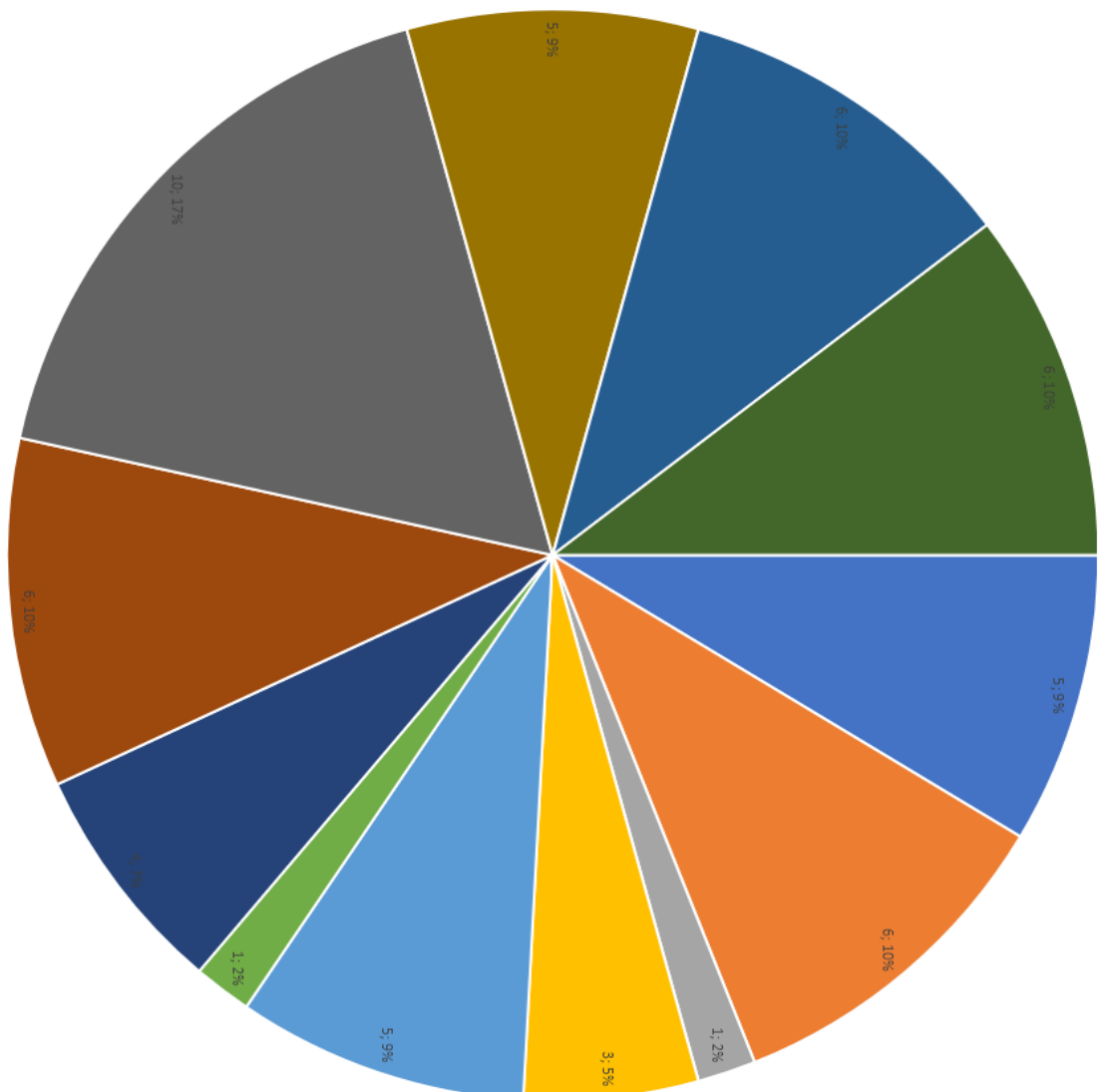
Приложение А

Статистика по качественным экспертным интервью, реализованных в рамках
диссертационного исследования

Профессиональные особенности экспертов	Количество экспертов
доктора политических наук	5
кандидаты политических наук	6
доктора наук иных специальностей	1
кандидаты наук иных специальностей	3
члены и сотрудники избирательных комиссий	5
Заместитель председателя ТИК ДЭГ при ЦИК РФ	1
координаторы региональных отделений политических партий	4
руководители молодёжных крыльев региональных отделений политических партий	6
муниципальные депутаты	10
региональные депутаты	5
политконсультанты	6
политтехнологи	6

В большинстве случаев один и тот же эксперт может выполнять несколько ролей в сфере экспертизы поскольку области достаточно взаимопроникающие. Сотрудники избирательных штабов не вынесены в отдельную категорию а распределены в остальные. Идентификация производилась на основании самоопределения эксперта и анализа его политической или научной деятельности.

Распределение экспертов исследования по области экспертизы

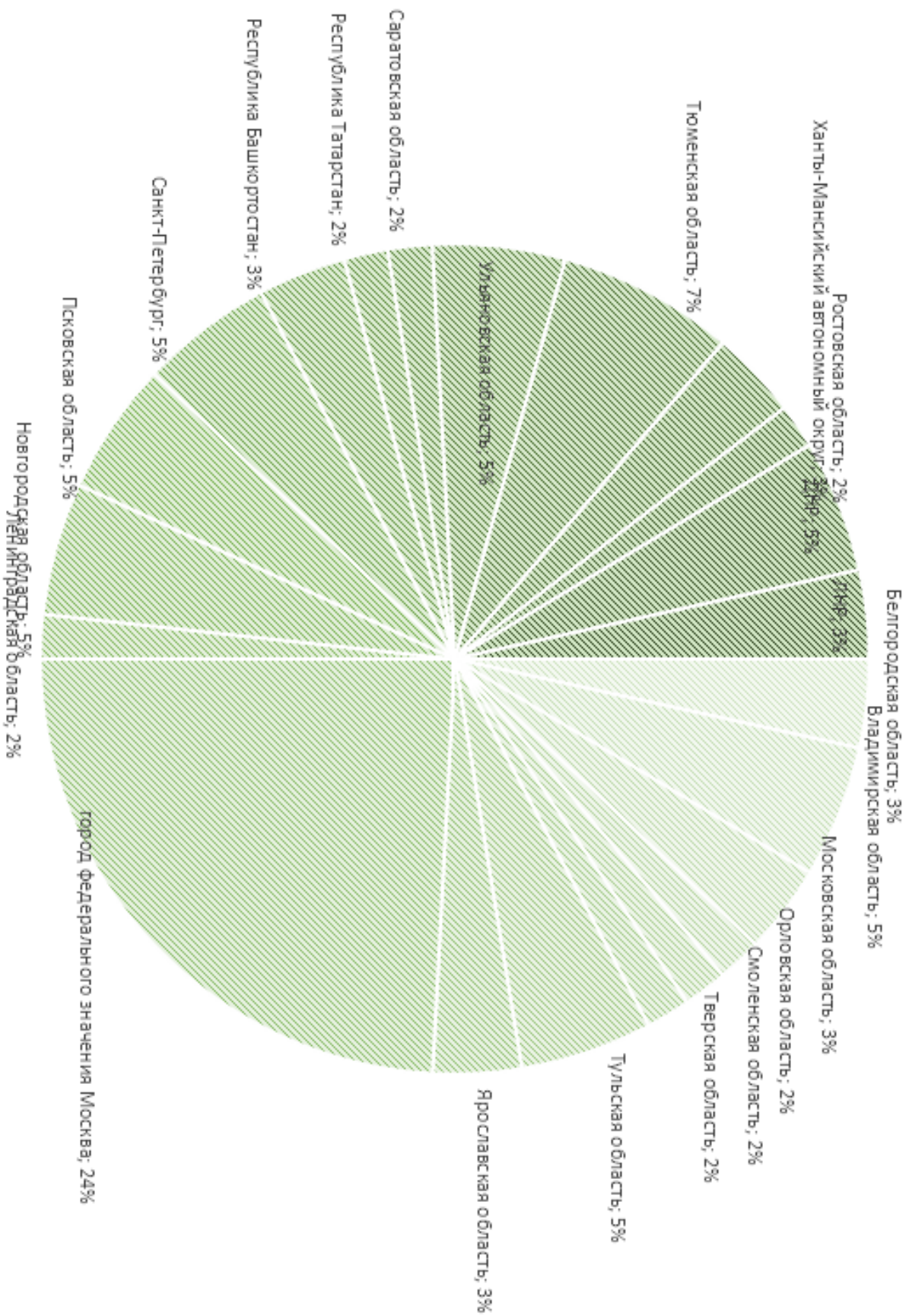
- Доктора политических наук
- кандидаты политических наук
- Доктора наук иных специальностей
- кандидаты наук иных специальностей
- Члены и сотрудники избирательных комиссий
- Заместитель председателя ТИК ДЭГ при ЦИК РФ
- Координаторы региональных отделений политических партий
- руководители молодежных крыльев региональных отделений политических партий
- муниципальные депутаты
- региональные депутаты
- политконсультанты
- политтехнологи

Регионы и города проведения исследования

Но-мер	Федераль-ный округ	Субъект Российской Федерации	город	количество экспертов в городе	Количество экспертов в субъекте Российской Федерации
1	ЦФО РФ	Белгородская область	Белгород	2	2
2		Владимирская область	Владимир	1	3
			Александров	1	
			Покров	1	
3		Московская область	Коломна	1	2
			Сергиев Посад	1	
4		Орловская область	Орёл	1	1
5		Смоленская область	Вязьма	1	1
6		Тверская область	Тверь	1	1
7		Тульская область	Тула	2	3
			Венёв	1	
8	СЗФО РФ	Ярославская область	Ярославль	2	2
9		город федерального значения Москва	Москва	14	14
10		Ленинградская область	Сосновый Бор	1	1
11	ПФО РФ	Новгородская область	Великий Новгород	3	3
12		Псковская область	Псков	3	3
13		город федерального значения Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	3	3
14	ПФО РФ	Республика Башкортостан	Уфа	2	2
15		Республика Татарстан	Казань	1	1
16		Саратовская	Саратов	1	1

		область			
17		Ульяновская область	Ульяновск	2	1
			Димитровград	1	
18	УрФО РФ	Тюменская область	Тюмень	2	4
			Тобольск	1	
			Ишим	1	
19		Ханты-Мансийский автономный округ	Ханты-Мансийск	1	2
			Сургут	1	
20	ЮФО РФ	Ростовская область	Ростов-на-Дону	1	1
21	вне системы	Донецкая Народная Республика	Донецк	2	3
			Мариуполь	1	
22	федераль-ных округов	Луганская Народная Республика	Луганск	2	2

Распределение экспертов по регионам Российской Федерации

Приложение Б

Краткие выдержки из некоторых экспертных интервью и фокусс-группы, проведённого исследования

Эксперт из Белгорода

“....с 2010 года в Белгороде начали использовать аппаратно-технический комплекс обработки избирательных бюллетеней – КОИБ. Впервые на выборах муниципального уровня в Белгородской области было применено ДЭГ в 2023 году, пилотным районом был выбран Новооскольский округ. В марте 2024 года на выборах президента РФ опыт ДЭГ был распространён на весь регион....”

“....в качестве механизмов легитимации ДЭГ, используемых в регионе могу назвать инструктаж по пользованию ДЭГ и информирование о реализации ДЭГ. С точки зрения эффективности ни один из этих механизмов не ведёт к решению главной задачи выборов – открытости и гласности, что в свою очередь повышает недоверие избирателей к системе выборов в целом...”

“...наиболее часто используются на региональных избирательных кампаниях таргет в Одноклассниках и в ВК, отмечается использование в агитационный период мессенджер Ватсап*¹⁶⁷ и Телеграмм**¹⁶⁸...”

“...не встречала случаи использования кандидатами системами крипто-кошельков и крипто-валют в ходе избирательных кампаний на территории белгородской области...”

“...скорее да, чем нет, так как классическими методами агитации пользуются всё меньше кандидатов, это влияет отрицательно на узнаваемость кандидата (к примеру: отдалённое село имеет проблемы с интернет связью, значит люди меньше получают информацию по средствам цифрового виртуального пространства)...”

“...Выборы в Мосгордуму 2024 год были проведены с использованием системы ТЭГ, что ограничило право избирателя получить бумажный бюллетень на УИК. Из этого вытекает нарушение принципов проведения в РФ выборов, как минимум не обеспечивает тайнство голосования и свободное и добровольное участие...”

“... процесс цифровой трансформации российского регионального процесса не завершён, и не будет завершён так как цифровые технологии развиваются быстрее чем совершенствуется избирательное законодательство...”

---

¹⁶⁷ * здесь и везде в тексте, мессенджер “WhatsApp” (принадлежит компании “Meta”, которая признана в Российской Федерации экстремистской и запрещена) включён в реестр организаторов распространения информации (ОРИ).

¹⁶⁸ ** здесь и везде в тексте, “Telegram” - иностранный владелец нарушает законные требования РКН и законодательство РФ.

“...в Белгородской области не используют технологию электронной подписи кандидатов на выборах...”

Эксперт из Донецка №1

“...Впервые электронные и цифровые технологии были применены в ДНР на сентябрьских выборах 2021 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. В тот момент ДНР еще не входила в состав РФ, однако в регионе проживало уже несколько сотен тысяч человек, получивших гражданство Российской Федерации. Чтобы предоставить всем желающим возможность проголосовать, в порядке эксперимента, была организована техническая возможность проголосовать с помощью портала Госуслуг для граждан РФ из ДНР. На портале нужно было выбирать регион «Ростовская область»...”

“...На праймериз политической партии «Единая Россия» в мае 2023 г. в ДНР предусматривалась возможность голосования в онлайн-формате на сайте «Единой России», но приоритет отдавался очному голосованию. По информации ТАСС: «Более 207 тыс. жителей ДНР приняли участие в предварительном голосовании партии «Единая Россия», четверть из них сделали это в электронном формате». Однако, несмотря на этот положительный опыт, на региональных и местных выборах в ДНР в сентябре 2023 г., возможность отдать голос в формате ДЭГ отсутствовала...”

“...В связи с непродолжительным опытом применения ДЭГ на региональных выборах в ДНР, ответить на вопрос затруднительно...”

“...Среди социальные сети и мессенджеров, наиболее часто используемых в региональных избирательных кампаниях, следует выделить Телеграм и «ВКонтакте». Активное использование телеграм-каналов можно отметить еще в ходе выборов Главы и депутатов Народного Совета ДНР в ноябре 2018 г. Ряд анонимных телеграм-каналов на тех выборах активно использовали для политических вбросов и «черного пиара» ряда кандидатов. Ватсапп и Вайбер, напротив, практически не использовались для избирательных кампаний в ДНР, как до вхождения в состав РФ, так и после...”

“...В связи с непродолжительным опытом применения ДЭГ на региональных выборах в ДНР и на самом деле только его подготовке, в регионе неизвестны факты применения технологий онлайн-банкинга и использование крипто-кошельков в ходе избирательных кампаний...”

“...Я согласен с данной постановкой вопроса, однако в вытеснении реального пространства политической борьбы/агитации цифровым виртуальным пространством, и собственно ДЭГ, вижу риски снижения доверия к результатам проведенных подобным образом выборов в глазах политически активной части общества...”

“...В связи с непродолжительным опытом применения ДЭГ на региональных выборах в ДНР, пока сложно говорить о неких региональных особенностях цифровой трансформации избирательного процесса...”

“...Не могу сказать о завершении процесса цифровой трансформации в электоральной сфере на уровне ДНР, скорее регион только в начале этого пути...”

Эксперт из Донецка №2

“...Данные технологии начали внедряться в региональные избирательные кампании ДНР достаточно давно, ещё в период избирательной кампании 2014 г. (выборы Народного Совета 1 созыва и Главы Республики). Наиболее интенсивно в последние 3-4 года. Процесс можно условно разделить на два этапа:

Первый этап (2014-2021): использование базовых цифровых инструментов, таких как соцсети ВКонтакте, Facebook***¹⁶⁹, Одноклассники, а также интернет-рации ZELLO для агитации и информирования избирателей.

Второй этап (2021-настоящее время): начиная с думской избирательной кампании 2021 г. идёт активное использование мессенджеров, прежде всего, Telegram для взаимодействия с избирателями. Кроме того, в внутренней работе партий с после пандемии Covid-19 получили популярность онлайн-конференции...”

“...В ДНР дистанционное электронное голосование не применяется...”

“...Главной социальной сетью в связи с блокировкой Facebook*** и Instagram¹⁷⁰ **** стала ВКонтакте. Её для агитации активно используют практически все политические силы. При этом с 2021 г. можно отметить устойчивый рост активности в Telegram, сосредоточение именно на этой платформе наиболее политически активной аудитории...”

“...Онлайн-банкинг используется ограниченно, в основном для сбора пожертвований на гуманитарные, а не избирательные цели. О применении крипто-кошельков информацией не владею...”

“...В ДНР это вряд ли так, поскольку значительную часть населения и активных избирателей составляют люди предпенсионного и пенсионного возраста, для которых более привычны традиционные виды агитации и информирования. Фактически цифровое пространство лишь в несущественной степени дополняет офлайн-кампании в регионе, но не вытесняет их полностью. Офлайн-мероприятия остаются главными для личного контакта с избирателями...”

“...В ДНР цифровая трансформация избирательного процесса имеет ряд характерных особенностей, обусловленных как техническими возможностями, так и социально-политическим контекстом.

Прежде всего, в отличие от некоторых регионов России, в ДНР пока не применяется ДЭГ. Это, с одной стороны, странно, с учётом рисков нанесения Украиной ракетно-бомбовых ударов по избирательным участкам – местам массового скопления людей. С другой стороны, отсутствие ДЭГ может объясняться особенностями регионального политического режима. В этих условиях основной упор делается на традиционные методы голосования с элементами цифрового сопровождения подсчёта голосов.

Основными платформами для агитации и информирования избирателей являются ВКонтакте, Telegram и, в меньшей степени, Одноклассники. При этом

¹⁶⁹ ***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.

¹⁷⁰ ****Instagram — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России. .

Telegram используется для взаимодействия с молодёжью и политически активной частью избирателей.

Кроме того, кандидаты, например Д. Пушилин, активно используют прямые эфиры и чат-боты.

В отличие от российских регионов, где активно используются Госуслуги для верификации избирателей, членов и сторонников партий, в ДНР подобные решения пока в полной не работают. Например, на праймериз Единой России в 2023 г. регистрация через Госуслуги работала с постоянными сбоями и ошибками...”

“...Нет, процесс цифровой трансформации избирательных процессов в ДНР далек от завершения и находится на ранней стадии. Можно выделить несколько факторов, замедляющих его:

- технологическая и инфраструктурная отсталость;
- недостаточное развитие интернет-сети, низкая цифровая грамотность части населения;
- специфика региональных политических процессов;
- общий консервативный подход региональных властей и избирателей к выборам.

Если ситуация стабилизируется и ДНР в полной мере интегрируется в российскую избирательную систему, процесс может ускориться. Однако в ближайшие 5–7 лет полный переход на цифровые выборы маловероятен...”

“...Цифровизация избирательных процессов в ДНР развивается, но остается на начальном этапе. Основной упор делается на простые и доступные инструменты, такие как соцсети. Внедрение более сложных технологий, таких как ДЭГ или ИИ, требует дополнительной инфраструктуры. В условиях существующего регионального политического режима интерес к её развитию в обозримом будущем представляется скромным...”

Эксперт из Луганска №1

“...Цифровые технологии на выборах совсем недавно стали применяться с учетом того, что как таковые полноценные избирательные процессы фактически стояли «на паузе» (по крайней мере местные полностью, а республиканские с определенной спецификой) 8 лет из-за постоянной оглядки на Минские соглашения («Минск-2»). Главным прорывом в этом контексте можно назвать дистанционное голосование на выборах в Госдуму во время пандемии, в котором поучаствовало по разным оценкам от десятков тысяч, до более чем сотни тысяч избирателей в ЛНР, обладающих уже на тот момент гражданством РФ...”

“...Элементы ДЭГ применялись в частности на праймериз «ЕР», дистанционное голосование во время пандемии, голосование на выборах Президента РФ, технология «Мобильный избиратель», услуги в сфере избирательного права на ЕПГУ...”

“... Выбор социальных сетей и мессенджеров зависит от целевой аудитории. Наиболее популярны среди молодежи ВК и ТГ, для избирателей средних лет – ТГ, для более возрастных категорий – Одноклассники+в последнее время ТГ также начинает набирать популярность среди всех возрастных категорий в целом...”

“...постепенно этот процесс (цифровой трансформации электоральной сферы) определенно идет и складывается устойчивое впечатление, что он имеет тенденцию к ускорению, особенно среди представителей молодого и среднего поколений...”

“...пока рано говорить о какой-то четко ограняющейся специфике в ЛНР, а об особенностях в регионах РФ говорить с уверенностью трудно. Одна особенность при этом выделяется, вероятно, во всех регионах и даже в других странах – происходит интернет-карнавализация и «тик-токизация» избирательных кампаний. При этом стоит отметить, что это приводит к повышению активности участия молодежи в выборах...”

“...определенно процесс цифровой электоральной трансформации еще находится или на начальной стадии или в разгаре, но точно еще не закончен и не достиг пиковых показателей, как качественных, так и количественных...”

“...пока такая практика использования ИИ единична и нет большого массива эмпирики для анализа и выводов. Разве что можно вспомнить ситуативное тиражирование и популяризацию представителями ЛДПР нейросети «Жириновский». Но это было скорее поветрие и общая партийная инерция, инфоповод, нежели элемент системной технологии вовлечения...”

“...Главное пожелание касается перестройки самой избирательной системы в ЛНР, перехода к смешанной от чисто пропорциональной системы на региональном и муниципальном уровнях. Вопросы цифровизации по сравнению с этой особенностью уходят на второй план...”

Эксперт из Луганска №2

“...у нас в регионе цифровые технологии на выборах стали активно применяться в процессе интеграции в Российскую Федерацию, впервые были применены во время выборов в Государственную Думу в 2021 году...”

“...в нашем регионе не возникало вопросов по механизмам легитимации электронного голосования, так как населения было радо включенности в общероссийский избирательный процесс...”

“...наиболее популярные на данном этапе Телеграмм и ВК, однако ВК имеет меньшее количество просмотров и меньший интерес аудитории. Но представители партий проводят популяризацию своих действий через них, Тик Ток и иные площадки не задействованы...”

“...нет, наиболее активные избиратели – пенсионеры, которые приходили на встречи с представителями партий, однако во время выборов для работы на местах были выбраны не самые компетентные представители. Некоторые не могли ответить на вопросы по избирательной системе России, программах партий, работе и планах в регионе...”

“...в регионе процесс цифровизации в политике носил немного хаотичный характер, так как население не понимало как работает онлайн избирательный процесс, в ряде районов республики на момент выборов не было интернета, население в регионе не активно подключалось к процессу цифровизации...”

“...для ЛНР не могу такого сказать, так как информационное сопровождение цифровизации процесса выборов и жизни в регионе не всегда распространяется

среди больших групп населения и носит в основном выборочный, локальный характер...”

“...не мониторила подобные действия, думаю, региональные акторы мало использовали подобный инструмент, так как их избирательная компания носила достаточно однообразный и не сильно привлекательный характер...”

Эксперт из Мариуполя

“...могу ошибаться, но цифровое голосование в моем регионе недостаточно хорошо отрегулировано, чтобы использовать его..”

“...Регион только интегрируется в РФ во всех сферах, поэтому используются только билборды как вид наглядной агитации...”

Эксперт из Орла

“...Внедрение базовых элементов информационных технологий в избирательные процессы Орловской области началось с момента их появления в общедоступном использовании. Однако применение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на текущий момент не зафиксировано. Процесс цифровизации можно условно разделить на этапы: начальный (использование электронных баз данных и онлайн-информирования), промежуточный (внедрение цифровых платформ для агитации) и современный (эксперименты с онлайн-голосованием на уровне праймериз)...”

“...На региональном уровне в Орловской области ДЭГ не применяется. Однако в рамках внутрипартийных процедур, таких как праймериз Всероссийской политической партии «Единая Россия», используется технология онлайн-голосования через специализированный веб-портал с авторизацией через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ). Данный механизм позволяет обеспечить прозрачность и доступность для участников, хотя и ограничен рамками внутрипартийных процессов...”

“...Поскольку ДЭГ в Орловской области не используется, опыт легитимации его результатов отсутствует. В других регионах, где ДЭГ применяется, ключевыми механизмами являются: независимый аудит программного обеспечения, публикация открытых данных о голосовании, а также верификация результатов через многофакторную идентификацию участников. Наиболее эффективными считаются методы, сочетающие технологическую прозрачность и общественный контроль...”

“...Основными платформами для цифровой агитации в регионе являются: «ВКонтакте» (как наиболее популярная среди молодежи и среднего возраста), «Телеграм» (для оперативного информирования и узконаправленной коммуникации) и «Одноклассники» (активно используется старшим поколением). Менее распространены, но также применяются: «Дзен», «RuTube» и «ВК Видео». Особенностью является сегментация аудитории: разные платформы задействуются для охвата конкретных возрастных и социальных групп. С 2010-х годов наблюдалась смена приоритетов: от «Одноклассников» к «ВКонтакте», а затем к «Телеграму»...”

“...Прямых свидетельств активного использования онлайн-банкинга или криптовалютных кошельков кандидатами в ходе избирательных кампаний в

регионе не зафиксировано. Теоретически, такие технологии могут применяться для сбора пожертвований или финансирования цифровой рекламы, однако официальной статистики или публичных кейсов на данный момент нет...”

“...Цифровые и офлайн-форматы политической коммуникации функционируют параллельно, дополняя друг друга. Онлайн-пространство обеспечивает скорость и широту охвата, особенно среди молодежи, тогда как традиционные методы (встречи, листовки, митинги) остаются значимыми для старшего поколения и сельских территорий...”

“...Ключевой особенностью является повышение прозрачности работы избирательных комиссий за счет публикации данных в онлайн-режиме, трансляций заседаний и использования электронных систем учета. Это позволяет гражданам, не вовлеченным напрямую в организацию выборов, получать актуальную информацию и формировать доверие к процессу...”

“...Цифровая трансформация избирательных процессов носит перманентный характер. С развитием технологий (например, блокчейн, биометрия, AI) будут возникать новые инструменты, требующие адаптации законодательства и инфраструктуры. О завершении процесса говорить некорректно — речь идет о непрерывной эволюции...”

“...Официального применения ИИ в региональных избирательных кампаниях не зарегистрировано. Однако отмечается неформальное использование алгоритмов для генерации текстов новостей, анализа больших данных и таргетированной рекламы в социальных сетях. Эффективность таких методов высока в части оптимизации ресурсов, но требует правового регулирования...”

“...Электронные подписи используются ограниченно, преимущественно при взаимодействии с государственными порталами (например, ЕПГУ). При прохождении «муниципального фильтра» или сборе подписей избирателей электронные методы не являются основными, хотя отдельные кандидаты экспериментируют с их применением...”

“...Цифровизация избирательных процессов — объективный и неизбежный тренд, соответствующий глобальным вызовам. Российская Федерация демонстрирует прогрессивные подходы в этой сфере, что способствует укреплению международного авторитета и повышению доверия граждан к демократическим институтам. Однако важно сохранять баланс между инновациями и защитой традиционных технологий электорального процесса...”

Эксперт из Саратова

“...С 2015 года активно используются КОИБ, дистанционный мониторинг за ходом выборного процесса в области...”

“...Не встречал примеров ДЭГ и электронного голосования в Саратове и области на выборах (кроме ситуаций связанных с принятием решений по вопросам развития МСУ, парки, реконструкции и т.д.)...”

“...К легитимизирующим технологиям относятся публичное освещение в СМИ, социальных мессенджерах, экспертное обсуждение, публикация информации ЦИК, обсуждение в публичном дискурсе политическими партиями...”

“...Первое место среди социальных сетей и мессенджеров на выборах занимают

занимают VK, Telegram...”

“...Процесс цифровой трансформации региона в электоральном плане рассматриваю как позитивный с точки зрения вовлечения людей в выборный процесс. Но на мой взгляд, недостаточно уделяется внимания и сил на формирование легитимности систем ДЭГ...”

Эксперт из Сургута

“...уже достаточно продолжительное время используется предварительное партийное голосование ЕР посредством электронных голосований. ДЭГ, в полном масштабе не введен...”

“... ДЭГ использовался на праймериз по довыборам в Думу Югры в 2024 году...”

“...основными технологиями легитимизации ДЭГ являются партийная мобилизация плюс административный ресурс...”

“...основными технологиями агитации являются домовые чаты (Ватс Апп), региональные медиа (тв, мессенджеры). Вайбер раньше доминировал, на смену пришел Ватс Апп, Телеграм только набирает обороты...”

“...вытеснение реального политического пространства возможно в мегаполисах и более модернизированных и урбанизированных обществах да. В глубинке пока все работает по-старому: офлайн формат самый продуктивный и показательный, так встречи и обходы по домам показывают высокую узнаваемость, на втором месте конечно СМИ и соц. сети...”

“...Примером может выступать сбор подписей за кандидата через порталы гос услуг и ДЭГ...”

“...За другие регионы утверждать не могу, но в округе для цифровой электоральной трансформации необходимо еще как минимум 3 электоральных цикла...”

“...На данный момент примером использования ИИ кроме как ведения социальных сетей и агитационных материалов, пока ИИ еще не вошли в плотную работу с участниками избирательного процесса. Но в скором 2-3 года мы будем плотно с ними работать...”

Эксперт из Твери

“...15–17 ноября 2023 года Тверской избирком предлагал жителям города протестировать систему ДЭГ...”

“...результаты ДЭГ легитимны. ДЭГ не используется в Тверской области из-за проблем с интернетом в ряде районов...”

“...Среди социальных сетей и мессенджеров первое место занимает “Телеграмм...”

“...Цифровое виртуальное пространство действительно вытесняет офлайн...”

“...Особенностей цифровой трансформации электоральной сферы в нашем регионе в нашем нет. а в целом – трансформация присутствует в новом способе голосования, в расширении возможностей избирателей...”

“...Актуализация вопроса о защите персональных данных избирателей и контроля за подсчетом голосов выходят на первый уровень...”

Эксперт из Тулы

“...С 2020 года заметил резкий переход. Ковидные ограничения серьезно подтолкнули избирательную систему, чтобы внедрить голосование через

цифровые технологии (приложение, сайт, дистанционное и т.п.). С 2022-23 годов заметил увеличение количества КОИБ в городе Тула, но в основном центр, в Тульской области все достаточно традиционно.

Среди этапов: 1. Переход от традиционных средств голосования к инновационным и цифровым 2. Гибридность формата традиционных и цифровых, инновационных средств голосования 3. Уход от традиционного голосования к полностью инновационному и цифровому (в условиях снижения явки и низкий электоральной активности)..."

"...«Единая Россия» активно использует в нашем регионе, другие парламентские партии, скажем так, этим не озабочены. Это праймериз. Со стороны ЛДПР были эксперименты по голосованию федеральному за отдельные инициативы Госдумы для их отсева в регионах, но это федеральный уровень. Особых экспериментов отмечено не было..."

"...Скорее обнародование процентной составляющей ДЭГ и его доли от общего голосования. ДЭГ считается отдельно и не превышает традиционных урн для голосования. В целом Тула и Тульская область за последние 5 лет отмечены как регион с минимальным количеством нарушений (скорее электоральная случайность, чем закономерность)..."

"...Телеграмм используют как новостной блог вокруг Губернатора Тульской области Дмитрия Миляева. Депутаты Тульской гордумы и Тульской облдумы ведут свои профили как новостные страницы VK. Особых поворотов в сторону новых мессенджеров и соцсетей не было замечено. Перед Выборами Президента 2024 был зафиксирован обзвон автоответчиками с приглашением прийти на выборы, следующий вопрос – за кого проголосуете? Население негативно реагировало, так как могли звонить на один и тот же номер по 3-4 раза в день..."

"...Онлайн-банкинг: активно используется Сбер как основной, разрешение дано избирательной комиссией в регионе. Сбер предлагает открыть бизнес-приложение для кандидатов Тульской гордумы и Тульской облдумы через которое возможно открыть, пополнять, закрывать специальный избирательный счет, а так же делать «нулевые» выписки, справки. Последний раз участвовал в выборах в Тульскую гордуму как кандидат-одномандатник от ЛДПР в сентябре 2024 года. Много голосов не удалось получить, участие было скорее статусным..."

"...Соцсети, блоги, мессенджеры начинают играть большую роль, чем раньше. Выросла частота дип-фейкоф и недостоверной информации, а сгенерировать провокационное видео (например, кружочек в телеграме) стало доступно. Под угрозой не только снижение доверия к политике, где традиционные способы вроде радио, ТВ, газет и официальных релизов СМИ уже не так захватывают, но и рост поколения, которые получают информацию в интернете и ей без разбора доверяют..."

"...Скорее цифровая и инновационная трансформация находится в отложенном состоянии, так как огромные ресурсы были направлены на гуманитарную помощь, сбор средств для бойцов и иную поддержку. Думаю, что это вопрос времени..."

"...В отложенном состоянии, трансформация запланирована к 2030 году, думаю

пока предпринимаются частичные шаги...”

“...На прямой вопрос: используете ли AI ? Искусственный интеллект и нейросети? Кандидаты прямо не скажут. Специально никто из региональных политиков не был замечен за такими текстами. На примере страницы VK Зампреда Тульской областной Думы Балберова А.А. от ЛДПР был замечен личный стиль повествования и популизма проблем страны и региона...”

“...С такой практикой лично не сталкивался, в Тульской области до сих пор действуют обычные подписи и работают доверенные лица кандидатов...”

Эксперт из Тюмени

“...на моём личном опыте могу сказать, что активное внедрение цифровых технологий в избирательные кампании в Тюменской области особенно стало заметно в последние 5–7 лет. Конечно, какие-то элементы автоматизации были и раньше, например КОИБы, но с ростом влияния социальных сетей и онлайн-платформ появилось гораздо больше возможностей как для самих кандидатов, так и для избирателей. Если говорить поэтапно, то, на мой взгляд, всё началось с того, что начали появляться странички кандидатов в соцсетях, велись прямые эфиры, выкладывались агитационные ролики. Потом всё больше стали использовать таргетированную рекламу, чат-боты в мессенджерах, онлайн-опросы, платформы для сбора наказов. Я сам участвовал в кампании 2023 года, баллотировался в Тюменском районе - и мы делали упор именно на соцсети, Telegram, ВКонтакте, активно работали с аудиторией онлайн, публиковали отчёты, видео, вели прямую коммуникацию с жителями...”

“...если честно, в Тюменской области полноценное дистанционное электронное голосование (ДЭГ), как, например, в Москве, пока массово не используется. У нас регион в этом плане скорее относится к тем, кто пока наблюдает за экспериментами других субъектов и внедряет технологии постепенно. Но на уровне праймериз некоторых партий уже пробовали использовать элементы онлайн-голосования или регистрации участников через платформы - особенно это касается «Единой России», у них есть свой сайт для предварительного голосования, и часть процедур проходила в онлайн-формате...”

“...Также замечал, что в последние годы всё активнее обсуждается возможность внедрения ДЭГ на официальном уровне, особенно среди политтехнологов и членов избирательных комиссий. Пока это скорее точечные попытки и подготовка к возможной цифровизации в будущем.

Отмечу, что даже без полноценного ДЭГ элементы цифрового взаимодействия с избирателями уже стали нормой: агитация, обратная связь, сбор наказов, участие в опросах и обсуждениях — всё это происходит через цифровые каналы, и люди к этому постепенно привыкают...”

“...так как в Тюменской области, насколько мне известно, полноценное дистанционное электронное голосование пока не применяется массово, механизмов легитимации именно у нас я пока не наблюдал в практике. Но я изучал, как это происходит в других регионах - особенно интересен опыт Москвы, где ДЭГ уже используется на выборах не первый год...”

“...Поле для ответа: из своего опыта участия в кампаниях могу точно сказать, что

в Тюменской области основными платформами в избирательный период остаются ВКонтакте и Telegram. ВКонтакте - это, по сути, база: у большинства жителей, особенно в возрасте 30 плюс, там есть аккаунты. Через группы поселений, местные паблики, личные страницы кандидатов и таргетированную рекламу можно довольно эффективно доносить повестку. Многие кандидаты активно используют прямые эфиры, посты, опросы - это создаёт ощущение открытости.

Telegram стал особенно популярным в последние два-три года. Лично я вёл агитацию через Telegram-канал, делал короткие ролики, размещал отчёты о встречах и продвигал через личные чаты. Эта платформа удобна тем, что создаёт ощущение личного общения, «без фильтров», особенно для более молодёжной аудитории и политически активной части общества.”

“...из моего опыта участия в кампаниях - как своего выдвижения, так и помощи другим кандидатам - могу сказать, что онлайн-банкинг действительно используется, в первую очередь для оперативного перевода средств: аренда помещений, печать агитации, логистика, реклама в интернете и т.д. Особенно активно это происходит на этапе агитации, когда каждая минута и каждая копейка на счету. Онлайн-банкинг позволяет быстро оплачивать услуги подрядчиков, запускать рекламу, бронировать оборудование, и всё это без необходимости лично ехать в банк...”

Эксперт из Ишима

“...Обычно используются обычные банковские приложения вроде Сбера, ВТБ, Т-Банк и других, особенно если у кандидата открыт специальный счёт. Также удобно то, что можно контролировать поступления и расходы практически в реальном времени. Что касается криптовалют и криптокошельков - насколько мне известно, в официальных кампаниях (по крайней мере, у нас в Тюменской области) они не используются. Во-первых, это никак не регламентировано законом, а во-вторых - это слишком рискованно и непрозрачно для официального финансирования. Да и доверия у большинства избирателей к таким форматам пока мало. Допускаю, что где-то на неформальном уровне отдельные политические активисты могли бы использовать криптовалюту, например, для сбора пожертвований анонимно, но мне лично такие случаи не встречались, и это точно не массовое явление. В основном всё происходит в рамках официальных финансовых инструментов - чтобы потом не было проблем с отчётностью перед избиркомом и контрольно-ревизионной службой...”

“скорее не вытесняет, а дополняет. На своём опыте могу сказать, что в Тюменской области, особенно в районах и небольших населённых пунктах, офлайн всё ещё играет ключевую роль. Людям важно, чтобы кандидат приехал лично, поговорил, выслушал и зафиксировал наказы. Именно живое общение вызывает доверие и даёт реальный отклик. Когда я сам шёл на выборы, мы с командой много работали именно «в поле»: обходили дома, проводили встречи, организовывали локальные мероприятия.

Но при этом очевидно, что цифровое пространство становится всё более значимым. Через соцсети и мессенджеры можно быстро донести информацию, показать свою активность, отчитаться перед избирателем, вести прямые эфиры,

запускать опросы. Особенно среди молодёжи это главный канал коммуникации. Если тебя нет в интернете — значит, ты как бы и не участвуешь в кампании. Поэтому сейчас без онлайна - никуда.

Я бы сказал, что политическая борьба просто перешла в гибридный формат: онлайн - для охвата, оперативности и вовлечения молодого электората, а офлайн - для укрепления доверия и работы с населением, которое по-прежнему хочет живого контакта.

Так что вытеснение - это слишком сильное слово. Скорее - переосмысление ролей: офлайн работает на глубину, онлайн — на ширину охвата. И уметь работать в обеих средах - сегодня необходимый навык для любого политика...”

“...на мой взгляд, цифровая трансформация избирательного процесса идёт поэтапно, и в регионах - в том числе в Тюменской области - она имеет свои особенности.

Во-первых, стоит отметить повышение роли социальных сетей и цифровых платформ. Кандидаты всё чаще используют ВКонтакте, Telegram, YouTube и другие ресурсы как полноценные площадки для агитации. Появляются политические блоги, каналы, агитационные ролики. Сам я занимался контентом и SMM во время кампаний - вижу, как быстро развивается эта сфера.

Во-вторых, растёт техническая грамотность штабов. Если раньше было сложно объяснить, зачем нужен SMM-специалист или таргетолог, то сейчас это уже часть базовой команды кандидата. Также больше внимания уделяется аналитике - кто смотрит, как реагирует, на какие темы лучше откликается аудитория. Это уже полноценный цифровой маркетинг, но применительно к выборам.

В-третьих, появляется интерес к электронному голосованию, пусть пока и ограниченно. В нашем регионе пока нет масштабного ДЭГ, но разговоры об этом идут. В других регионах, например в Москве, ДЭГ уже применяется, и это формирует новый запрос на прозрачность и доверие к системе.

Из особенностей - в регионах цифровизация идёт неравномерно. Например, в городах (особенно у молодёжи) цифровые инструменты воспринимаются естественно. А в сельских территориях всё ещё важнее личный контакт и бумажная агитация. Поэтому кандидатам приходится адаптироваться под разные аудитории...”

“...на мой взгляд, говорить о завершении цифровой трансформации избирательного процесса на региональном уровне пока рано. Этот процесс идёт, он активен, но он ещё далёк от завершения, особенно если сравнивать регионы между собой.

В крупных городах, таких как Тюмень, цифровизация уже играет важную роль в выборах - и в плане агитации, и в плане координации штабов, аналитики, работы с избирателями. Но если взять малые города или сельские территории - там всё ещё доминируют классические формы работы: листовки, встречи, сарафанное радио. Поэтому мы пока на этапе перехода, и он, как мне кажется, продлится ещё минимум 3–5 лет.

Плюс, важный фактор - это развитие инфраструктуры и законодательной

базы. Пока нет единой системы, которая бы регулировала цифровую агитацию, онлайн-голосование, цифровую отчетность и т.д. Всё развивается немного точечно: где-то запускают ДЭГ, где-то развивают платформы для агитации, где-то создаются молодежные инициативы в онлайн. Это хорошо, но до полноценной, системной трансформации - ещё шаги впереди...”

“...если говорить честно и опираясь на личный опыт участия в кампаниях в Тюменской области, прямого и массового применения именно искусственного интеллекта (в его классическом понимании) - пока не наблюдается. Но при этом уже активно используются инструменты, которые основаны на алгоритмах с элементами ИИ, и это становится частью технологической работы...”

“...в моём опыте участия в региональных и муниципальных выборах электронные подписи используются, но пока не повсеместно и не на всех этапах. В основном они применяются для внутренней документации штаба, оформления различных отчетов и взаимодействия с избирательными комиссиями, где допускается электронный документооборот. Это ускоряет обмен документами и снижает количество бумажной работы.

Что касается муниципального фильтра и сбора подписей избирателей, то здесь электронные подписи используются гораздо реже. По моим наблюдениям, на практике в основном применяется традиционный способ - сбор бумажных подписей, так как избирательные комиссии зачастую требуют оригиналы с личной подписью для подтверждения легитимности. Электронные подписи пока не получили широкого признания и не заменяют полностью бумажные...”

Эксперт из Ульяновска №1

“...Электронные и цифровые технологии начали активно внедряться в избирательный процесс в Ульяновской области в середине 2010-х годов, когда началась общероссийская цифровизация избирательной системы. Первый этап связан с внедрением КОИБ (комплексов обработки избирательных бюллетеней), которые позволили автоматизировать процесс подсчета голосов. Второй этап — это развитие информационных систем для регистрации кандидатов и взаимодействия с избирательными комиссиями. С 2020 года, в рамках общероссийских трендов, начались эксперименты с дистанционным электронным голосованием (ДЭГ), что стало третьим этапом цифровизации...”

“...На региональных выборах в Ульяновской области пока не проводились масштабные эксперименты с ДЭГ, как это было, например, в Москве или Нижегородской области. Однако в рамках федеральных выборов (например, выборов депутатов Государственной Думы в 2021 году) избиратели региона могли участвовать в голосовании через портал «Госуслуги». Также некоторые политические партии использовали электронное голосование для праймериз, например, «Единая Россия»...”

“...Механизм легитимации включает несколько ключевых элементов: обеспечение прозрачности процесса голосования через использование блокчейн-технологий (в случае федеральных выборов), возможность наблюдения за процессом со стороны независимых экспертов и политических партий, а также проверку итогов голосования через независимые аудиторские компании. Наиболее эффективной

практикой является открытость кода систем ДЭГ, что позволяет экспертам анализировать их на предмет уязвимостей...”

“...В Ульяновской области популярными платформами для агитации являются «ВКонтакте», Telegram и «Одноклассники». «ВКонтакте» активно используется для взаимодействия с молодежью, Telegram — для оперативного информирования и создания политических каналов, а «Одноклассники» — для работы с более старшей аудиторией. В последние годы наблюдается рост популярности YouTube и TikTok среди политических акторов, что связано с привлечением более молодой аудитории...”

“...Да, кандидаты активно используют онлайн-банкинг для сбора средств на предвыборные кампании. Это происходит через официальные счета избирательных фондов, доступ к которым можно получить через банковские приложения. Однако использование криптовалют или криптокошельков пока не получило широкого распространения из-за законодательных ограничений и недостаточной регуляции...”

Эксперт из Ульяновска №2

“...Цифровое пространство действительно становится все более важным элементом политической борьбы, особенно среди молодежи и активного городского населения. Однако офлайн-пространство сохраняет свою значимость для старшего поколения и жителей сельских территорий. Таким образом, оба формата продолжают сосуществовать...”

“...Особенности включают постепенное внедрение КОИБ, использование государственных порталов для подачи документов кандидатами и проведение агитации через социальные сети. Также можно отметить эксперименты с онлайн-опросами и платформами обратной связи для избирателей...”

“...Процесс цифровой трансформации еще не завершен. Несмотря на значительный прогресс, требуется дальнейшее совершенствование технологий, включая расширение доступа к ДЭГ, усиление кибербезопасности и повышение цифровой грамотности граждан...”

“...На текущий момент использование ИИ ограничено. Однако в некоторых регионах России, включая УО, ИИ применялся для анализа данных о настроениях избирателей в социальных сетях и оптимизации агитационных кампаний. Эффективность таких инструментов зависит от качества исходных данных...”

“...Да, электронные подписи используются при подаче документов кандидатами через порталы государственных услуг. Однако их применение для прохождения муниципального фильтра или сбора подписей ограничено законодательством...”

“...Цифровизация избирательного процесса позволяет сделать выборы более прозрачными и доступными. Однако важно учитывать риски, связанные с киберугрозами и возможностью манипуляций. В будущем стоит уделить больше внимания обучению граждан работе с цифровыми инструментами выборов...”

Эксперт из Уфы №1

“...История цифровых технологий на выборах в регионах такова: анализ информационных материалов сайтов и информирование через интернет в конце 90-х, таргетирование политической рекламы до 2010 года, работа с социальными

сетями с 2011, автоботы с 2013, применение нейросетей с 2024...”

“...Широко применялся на праймериз Единой России. В ходе основного голосования не применяется (кроме эксперимент в 2021 году)...”

“... наиболее популярные социальные сети на выборах - Вконтакте, Телеграм, Вацап. Очень локально Одноклассники. Facebook¹⁷¹ сейчас не применяется парламентскими политическими партиями, Instagram¹⁷² **** и Твиттер не рассматриваются как эффективная рекламная площадка...”

“...Случаи по применению онлайн-банкинга не известны. Возможно использование этих инструментов со стороны несистемной оппозиции, но она в электоральных кампаниях не участвует...”

“...Личный контакт по-прежнему остается самой эффективной коммуникацией. Онлайн имеет вспомогательное значение. В большей степени в городах, в наименьшей на селе...”

“...попытки перенести агитацию в онлайн. Достаточно неудачные, поскольку информационные сообщения нацелены скорее на лояльную кандидатам аудиторию. Перетока колеблющихся избирателей они не обеспечивают. Наиболее эффективно используется соцсети и мессенджеры для организации работы предвыборных команд. Есть удачные примеры повышения внимания к самой процедуре голосования...”

“...Процесс цифровизации далек от завершения. Эффективные информационные технологии, способные поменять сложившиеся мотивы, ценности, предпочтения только разрабатываются. Пока наиболее эффективны только отдельные глобальные компании воздействия на сознание (например, чайлдфри, популяризация Трампа)...”

“...есть только эксперименты с нейросетями по написанию текстов, созданию роликов. Системная работа по этому направлению видна со стороны ЦИПСО в формате дипфейков...”

“...пока наиболее эффективно цифровизация идет в сфере организации работы избирательных комиссий и орггрупп кандидатов. Создание рекламных технологий, способных стать более эффективными, чем личный контакт – дело будущего...”

Эксперт из Уфы №2

“...Среди социальных сетей можно выделить ВК, ОК, смена произошла с 2022 года, когда ряд сетей получили статус запрещенных...”

“...Нет, цифровая политическая трансформация российского регионального избирательного процесса не завершилась. Переход – до 10-15 лет...”

“...ИИ применялся например в «поющей» анимации плакатов с посевами в ТГ и ВК...”

Эксперт из Ярославля

¹⁷¹ ***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.

¹⁷² ****Instagram — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.

“...В 2017 г. ЯО стала площадкой для внедрения новых цифровых технологий в избирательный процесс. Данная технология использовалась на довыборах в Ярославскую Думу. В настоящее время Ярославская область – это активная территория дистанционного электронного голосования...”

“...Пример дать конкретный не смогу, так как сама предпочитаю голосовать лично («ногами»), но сотрудники Института, который я возглавляю, практически все голосуют удаленно...”

“...Вконтакте, Telegram занимают первое место на региональных выборах...”

“...Это зависит от электората. Есть представители электората, для которых прийти на участок это:

- значимая процедура;
- воспитательный процесс для подрастающего поколения;
- отдохнуть от ... цифровых технологий и т.п...”

“...Опять-таки многое зависит от электората, есть активная и пассивная часть избирателей:

- дистанционное голосование;
- реклама в соц. сетях;
- в ЯО много подписчиков у руководителей органов власти...”

“...приведу пример не из нашего региона:

Выступает претендент, а за ним дается предпочтительная картинка.

В ЯО работает Активный сайт мой дом, где есть активные комментарии, на которые реагируют...”

Некоторые цитаты из фокус-группы в Москве:

“...В Москве ДЭГ на региональной информационной системе применяется с 2019 года. Можно выделить три этапа: подготовка к эксперименту и эксперимент 2019 года; применение ДЭГ на общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию в 2020 году; применение ДЭГ на федеральных и региональных выборах в 2021-2025 годов...”

“... В Москве ДЭГ используется на всех уровнях выборов с 2019 года. Праймериз партий проводится на федеральной информационной системе ДЭГ...”

“...Общественная палата Москвы, Штаб общественного наблюдения Москвы, Независимый общественный мониторинг, электоральные эксперты и блогеры, избирательная комиссия г. Москвы, департамент информационных технологий Москвы являются главными субъектами легитимации результатов ДЭГ, которые продвигают ДЭГ в офлайн и онлайн...”

“...Вконтакте, Телеграм, Ватсапп. Место Facebook¹⁷³***, который был наиболее популярен до начала СВО в 2022 году заняли Телеграм и Ватсапп. Телеграм используется для продвижения нарративов противников и сторонников ДЭГ в анонимных и авторизованных каналах. Ватсапп используется для координации работы наблюдателей, сторонников политических партий и кандидатов,

---

¹⁷³ ***Facebook — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.

агитаторов и рядовых избирателей...”

“...Фиджитал превращается в диджитал...”

“...Избиратели получают большую часть информации о кандидатах и партиях в Интернете. Субъекты избирательного процесса получили возможность дистанционного открытия избирательного счета, размещения рекламы в социальных сетях, назначения наблюдателей на избирательные участки и в ДЭГ...”

“...Я думаю, что цифровая трансформация будет продолжаться ещё 5-10 лет. Трудно подсчитать, сколько действий, связанных с регистрацией кандидата или партии, агитации можно совершить в Интернете. Например, на портале «Госуслуги» уже более 1600 различных услуг. Теперь гражданам и юридическим лицам трудно разобраться в ассортименте. Скорее всего, потенциал цифровой трансформации выборов ещё очень велик, и мы даже не осознаем всех возможностей...”

“...ИИ используется в качестве чат-ботов, для подготовки выступлений, для обработки поступающих обращений избирателей. ИИ не используется легально в агитации, потому что изображения и тексты, сгенерированные ИИ могут быть основанием для нарушения авторских прав и аннулирования регистрации кандидата. Требуется законодательное регулирование применения ИИ на выборах, но этого нет...”

“...В Москве для регистрации в качестве кандидата самовыдвиженца можно собрать до 50% электронных подписей, но не больше. Я считаю, что следует двигаться к 100% возможности сбора электронных подписей. Муниципальные депутаты в Москве должны собственноручно поставить подпись, а подписной лист нужно заверить у нотариуса...”

“...Процесс внедрения электронных и цифровых технологий в избирательную систему Москвы носит прогрессивный характер, начался не одномоментно, синхронизирован и отражает тенденции развития избирательной системы России в целом. Можно условно выделить несколько этапов, начиная с ранних 2000-х годов.

Первый этап (примерно до середины 2010-х): Характеризуется появлением официальных сайтов избирательных комиссий различных уровней, использованием электронной почты для коммуникации и началом использования социальных сетей (в первую очередь, ВКонтакте, Одноклассники) как площадок для размещения информации и даже агитации отдельными кандидатами. Цифровые технологии на этом этапе скорее дополняли традиционные методы, не меняя их сути.

Второй этап (примерно с середины 2010-х до конца 2010-х): Отмечается более активное и систематическое использование социальных сетей и мессенджеров (в последние годы наиболее активно – Telegram) как основных инструментов агитации, информирования и координации действий различных участников процесса. Начинает развиваться онлайн-таргетированная реклама, использование аналитических инструментов для работы с данными.

Третий этап (с начала 2020-х годов по настоящее время): Связан с

масштабным внедрением дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в качестве полноценного элемента избирательного процесса на региональном уровне. Если говорить о столице, то безусловно, Москва была первой, кто решился на эксперимент по внедрению ДЭГ, с тех пор ежегодно используя этот формат с высоким откликом от населения. Этот этап характеризуется интеграцией различных цифровых платформ (порталы госуслуг, городские сервисы) в процесс информирования и голосования в регионах России в целом, а также повышением роли цифровой безопасности и технологий верификации. На этом этапе цифровые технологии становятся не просто дополнением, а одним из ключевых компонентов организации и проведения выборов...”

“...Да, в Москве накоплен значительный опыт использования дистанционного электронного голосования. Например, т.н. эксперименты по внедрению ДЭГ, одной из первых кампаний стали выборы в Мосгордуму в 2019 году. Применение ДЭГ на муниципальных выборах в отдельных районах Москвы. Также следует отметить использование электронных форматов голосования (как элементы цифровизации волеизъявления) в рамках внутрипартийных процедур, таких как предварительное голосование ЕР, хотя их статус и механизмы отличаются от ДЭГ. Москва фактически является одним из ключевых регионов-полигонов для отработки технологий ДЭГ...”

“...С точки зрения эффективности, наибольшее значение имеют комплексные подходы, сочетающие техническую прозрачность (криптография, открытый код, блокчейн) с процедурной открытостью и возможностями контроля со стороны общества (онлайн-наблюдение, широкое информирование граждан). Наиболее важным элементом для повышения доверия и, как следствие, легитимности в восприятии широкой общественности, на мой взгляд, является прозрачность и понятность самой процедуры, активная разъяснительная работа, а также наличие эффективных механизмов общественного и экспертного контроля, которые не требуют глубоких технических знаний от всех участников. Обучения, которые проводятся для наблюдателей и экспертов на площадке Общественной палаты РФ позволяют развенчивать мифы о ДЭГ, а участникам задать любые сложные и каверзные вопросы специалистам в области криптографии и ИТ. Повышение цифровой грамотности избирателей также играет важную роль в легитимации ДЭГ...”

“...На мой взгляд, сегодня наблюдается тенденция к комплексной работе на нескольких платформах одновременно, с адаптацией контента под специфику каждой. Например, во ВКонтакте может быть более официальная информация, в т.ч. госпабликов, системы избирательных комиссий, в Telegram – оперативные комментарии и «инсайды», телеграм-каналы отдельных политических и общественных деятелей, в Одноклассниках – личные истории и поздравления, однако сама платформа уже гораздо менее активно используется в столице, более характерна для региональных сообществ и отдельных возрастных групп пользователей, на YouTube – развернутые видеоматериалы, сама же платформа используется все реже из-за ограничений, официальные структуры перешли на RuTube. Активно применяются технологии анализа аудитории и таргетирования.

Этапы сменяемости: Да, такие этапы отчетливо прослеживаются. На заре цифровизации (конец 2000-х - начало 2010-х), как и в других регионах, доминировали блоги и форумы (например, ЖЖ), затем на передний план вышли ВКонтакте и Одноклассник. Позднее, с развитием мобильного интернета, возросла роль Instagram****¹⁷⁴ (до его ограничения по объективным причинам), а в последние годы доминирующее положение в сегменте оперативной информации занял Telegram, который потеснил другие платформы в этой нише. Это связано как с изменением пользовательской активности, так и с регуляторными изменениями и особенностями функционала самих платформ...”

“...Я склонен считать, что цифровое виртуальное пространство не столько вытесняет офлайн, реальное пространство, сколько трансформирует и дополняет его, а в некоторых аспектах, безусловно, может становиться доминирующим каналом. Процесс агитации и информирования все больше смещается в онлайн, особенно для определенных категорий избирателей (молодежь, активные интернет-пользователи, жители крупных городов). Цифровые каналы позволяют быстро доносить информацию, точно работать с различными группами, получать оперативную обратную связь, создавать и поддерживать сообщества сторонников.

Однако, офлайн-активности – встречи с избирателями, поквартирный обход, распространение печатных материалов, уличная агитация, публичные мероприятия – сохраняют свое ключевое значение по ряду причин. Примером тому может также служить проект ЦИК России «Информ УИК». Во-первых, за счет офлайн-активности обеспечивается личный контакт, который часто более эффективен для установления доверия и убеждения, чем опосредованное онлайн-общение. Во-вторых, значительная часть электората, особенно старшего возраста или проживающая в менее развитых в цифровом плане территориях, по-прежнему получает информацию преимущественно из традиционных источников. В-третьих, офлайн-активности важны для мобилизации сторонников, создания ощущения реальной поддержки и вовлеченности.

Поэтому, если обобщить, то, как мне кажется, происходит не вытеснение, а изменение баланса, в каждом отдельном случае и отдельной кампании, безусловно, различное. Успешная кампания сегодня, как правило, предполагает продуманное сочетание онлайн- и офлайн-стратегий. Роль офлайн может даже возрастать в контексте преодоления «цифрового шума» и формирования более глубоких связей с избирателями...”

“...1. Так называемая неравномерность проникновения цифровых решений. Уровень использования цифровых технологий и их влияние существенно различаются между регионами, а внутри регионов – между крупными городами и сельской местностью. Это создает некий разрыв как для избирателей (в доступе к информации, возможности участия в ДЭГ и т.д.), так и для кандидатов (в

---

¹⁷⁴ ****Instagram — проект Meta Platforms, Inc., являющейся экстремистской организацией, запрещена в России.

эффективности онлайн-агитации). Однако избирательная система сегодня представляет успешные кейсы сочетания и синергии очных и онлайн инструментов, опять же пример проекта «Информ УИК».

2. Доминирование социальных сетей как основного канала агитации: Региональные кампании в значительной степени перешли из традиционных СМИ (газеты, ТВ) в социальные сети и мессенджеры, как более дешевый и потенциально более эффективный инструмент точечного воздействия.

3. Усиление роли недобросовестных, т.н. серых или черных технологий в онлайн: Наряду с легальной, дозволенной законом, агитацией, цифровое пространство активно используется для распространения компромата, фейковой информации, анонимной агитации, что усложняет контроль и требует выработки эффективных механизмов противодействия и регулирования отрасли.

4. Цифровизация работы избирательных комиссий: Активное использование ГАС "Выборы", цифровых сервисов для участников процесса, в т.ч. возможность сбора подписей в регионах через Госуслуги, элементы электронного документооборота.

5. Расширение ДЭГ: От года к году постоянно растет число регионов, инициативно заявляющих о желании проводить ДЭГ на своей территории. Этот процесс идет логично, своевременно и без спешки.

6. Рост значимости кибербезопасности: Защита данных избирателей, официальных онлайн-ресурсов, системы ДЭГ становится критически важной задачей.

7. Изменение требований к штабам кандидатов: Возникает острая потребность в специалистах по цифровому маркетингу, аналитикам данных, юристах, понимающих специфику регулирования онлайн-активности.

Эти и многие другие локальные тенденции и особенности формируют новый ландшафт региональных выборов, требующий адаптации как от участников процесса (кандидатов, партий, штабов), так и от организаторов выборов и общества в целом...”

“...Процесс трансформации продолжается и, вероятно, будет продолжаться неопределенно долго, поскольку цифровая среда динамична. Более корректно говорить о текущем этапе трансформации, который характеризуется активным поиском оптимальных моделей сочетания традиционных и цифровых методов, стандартизацией внедряемых решений (особенно в области ДЭГ), и развитием регуляторной базы...”

“...На мой взгляд, на региональном уровне по стране в целом прямое, широко афишируемое использование "чистого" искусственного интеллекта (ИИ) в избирательных кампаниях пока носит скорее экспериментальный или пилотный характер, либо реализуется через инструменты, предоставляемые крупными IT-платформами. Нет достаточного количества специалистов, и полезность сервисов ИИ иногда может ограничиваться написанием текстов, в меньшей степени генерацией изображений. Сегодня это не получает пока широкого распространения, хотя, опять же, эксперименты есть.

Стоит отметить, что использование ИИ в избирательном процессе вызывает серьезные этические и правовые дискуссии, связанные с прозрачностью,

потенциалом для манипуляций и вмешательства в процесс, особенно если говорить об анализе больших данных с помощью нейросетей. И, повторюсь, на мой взгляд, эффективность использования ИИ напрямую зависит от квалификации команды штаба, которая эти инструменты применяет, и от соблюдения законодательных и этических норм...”

“...Насколько мне известно, электронные подписи кандидатами используются преимущественно в сфере электронного документооборота при взаимодействии с официальными структурами, где это прямо предусмотрено. Для заверения поддержки со стороны муниципальных депутатов или избирателей на подписных листах в их классическом понимании, как мне известно, на сегодняшний момент пока используются традиционные подходы...”

“...Дополнительно могу отметить, что процесс цифровизации региональных выборов ставит ряд важных задач и вызовов, требующих комплексного подхода.

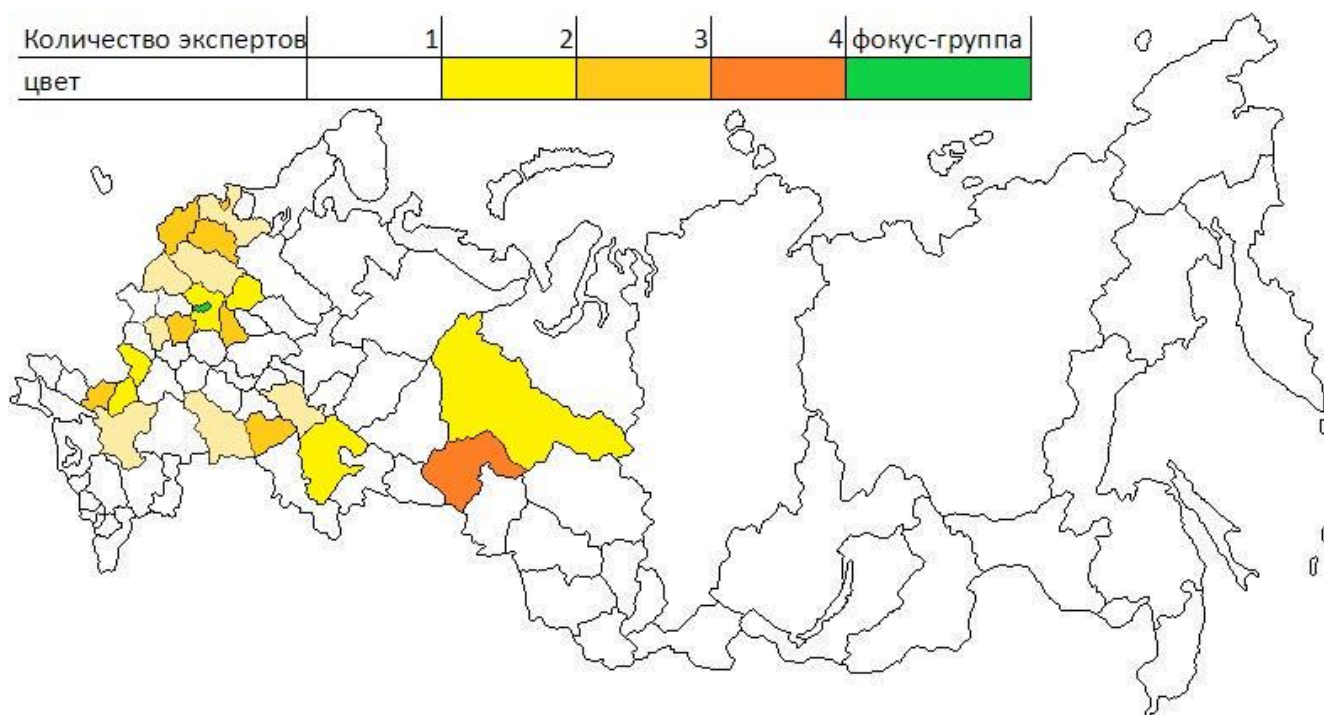
Во-первых, это вопрос цифрового неравенства. Необходимо уделять внимание не только внедрению новых технологий, но и обеспечению равного доступа к ним для всех категорий избирателей, наращиванием цифровой инфраструктуры и доступа к ней. Параллельно должна вестись работа по повышению цифровой грамотности населения.

Во-вторых, обеспечение кибербезопасности и доверия к цифровым инструментам. Любое внедрение цифровых решений, особенно в такой чувствительной сфере как выборы, должно сопровождаться исчерпывающими мерами по защите от взломов, утечек данных и манипуляций. Прозрачность работы систем, возможность независимого контроля и наблюдения являются сегодня ключевыми для формирования общественного доверия...”

Приложение В

Картографическая демонстрация проведения исследования

Карта-диаграмма по количеству экспертов в регионах

Карта-диаграмма по количеству городов проведения исследования в каждом регионе

